

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

МИНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ.

Проблемы новой и новейшей истории

МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск 6

Минск
Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1979

9(M)3+9(M)7
В 74

Редакционная коллегия:

Ф. М. Фомин (главный редактор), *А. А. Василенский* (зам. главного редактора), *Р. А. Чикалов* (ответственный секретарь), *Г. П. Волчок*, *Г. С. Евдокименко*, *А. П. Игнатенко*, *А. П. Пьянков*, *В. В. Чепко*, *Л. М. Шнейерсон*

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Проблемы новой и новейшей истории

Межведомственный сборник

Выпуск 6

Редактор В. В. Сербантович. Младший редактор Н. А. Полторжиккая. Художественный редактор Л. Г. Медведева. Технический редактор В. П. Безбородова. Корректоры Г. Ф. Маликова, Л. В. Лебедева

ИБ № 291

Сдано в набор 01.09.78. Подписано в печать 06.03.79. АГ 0009. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,82. Учетн.-изд. л. 9,62. Тираж 1000 экз. Заказ 1476. Цена 1 р. 40 к. Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Минск, Парковая магистраль, 11. Дом книги. Типография им. Франциска (Георгия) Скорини издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68

Вопросы истории. Межвед. сборник. Вып. 6.—
В74 **Мн.:** Изд-во Белорусского государственного ун-та,
1979. 168 с. (М-во высш. и средн. спец. образова-
ния БССР. Минский гос. пед. ин-т им. А. М. Горь-
кого)

Сборник посвящен актуальным вопросам истории международного рабочего движения и социалистического строительства, а также истории международных отношений нового и новейшего времени. Освещаются процесс нарастания угрозы войны, расстановка сил на международной арене и борьба рабочего класса против наступления монополий в 30-е гг. XX в., анализируются процессы, протекающие в современном рабочем движении.

Адресован научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам исторических факультетов.

10604 - -018
В -58-79
М317 -79

9(M)3+9(M)7

© Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1979.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Л. Н. Гаранин,

канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В МАГДЕБУРГЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг.

Рабочее движение в Магдебурге накануне революции 1848—1849 гг. характеризовалось распространением идей утопического социализма среди передовой части рабочих и нарастанием активного протеста трудящихся масс против усиливающегося социального гнета.

В 30—40-е гг. XIX в. в Германии начался промышленный переворот. В Магдебурге развивается производство оборудования для пищевой и текстильной промышленности, судостроение. В его окрестностях, в имениях крупных землевладельцев, появляются предприятия по производству сахара, цикория, спирта, а также мельницы и маслобойни, оборудованные машинами. В Бурге преобладало сукноделние, в Хальберштадте — обработка табака. В Штрассфурт—Ошерслебенском районе добывались каменная соль и бурый уголь. Магдебург превратился в один из крупнейших железнодорожных узлов Германии. В 1840 г. была открыта линия Магдебург—Лейпциг, в 1843 г. — линия Магдебург—Хальберштадт, соединенная через Ошерслебен с линией на Брауншвейг, в 1849 г. — линия Магдебург—Гамбург. В 1849 г. в Магдебурге имелось 109 фабрик и заводов (с числом рабочих более 15), на которых трудились 5414 рабочих. При нищенской заработной плате рабочий день длился 12—18 ч. Особенно жестоко эксплуатировался труд женщин и детей¹.

Гнет эксплуатации вызывал протест рабочих. В 1844 г. в ответ на восстание силезских ткачей забастовали рабочие сахарных заводов Магдебурга, требуя повышения

заработной платы. В 1842 г. бастовали рабочие землекопы в Пиннагене на строительстве железнодорожной линии Магдебург — Хальберштадт, в 1845—1846 гг. на линии Магдебург — Потсдам (близ Гентина).

Стачка в Пиннагене была первым крупным классовым выступлением магдебургского пролетариата². Рабочие-землекопы из ближайших городков и деревень, нанятые поешно за 8 зильбергрошей, трудились по 12 ч в день, питались черным хлебом и картофелем. Расчет рабочим часто задерживался, и их семьи голодали. Надсмотрщики же требовали выполнения нормы в любых условиях. Все это вызвало возмущение землекопов. Старейший рабочий Христиан Стеффенс сказал, обращаясь к товарищам: «Есть только одно средство — ни одного движения рукой, пока нам не заплатят». Он предложил рабочим двинуться в деревню Гроссвишштедт к дому предпринимателя. Рабочие с заступами на плечах направились туда и собрались возле дома хозяина, в котором были заперты двери и забаррикадированы окна. Стеффенс постучал в ставень и крикнул, что они пришли требовать лишь заработанное. Никто не ответил. Рабочие решили ждать. Вдруг послышался стук копыт. Кто-то крикнул: «Кирасиры! Подлец вызвал хальберштадских кирасир!» Перекрывая шум, Стеффенс громко закричал: «Оставайтесь на месте! Если мы едины, нам нечего бояться!» Кирасиры приблизились. Командир эскадрона, ротмистр, потребовал разойтись, угрожая применить оружие. Избегая ненужного кровопролития, рабочие согласились подчиниться силе, но расходясь заявляли, что последнее слово остается за ними.

Землекопы еще верили в справедливость государственной власти и на следующий день попытались обратиться в ратушу Хальберштадта, но туда их не пустили. В то же время был арестован Х. Стеффенс, осужденный позднее на длительный срок заключения.

В 30—40-е гг. в Германии начали возникать первые рабочие организации. Первоначально это были союзы ремесленников. Их идеология складывалась под влиянием различных теорий утопического социализма. Одним из первых организаторов и теоретиков подобных союзов был уроженец Магдебурга Вильгельм Вейтлинг, работы которого Ф. Энгельс называл «гениальными»³. Эмигрировавший за границу в молодые годы, чтобы избежать

прусской военной службы, Вейтлинг в 1844 г. пытался вернуться на родину, но был выслан из Пруссии как «государственный преступник»⁴.

В начале 40-х гг. в Магдебурге была образована община «Союза справедливых» под легальным прикрытием читательского кружка. В нее входили портной Бек, переплетчики Беренс и Вайзе, бондарь Греббе и ряд других рабочих-ремесленников. В декабре 1846 г. полиция напала на след этой организации и арестовала некоторых из ее участников. Ниточка к магдебургской общине потянулась из Берлина. Берлинский полицей-президиум сообщил в полицию Магдебурга, что при закрытии одного клуба в Берлине, замешанного в «коммунистических происках», выяснились его связи с магдебургскими единомышленниками — Беком, Беренсом и др. В ходе следствия магдебургская полиция «привлекла к ответственности» еще ряд местных ремесленников, в квартирах которых при обыске были найдены демократические и коммунистические издания, а также книготорговцев Фабрициуса, Кречмана и Баенша. Всех их обвинили в создании клуба для чтения литературы, которая «возбуждала неудовольствие против главы государства и правительства». Переплетчику Беренсу помимо того было предъявлено обвинение в сотрудничестве с членами берлинского «коммунистического клуба», в частности с портным Ментелем⁵.

Однако против большинства арестованных, сумевших сохранить в тайне существование общины «Союза справедливых», серьезных улик собрать не удалось, и они были освобождены. Бек отправился в Рейнскую область, а позднее в Париж, где сотрудничал с соратниками К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1847 г. магдебургская община участвовала в преобразовании «Союза справедливых» в «Союз коммунистов» — первую пролетарскую партию.

Германский пролетариат, состоя в основном из неквалифицированных и ремесленных рабочих, постепенно осваивал пролетарские методы борьбы — стачку, забастовку. Передовые рабочие начинали понимать значение революционной теории, делали первые шаги по овладению ею. Из «класса в себе» пролетариат Германии превращался в «класс для себя». Этот процесс происходил и в Магдебурге.

Сильный неурожай картофеля в 1845—1846 гг. затро-

нул и Магдебургский округ, вызвал голодные волнения, в частности в Зальцведеле и Хальберштадте. Экономический кризис 1847 г. привел к дальнейшему обострению социальных противоречий. 15 марта магдебургские рабочие и мелкобуржуазные демократы демонстрировали на Соборной площади в центре Магдебурга, прямо у дома директора полиции Кампца⁶. События в Магдебурге были одним из частных проявлений нарастающей революционной ситуации в Германии.

¹ См.: 50 Jahre Magdeburger Statistik. Magdeburg, 1935, S. 84; Kuczinski J. Die Geschichte der Grundlagen der Arbeiter unter dem Kapitalismus, Bd. 1. Darstellung der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis 1849. Berlin, 1961, S. 310.

² «Volksstimme», Beilage 33, 16. August 1968.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 443.

⁴ Asmus H. Quellensammlung zur Geschichte der Arbeiterbewegung im Bezirk Magdeburg, Teil 1. Anfänge bis 1917. Magdeburg, 1969, S. 8—9. Вейтлинг отказался выехать без соответствующих документов на выезд, его доставили в Магдебург (сохранился протокол его допроса в полиции Магдебурга 12 августа 1844). Здесь Вейтлинг получил документы для проезда в Америку и 17 августа покинул навсегда свой родной город.

⁵ Ibid., S. 10.

⁶ Ibid., S. 11.

Л. Е. Найборт,

канд. ист. наук
(Могилевский пед. ин-т)

ВЕНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 1848 г. ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Венская демократическая печать 1848 г. свидетельствует о зарождении и развитии в ходе революции идей солидарности у народов Австрийской империи. Она требовала справедливого решения польского вопроса, сочувственно, хотя и не всегда последовательно, освещала борьбу в итальянских, чешских землях против австрийского геноцида, призывала к активной поддержке венгерской революции, раскрывала взаимосвязь борьбы за демократию с борьбой за решение национального вопроса.

«Бастилией народов» называли современники Австрийскую империю. Национальный гнет, натравливание одного народа на другой являлись составной частью метерниховской политики. Революция 1848 г., как отмечал

Ф. Энгельс, «сразу вызвала со стороны всех угнетенных наций требование независимого существования и права самостоятельно вершить свои собственные дела»¹. Революция явилась началом национально-освободительных движений, которые длились вплоть до распада «лоскутной» феодально-абсолютистской Австро-Венгрии.

Газеты демократического направления появились в Вене со свержением реакционного режима Меттерниха. Наиболее влиятельными являлись «Конституцион», выходящая под девизом «Свобода и труд», «Фреймютиге» («Откровенный»), «Герад'аус» («Напрямик»), «Радикале» — орган венского Демократического союза². Они отражали интересы и настроения мелкобуржуазных слоев австрийского общества, радикальной интеллигенции, студенчества, ремесленников, рабочих.

С первых номеров демократические органы печати повели борьбу против сохранения Австрийской империи. Наиболее радикальным было отношение венских демократов к польскому вопросу. Так, «Конституцион» резко разоблачала власти, не желавшие «отказаться от незаконно присоединенных польских земель»³. Корреспондент «Радикале» Рейниш писал, что «священным долгом... первым актом исполнительной власти должно быть провозглашение независимости Польши»⁴.

С большим сочувствием к стремлению поляков к свободе и единству писала «Герад'аус»: день освобождения Австрии должен стать днем освобождения Польши⁵.

Радикальные венские газеты обращались к революционным событиям в Ломбардии и Венеции. Так, «Конституцион» восстание итальянцев против австрийского господства рассматривала как борьбу за свободу и выступала за прекращение войны. Но отдельные авторы выражали сожаление по поводу стремления итальянских провинций к отделению. Как представители мелкобуржуазных слоев господствующей нации они не могли мириться с возможной потерей богатых итальянских земель⁶.

В целом же венская демократическая пресса была против военного порабощения восставших провинций. «Конституцион» писала: «Если не удастся мирным путем вернуть потерянное, нужно предоставить итальянцам свободу»⁷. Со временем газета все более склонялась к поддержке восставших итальянцев. В середине мая она

опубликовала обращение молодежи Милана к студентам Венского университета и Политехнического института, в котором разъяснялась цель борьбы, вслушавшейся в итальянских землях, звучал призыв не допустить посылки в Италию новых отрядов войск.

«Радикале» уже во втором номере опубликовала открытое письмо известному поэту Грильпарцеру с резкой критикой одного из его стихотворений, в котором восхвалялись победы маршала Радецкого в Италии. Еще более резко выступала газета против распространявшегося реакционной прессой мнения, что от победы в Италии зависит честь австрийского оружия. Автор статьи «Ломбардия и штыки» («Die Lombardei und die Bajonette») З. Колиш подчеркивал, что война против Италии — это война против свободы и честь состоит в сохранении, а не в подавлении свободы⁸.

Реакционная печать подвергла нападкам позицию демократических газет по итальянскому вопросу. «Гайсель» («Бич») называла демократов предателями и угрожала им расправой, когда «австрийские герои вернутся из Италии», требовала военного суда над редакторами радикальных газет⁹.

Победа императорских войск над восставшими итальянскими провинциями усилила позиции реакции. Связь между победой в Италии и усилением реакции в Вене сразу же отметили демократические газеты. «Герад'аус» писала, что «победа реакции на юге окрылила всех аристократов на севере, а нас наполнила болью», что «они надеются кровавые сцены юга повторить на севере, но забывают, что мы вынесли также хороший урок из итальянских событий»¹⁰. Это свидетельствует об осознании революционными австрийскими кругами взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за прогрессивное решение национального вопроса в империи.

Правильную оценку в венской радикальной прессе получило восстание 12—17 июня 1848 г. в Праге, на баррикадах которого бок о бок сражались против правительственных войск чешские, австрийские, словацкие и польские демократы¹¹. Вначале сообщения из Праги были противоречивыми, зачастую ложными, поэтому и суждения демократической печати были неуверенными. Но уже 17 июня редактор «Конституцион» Леопольд Гефнер обвинил австрийские правящие круги в том, что они ве-

дут борьбу против свободы в Праге. Он писал, что командующий австрийскими войсками маршал Виндишгрец путь реакции в Праге прокладывает трупами и картечью. Газета «Фраймютиге», описывая пражские события, делала вывод, что в Праге имела место не только война между «чехами и немцами», как об этом заявляли реакционные круги, а «борьба между военщиной и свободой»¹². «Герад'аус» писала, что восстание в Праге было вызвано необходимостью защиты свободы, которой угрожали войска Виндишгреца. Автор статьи подчеркивал, что «снаряды, которые посылал благородный фельдмаршал при обстреле Праги, не делали различия между чехами и немцами». Венцы должны понять, предупреждала газета, что завтра с ними поступят так же, как вчера с пражанами¹³.

Таким образом, австрийские демократические круги с сочувствием отнеслись к Пражскому восстанию, дали правильное освещение этих событий на страницах печати. Правда, правильная оценка положения в Праге была дана венскими демократами уже после поражения восстания, когда зверства Виндишгреца вызвали негодование прогрессивных кругов и в других странах. В ходе восстания венские революционные силы не оказали практической помощи чехам, и австрийская реакция одержала победу в Праге. Это облегчило ей борьбу с революционным движением в Вене. И все же правильная, хоть и запоздавшая, оценка Пражского восстания способствовала накоплению революционного опыта для дальнейшей борьбы.

Революционно-демократические силы Австрии, учитывая опыт своего отношения к итальянскому и чешскому национально-освободительным движениям, не остались пассивными, когда стягивались войска против восставших венгерских земель. Они оказали активную поддержку венгерскому революционному движению, не допустили отправки в начале октября 1848 г. австрийских солдат из Вены на подавление венгерской революции. Немаловажную роль в подготовке общественного мнения к этому событию, ставшему началом вооруженного восстания в Вене, сыграла венская демократическая печать. Однако в 1848 г. не удалось преодолеть разобщенность революционных сил Венгрии и Австрии. Это сыграло отрицательную роль в судьбе революции.

Недостаточная политическая зрелость радикально-демократического движения, длительное влияние реакционной меттерниховской системы, малочисленность и слабость пролетариата явились основной причиной не всегда последовательной и решительной поддержки демократическими силами Австрии национально-освободительной борьбы угнетенных народов. И все же анализ венской печати 1848 г. позволяет сделать вывод о зарождении и развитии идей интернациональной солидарности народов Австрийской империи в ходе совместной революционной борьбы против сил реакции.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 53.

² См. подробнее: Авербух Р. А. Революция в Австрии (1848—1849). М., 1970, с. 11.

³ «Die Constitution», 14. April 1848.

⁴ «Der Radikale», 11. Juli 1848.

⁵ «Gerad'aus», 13. Juni 1848.

⁶ См.: Революции 1848—1849 гг. Под ред. Ф. В. Потемкина, А. П. Молока, т. 1. М., 1952, с. 357.

⁷ «Die Constitution», 3. April 1848.

⁸ «Der Radikale», 16. August 1848.

⁹ «Die Geissel», 5. August 1848.

¹⁰ «Gerad'aus», 26. Juli 1848.

¹¹ См.: История Чехословакии, т. 2. М., 1959, с. 27.

¹² «Der Freimutige», 22. Juli 1848.

¹³ «Gerad'aus», 20. Juli 1848.

М. А. Беспалая,

аспирантка
(БГУ им. В. И. Ленина)

АНТИВОЕННАЯ БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Немецкая революционная молодежь была активным участником антивоенного движения немецкого пролетариата. Левые социал-демократы являлись единственной реальной силой, которая возглавляла и направляла борьбу оппозиционных союзов молодежи против империалистической войны и политики оппортунистического руководства СДПГ.

С первых дней возникновения в Германии пролетарского юношеского движения левые социал-демократы отстаивали политический, революционный характер молодежных организаций, выступали за необходимость антимилиитаристской агитации среди подрастающего по-

коления¹. Эти требования они выдвигали на съездах СДПГ, конгрессах II Интернационала, в партийной и молодежной печати.

Антивоенная борьба революционной молодежи в годы первой мировой войны развивалась под воздействием агитации левых социал-демократов и под их непосредственным руководством. Автор рассматривает деятельность революционных групп в пролетарском юношеском движении, которое в годы войны было неоднородным. С момента своего возникновения (осень 1904 г.) и до конца 1908 г. оно являлось единым социал-демократическим движением пролетарской молодежи. Его главной задачей являлась защита экономических и политических прав своих членов.

В 1908 г. на Нюрнбергском съезде СДПГ оппортунистическое большинство поддержало закон о запрещении политической деятельности молодежи до 18 лет². Были приняты постановления, превращавшие пролетарское юношеское движение в объединения просветительного характера³. Всеми способами правое руководство СДПГ препятствовало антивоенной пропаганде среди подрастающего поколения, способствуя тем самым проникновению оппортунизма в молодежное движение. В Центральном бюро, созданном в целях руководства молодежным движением, влияние захватили представители правых. Такая же ситуация сложилась и во многих молодежных комитетах на местах⁴. Оппортунистическую позицию защищала и проводила газета «Арбайтер-югенд» — орган молодежного движения. Однако многие молодежные организации, особенно в центрах революционных традиций, выступили против попыток правых свернуть движение молодежи на путь реформизма. Начиная с 1912 г. оппозиционные молодежные группы, а в годы первой мировой войны целые организации, сложившиеся под влиянием левых социал-демократов и работавшие в тесном контакте с ними, действовали в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Гамбурге, Бремене и других местах. В марте 1914 г. в революционных молодежных организациях насчитывалось около 20 тыс. юношей и девушек⁵. Именно эта передовая часть немецкой молодежи вела борьбу против поддержки империалистической войны. Оппортунистическое руководство социал-демократической юношеской организации в лице Центрального бюро

и газеты «Арбайтер-югенд» вслед за вождем СДПГ открыто поддержало империалистическую войну. Подобная позиция дала повод одному из кайзеровских министров заявить, что за социал-демократами, если судить по их поведению во время войны, нельзя отрицать патриотических убеждений. Это в равной мере относится и к социал-демократической юношеской организации⁶. «Арбайтер-югенд» демагогически призывала молодежь проявить и на поле битвы дух гуманизма и уважения к человеческому достоинству, который внушило им движение рабочей молодежи⁷.

Открытый переход социал-демократического руководства на позиции оппортунизма вызвал временную растерянность в рядах революционной молодежи. Реакция велась по всем направлениям. 31 июля вступил в силу «Закон об осадном положении 1851 г.». По этому закону запрещалось проведение собраний, командующие военными округами получали право закрывать издание газет и журналов антивоенного направления. Распространение листовок аналогичного содержания рассматривалось как государственная измена⁸. Фактически устанавливалась военная диктатура, так как командующие округами получали самые широкие полномочия.

Что касалось экономических прав работающей молодежи, то распоряжением от 4 августа предпринимателям разрешалось с началом войны не выполнять законов по охране труда рабочей молодежи. Отменялся запрет на детский труд, на 6-часовой рабочий день для детей до 14 лет и 10-часовой для подростков 14—16 лет⁹. Усиленно парастала провоенная и национал-шовинистическая пропаганда, охватившая даже школы. К. Либкнехт гневно писал, что война, война и еще раз война — лозунг школы¹⁰. Реакционная пресса распространяла различного рода слухи, инсценировала военную истерию. В поддержку войны выступили многочисленные буржуазные молодежные организации¹¹.

Все это оказало влияние на обстановку в пролетарских молодежных организациях. Часть молодежи уходила на фронт добровольно, причем ушло около 3 тыс. из числа руководства. Отряды молодежи с развернутыми знаменами отправлялись в военные лагеря. Правая социал-демократическая пресса, в частности «Арбайтер-югенд», с восторгом писала о добровольцах, а некоторых

из них, как, например, Л. Франка—одного из организаторов «Союза молодых рабочих и работниц Южной Германии»,— возвели в ранг национального героя¹².

Реакция использовала патриотизм молодежи, которая становилась поставщиком пушечного мяса, и стремилась исключить контакты между революционно настроенной молодежью. С этой целью во многих местах были закрыты молодежные клубы. В попытках остановить проникновение революционных идей в массы пролетарской молодежи правые не останавливались даже перед прямым предательством. Так, по доносу правого руководства лейпцигской социал-демократической организации был отправлен на фронт член левой оппозиции В. Ульбрихт¹³.

Деятельность революционных молодежных организаций затруднялась и тем, что буквально о каждом мероприятии необходимо было информировать власти. О регулярных слежках, преследованиях полиции и других репрессивных мерах говорят в воспоминаниях многие члены молодежных организаций и молодежная левая пресса¹⁴.

В таких тяжелейших условиях, в атмосфере националистического и шовинистического угара, упоения первыми победами революционная молодежь начала борьбу. Приходилось действовать очень осторожно. По воспоминаниям Э. Шуманна, молодые рабочие использовали различные способы антивоенной агитации. Например, возле читающих плакаты и объявления останавливались юноши и девушки из оппозиционных групп и старались завязать беседу на антивоенные темы. Революционная молодежь Дрездена, например, проводила встречи на интернационально-социалистическую тему, в том числе и во время отправки молодежи на фронт, тем самым еще раз напоминая о пролетарском интернационализме¹⁵. С выступлением К. Либкнехта на заседании рейхстага 2 декабря 1914 г. против голосования за военные кредиты борьба революционной молодежи получила дальнейший толчок. К. Либкнехт опроверг утверждение социал-шовинистов об оборонительной войне, разоблачил ее империалистический характер. Многие группы революционной молодежи распространяли листовку с выступлением К. Либкнехта.

Зачинателем антивоенных выступлений явилась революционная молодежь Берлина. Она поддерживала тес-

ную связь с левыми социал-демократами во главе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург, В. Пинком и др.

18 марта 1915 г. в день памяти героев революции 1848 г. левые организовали открытое антивоенное выступление. Около 600 юношей и девушек Берлина собрались перед зданием рейхстага и скандировали антивоенные лозунги. Они прошли через весь город и возложили венки на могилы павших героев ¹⁶.

Активизации борьбы против империалистической войны способствовали решения Бернской международной социалистической конференции молодежи, состоявшейся в апреле 1915 г. Сведения о ней просочились через нелегальную печать в широкие круги революционно настроенной молодежи. Под воздействием решений конференции организации революционного юношества в Штутгарте, Эльберфельде, Дрездене и др. приняли активное участие в праздновании Дня международной солидарности трудящихся. В Берлине 1 Мая рабочая молодежь организовала антивоенный митинг. В городе были расклеены листовки, заканчивающиеся словами «Должна ли продолжаться массовая бойня? Во имя человечности поднимайтесь на борьбу и требуйте мира! мира! мира!» ¹⁷

Огромное значение в деле усиления борьбы немецкого пролетариата и передового отряда рабочей молодежи имело воззвание К. Либкнехта «Главный враг в собственной стране». Оно высоко было оценено В. И. Лениным ¹⁸. В воззвании указывалось на истинных виновников войны, находящихся в собственной стране, против которых необходимо бороться всеми силами и средствами. Идеи воззвания стали лозунгами антивоенной демонстрации на Потсдамской площади 28 мая 1915 г., организованной и возглавленной В. Пинком. В ней приняло участие около 1500 чел., в том числе много молодежи ¹⁹.

Революционная молодежь активно откликнулась на решение Бернской международной конференции социалистической молодежи о ежегодном проведении международного юношеского дня в сентябре месяце. Он был широко отмечен, несмотря на противодействие Центрального бюро, не признавшего даже факт проведения конференции. В крупнейших городах в международный юношеский день прошли антивоенные митинги, демонстрации и манифестации. Участники нелегальных собраний при-

нимали резолюции солидарности с мужественной борьбой К. Либкнехта и его товарищей ²⁰.

Самое активное участие принимала революционная молодежь в антивоенных выступлениях немецкого пролетариата конца 1915 г. Значительную часть участников демонстраций и митингов, проходивших в Берлине в октябре—ноябре, составляло прогрессивное юношество. На демонстрации 21 ноября преимущественно была молодежь, возглавленная молодым рабочим-поэтом Б. Шенланком ²¹.

Революционные молодежные организации внесли свою лепту в борьбу горняков Рейнской области, докеров Гамбурга, трудящихся Лейпцига, Дрездена, Брауншвейга и ряда других городов Германии, которую возглавляло левое крыло СДПГ, пользовавшееся большой популярностью среди молодежи. Свидетельством этого может быть организованная революционной молодежью в марте 1916 г. встреча с Р. Люксембург при освобождении ее из тюрьмы. Решение о торжественной встрече было принято на одном из заседаний молодежной организации берлинского района Нейкельн. 18 февраля юноши и девушки бурно приветствовали Р. Люксембург и К. Либкнехта, находившегося среди встречающих ²².

На развитие антивоенного движения немецкой молодежи в 1916 г. большое воздействие оказали решения мартовской конференции «Группы Спартак», подчеркивающие необходимость систематической революционной агитации среди рабочей молодежи, и решения нелегальной общегерманской конференции левых групп, состоявшейся в апреле 1916 г. в Йене. На ней присутствовало около 50 делегатов от 20 групп, насчитывающих более 13 тыс. человек. Работой конференции руководили К. Либкнехт, О. Рюле, Э. Гернле, Э. Шуманн. Ее решения оказали большое влияние на борьбу революционной молодежи. К. Либкнехт отмечал: «Свободная молодежь окончательно порвала старые оковы, создала свою собственную программу, чтобы разжечь еще более мощные действия» ²³.

Летом 1915 г. начался разрыв революционного молодежного движения с оппортунистическим Центральным бюро. В феврале—марте 1916 г. из молодежной организации Берлина вышла левая группа района Нейкельн. В течение 1916 г. были созданы «Свободная молодежная

организация Гамбург-Альтона», «Молодая гвардия» в Бремене, «Просветительное объединение» в Пене и Брауншвейге. Левые молодежные группы в 1916 г. организовались в Дуйсбурге и Франкфурте-на-Майне, несколько позже в Дрездене и Лейпциге. Отделившись от Центрального бюро, они сохраняли либо прежнее название «Свободная молодежная организация», чтобы подчеркнуть свою независимость, либо назывались «Просветительное объединение», чтобы замаскировать революционную направленность.

По призыву «Группы Спартак» в День международной солидарности тысячи рабочих, женщин, юношей и девушек вышли на демонстрацию. Левая молодежная группа Берлина распространила листовку «Все на майский праздник!», написанную К. Либкнехтом. С этой листовкой были ознакомлены делегаты Йенской конференции, поэтому она разошлась по всей Германии. Вечером 1 мая на Потсдамской площади собрались тысячи людей. К. Либкнехт выступил с призывом «Долой правительство! Нет войне!», за что был арестован вместе с несколькими молодыми рабочими²⁴. «Карл Либкнехт выступил на Потсдамской площади,—писал В. Пик,—чтобы открыто призвать к борьбе против войны и продажного правительства, превратить революционные и антивоенные настроения в широкое массовое движение»²⁵.

Международный день солидарности трудящихся в 1916 г. был отмечен революционной молодежью Дрездена, Штутгарта, Ганнау, Гамбурга.

В майские дни 1916 г. произошли первые в истории пролетарского юношеского движения забастовки молодых рабочих в Брауншвейге и Магдебурге. Организаторами их явились сторонники левого течения в социал-демократическом рабочем и молодежном движении. Поводом к забастовкам послужило введение так называемого приказа о принудительном отчислении. Это значило, что молодые рабочие из заработной платы могли получать лишь сумму, определенную военным командованием, остальное удерживалось под видом вклада в сберкассу, но в действительности шло на военные нужды. Кроме того, запрещалось покидать место работы, т. е. узаконивалось «военное рабство» пролетариев²⁶.

В Брауншвейге забастовка началась 1 мая и продолжалась до 4 мая. В ней участвовали 4 тыс. молодых ра-

бочих, т. е. половина рабочих города. Организатором забастовки стало «Просветительное молодежное объединение» Брауншвейга, которым до призыва в армию руководил О. Гротеволь. Молодые забастовщики, несмотря на отрицательное отношение партийного руководства, не пошли на компромисс и добились полной отмены приказа²⁷. Героические действия рабочей молодежи Брауншвейга стали примером мужества, решительности, непримиримости к частичным успехам для молодого поколения Германии. В борьбе с введением принудительного отчисления победа осталась за молодыми пролетариями Магдебурга, Берлина, Галле, Саксонии.

В центрах революционного движения молодежи были особенно активными выступления против суда над К. Либкнехтом. Несмотря на жестокое преследование полиции, юноши и девушки участвовали в демонстрациях протеста, распространяли листовки «Группы Спартак». Во второй половине 1916 г. судебным преследованиям подверглись видные деятели левого течения Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Э. Мейер, Ф. Меринг. За пропаганду среди молодежи было запрещено выступать К. Дункер. Власти с одобрения и согласия оппортунистического руководства СДПГ пытались расправиться с левыми организациями молодежи. Только в июне—июле 1916 г. в Берлине было арестовано 125 членов оппозиционной организации. Были произведены аресты в ряде городов Германии, в июле и августе запрещены организации свободной молодежи в Штутгарте и Гамбурге. К. Либкнехт писал: «Классовая юстиция безжалостно расправляется с молодыми жизнями, бросая их в горнило войны, но свободная молодежь отказалась служить своим врагам»²⁸.

На развитие массового антивоенного движения большое влияние оказала Февральская революция в России. Передовая революционная молодежь Германии с радостью встретила весть о русских событиях. Под знаком солидарности с товарищами по классу в России около 3 тыс. членов «Просветительного объединения Берлина» отметили день памяти героев революции 1848 г. В течение всего 1917 г. не затихала классовая борьба в Германии. Самое активное участие в выступлениях пролетариата принимали члены молодежных левых организаций. Учитывая, что к весне 1917 г. в армию были призваны мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, а их место заняли

подростки 14—17 лет, то можно сказать, что рабочая молодежь составляла весьма значительную часть бастующих.

В связи с репрессиями германский пролетариат не смог отметить 1 Мая 1917 г. День международной солидарности трудящихся был отпразднован революционной молодежью Берлина, Галле, Йены, Штутгарта, Брауншвейга.

В апреле и июле 1917 г. состоялись общегерманские конференции левой молодежи, но властям и правому руководству СДПГ удалось не допустить объединения революционного юношества. В 1917 г. в августе был арестован комитет действия, главной задачей которого являлось сплочение всех оппозиционных сил молодежного движения в единую организацию. Несмотря на это, передовой отряд немецкой молодежи готовился отметить международный юношеский день 2 и 3 сентября 1917 г. Распространялась листовка, призывающая отметить этот день революционными выступлениями молодых рабочих против капиталистического порядка. Полиции удалось изъять листовку. Были произведены аресты в Берлине, Гамбурге, Йене, Лейпциге, Дрездене и других городах. Но несмотря на это, международный молодежный день был отмечен юношами и девушками многих городов Германии²⁹.

Левые группы пролетарской молодежи активно участвовали в революционной борьбе. В дни Ноябрьской революции, писал К. Либкнехт, энтузиазм и героизм свободной молодежи по всей стране поднимал революционное настроение рабочих и солдатских масс³⁰.

Опыт героической борьбы передового отряда немецкой пролетарской молодежи под руководством левого крыла социал-демократии против милитаризма и войны имеет большое значение для антивоенного движения современной молодежи. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал, что во все времена истории коммунисты всех стран уделяли большое внимание вовлечению подрастающего поколения в антивоенную борьбу³¹.

¹ См.: Liebknrecht K. Gesammelte Reden und Schriften, B. 1. Berlin, 1958, S. 81—82; 17; 68.

² См.: Рейнгард Ф., Гопффе Г. История пролетарского юношеского движения в Германии. М., 1928, с. 12.

³ См.: Sieger W. Das erste Jahrzehnt der deutschen Arbeiterjugendbewegung 1904—1914. Berlin, 1958, S. 206.

⁴ См.: Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. Berlin, 1972, S. 109.

⁵ «Jugend-Internationale», 1. Dezember 1915.

⁶ См.: Привалов В. В. Образование Коммунистического Союза Молодежи Германии.— «Вестник Ленинградского государственного ун-та», 1966, вып. 1, № 2, с. 35.

⁷ «Arbeiter-Jugend», 15. August 1914.

⁸ См.: Прокопьев В. П. Классовая сущность военной диктатуры в Германской империи в годы первой мировой войны.— «Труды Калининградского ун-та», 1973, вып. 3, с. 142.

⁹ См.: Рейнгард Ф., Гопффе Г. История пролетарского юношеского движения в Германии, с. 54.

¹⁰ См.: Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. Berlin, 1972, S. 121.

¹¹ См.: Мирошевский В. Л. Буржуазные юношеские организации в Германии. Л., 1925, с. 13.

¹² «Arbeiter-Jugend», 26. September 1914.

¹³ Walter Ulbricht. Arbeiter. Revolutionär. Staatsmann. Berlin, 1968, S. 13.

¹⁴ См.: Рюкк Ф. Из дневника спартаковца. М., 1926, с. 23; «Jugend-Internationale», 1. März 1916; «Berner Tagwacht», 7. April 1915.

¹⁵ См.: Schumann E. Wir gingen mit Karl Liebknecht. Berlin, 1961, S. 79.

¹⁶ См.: Deutschlands junge Garde. Berlin, 1958, S. 81.

¹⁷ См.: Globig F. «...aber verbungen sind wir mächtig». Berlin, 1961, S. 154.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 338.

¹⁹ См.: Bilder und Dokumente aus dem Leben des ersten deutschen Arbeiterpräsidenten. Berlin, 1955, S. 42.

²⁰ «Jugend-Internationale», 1. Dezember 1915.

²¹ См.: Abriß der Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. Berlin, 1966, S. 122.

²² См.: Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, B. 1. Berlin, 1958, S. 310.

²³ Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften. Berlin, 1968, B. 9, S. 626.

²⁴ Либкнехт К. Мой судебный процесс. Пг., 1918, с. 37.

²⁵ Цит. по кн.: Zur Geschichte der Arbeiterjugendbewegung in Deutschland. Berlin, 1955, S. 48.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 299.

²⁷ См.: Gehrke R. Der Streik der Braunschweiger Jugend 1916. Unter der Roten Fahne. Berlin, 1958, S. 135.

²⁸ Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften. B. 9, S. 626, 627.

²⁹ «Der Kampf», 24. März 1917.

³⁰ См.: Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften. B. 9, S. 628.

³¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 59.

А. А. Титова,
канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПОЛЬШИ ПО ВОПРОСУ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1924 г.¹

Углубление раскола среди сторонников демократической аграрной реформы привело к сближению ППС и правых «людовцев» с буржуазно-помещичьими и кулацкими партиями и усилению разброда среди левых «людовцев». В этих условиях решающее значение в борьбе за радикальное решение аграрного вопроса имела консолидация революционных сил во главе с КРПП.

В начале июля 1924 г. в сейме при обсуждении проекта бюджета министерства аграрных реформ был поднят вопрос об аграрной реформе. Представитель крупнейшей буржуазно-помещичьей правой партии Народно-национальный союз (ННС) демагогически заявил, что аграрная реформа должна перестать быть только орудием предвыборной агитации. Аграрный вопрос, говорил он, может быть решен по соглашению с имущими классами, т. е. помещиками и буржуазией: «Отношение к этому вопросу должно быть согласовано между партиями, и мы должны, наконец, стать на почву реальной... аграрной реформы». Представитель Польской социалистической партии (ППС) Я. Квапиньский на первый план выдвигал социально-экономический аспект земельной реформы².

Дискуссия выявила углубление разногласий между социалистами и «людовцами». ППС в своей декларации по аграрному вопросу подвергла критике проект Союза крестьянских партий («Вызволене» и «Едність людова») — СКП, особенно требование сокращения максимума землевладения до 60 га³. Социалисты считали, что ликвидация крупных фольварков поставит под удар снабжение городов, и поэтому настаивали на сохранении 180-гектарного максимума землевладения. Они высказывались за безвозмездную конфискацию в пользу государства излишков земли и распределение их участками от 5 до 15 га в первую очередь среди сельскохозяйственных рабочих, мелких арендаторов и других категорий безземельного и малоземельного крестьянства.

Аграрная программа, разработанная XIX конгрессом

ППС, летом 1924 г. подверглась существенному изменению, которое свидетельствовало об определенной эволюции партии вправо. В частности, в декларации отсутствовали статьи, перечислявшие категории крестьян, которые должны были получить землю бесплатно или в кредит. Считая, что настоящий сейм не способен решить аграрный вопрос так, «как его можно и следовало бы решить», социалисты мотивировали свои отступления стремлением не допустить разочарования крестьян в силе и возможностях сейма как законодательного органа и предотвратить революционный путь решения проблемы⁴.

Поворот ППС в сторону сотрудничества с правыми силами, наметившийся летом 1924 г., был обусловлен не только тактическими соображениями. Большую роль сыграли и разногласия в левом крыле сейма. Отказ клуба СКП поддержать ППС в дискуссии о социальном обеспечении безработных осложнил отношения между этими партиями⁵.

С иных позиций критиковал проект СКП депутат Э. Оконь (Радикальная крестьянская партия — РКП). Расценивая его как половинчатое решение вопроса, он возражал против выкупа земли и предложил сократить максимум землевладения до 50 га, провести реформу в течение двух лет. Э. Оконь потребовал роспуска сейма, который был не способен решить одну из важнейших социальных проблем, и проведения новых выборов⁶.

Представители Украинского и Белорусского клубов выступили в сейме с разоблачением политики колонизации и полонизации окраин. Особого внимания заслуживает выступление депутата Белорусского клуба, который подчеркнул, что право крестьян на землю может быть получено только революционным путем. При этом он подверг критике позицию левого крыла сейма, рассматривавшего колонизацию восточных воеводств как средство решения аграрной проблемы⁷.

Дискуссия в сейме обнаружила новые тенденции в подходе партий к решению аграрного вопроса, проявлением чего была, в частности, высказанная представителями ННС и ППС мысль о возможности компромисса. Лидеры ППС не могли открыто идти на сближение с правыми, не рискуя потерять доверие членской массы и широких демократических кругов. Поэтому в партийной прессе они продолжали выступать с лозунгами объеди-

нения левых партий в борьбе против реакции, за проведение социальных и политических реформ в демократическом духе. Декларируя готовность к защите демократии в союзе с левыми силами, ППС одновременно пыталась снять с себя ответственность за раскол демократического фронта⁸.

Пытались искать выход из тупика, в который зашло решение аграрного вопроса, деятели крестьянских партий. Своеобразной «критикой» тактики СКП справа были отказ С. Тугутта от поста председателя партии, ее сеймового клуба и его выход из организации, вызванные отказом президиума депутатского клуба СКП от участия в реконструкции кабинета В. Грабского. Предлагая в начале июля 1924 г. пост министра иностранных дел С. Тугутту, а министра просвещения и вероисповеданий С. Грабскому (эндеки), премьер-министр надеялся таким образом обеспечить дальнейшую поддержку правительству со стороны крупнейших клубов сейма. Объясняя свою позицию в письме одному из лидеров партии Ю. Понятовскому, С. Тугутт отмечал, что причиной его выхода из партии является несогласие с ее тактикой. Он полагал, что в сейме, где преобладают враждебные трудящимся массам силы, полное осуществление программы партии невозможно. «Остается в таком случае, — писал С. Тугутт, — одно из двух: либо решительно бороться против всего, что противоречит нашей программе, и проигрывать, еще очень долго проигрывать, либо временно удовлетворяться немедленным выполнением половины по крайней мере нашей программы и отложить реализацию остального на более позднее время». Выступая за соглашение с правыми, он подчеркивал, что продолжение прежней тактической линии может вызвать усиление сопротивления со стороны противников социальных реформ⁹.

В ответ на письмо С. Тугутта в еженедельнике «Вызовене» была опубликована статья депутата СКП А. Валлерона, в которой исключалась возможность каких-либо переговоров или компромиссов с правыми силами¹⁰.

Анализируя позицию С. Тугутта, польская исследовательница А. Вензикова характеризовала его как представителя тех левых политических сил, которые не удовлетворялись оппозицией правительственному курсу и стремились оказать влияние на решение государственных

проблем¹¹. На практике это означало значительные уступки правым силам, что в конечном итоге существенно ущемляло интересы трудящихся.

После выхода из партии С. Тугутта активизировало свою деятельность левое крыло, возглавляемое депутатом С. Воевудским. В июле 1924 г. в знак протеста против принятия сеймом «языковых законов» депутатский клуб СКП покинули два депутата-белоруса В. Шаун и С. Балин¹². Осенью 1924 г. в Кракове состоялся съезд представителей местных организаций СКП Западной и Центральной Малой Польши. Он принял резолюцию о немедленном проведении аграрной реформы без вознаграждения помещиков¹³. 11 ноября 1924 г. депутаты С. Воевудский, А. Бон, А. Шапель, Ф. Головач в знак протеста против решения руководства депутатского клуба СКП о выражении вотум доверия правительству В. Грабского покинули клуб, основали Независимую крестьянскую партию (НКП) и самостоятельную фракцию в сейме¹⁴. Во фракцию вошли В. Шаун и С. Балин. Депутатская группа НКП состояла из представителей населения Западной Белоруссии. Здесь аграрная проблема была наиболее острой, и депутаты-белорусы склонялись к революционным методам борьбы. На борьбу левых сил в СКП с соглашательским руководством и на процесс кристаллизации их позиции оказали влияние решения II съезда КРПП, в том числе и по аграрному вопросу¹⁵.

16 ноября 1924 г. НКП выступила с декларацией, в которой решительно порывала с левыми партиями, и прежде всего с СКП и ППС, рассматривая их как «спасителей буржуазии». «Мы считаем,— гласила декларация,— что главным условием проведения эффективных социальных реформ... является передача государственной власти действительным представителям широких трудящихся масс»¹⁶. В качестве задач, требующих немедленного решения, декларация выдвигала передачу всей земли тем, кто на ней работает, и полное освобождение национальных меньшинств. В ней указывалось, что реализация этих требований возможна лишь путем совместной с рабочим классом борьбы¹⁷. Это отличало НКП от других крестьянских партий и сближало с коммунистами.

КРПП в соответствии с решениями V конгресса Ко-

минтерна был выдвинут лозунг создания единого фронта снизу путем «агитации и революционной организации масс». При этом подчеркивалось, что лозунг исключает парламентские соглашения и коалиции с социал-демократическими партиями и является лозунгом борьбы за диктатуру пролетариата¹⁸.

В июле 1924 г. руководство КРПП выступило с декларацией, в которой провозглашалась необходимость развития революционной тактики. В этом документе говорилось, что в условиях углубления экономического кризиса, наступления буржуазии на права трудящихся и усиления реакционного курса правительства в стране растет протест рабочих, широких непролетарских слоев города и деревни, национальных меньшинств. Этот протест выливается в борьбу за социальное и национальное освобождение. Усиливаются революционные настроения в народных массах и одновременно падает влияние лидеров реформистских партий. Все эти явления расценивались как следствие быстро развивавшегося процесса освобождения масс от иллюзий, связанных с буржуазной демократией. Декларация ставила задачу подготовки борьбы за власть диктатуры пролетариата¹⁹. В связи с этим в ноябре 1924 г. произошло объединение депутатов Украинской социал-демократической партии, которая выступала за радикальное решение аграрного вопроса, с представителями Союза пролетариата города и деревень (парламентское представительство коммунистов) в Коммунистическую депутатскую фракцию, которая ставила своей целью консолидацию революционных сил сейма²⁰.

В связи с ухудшением положения крестьян и мерами правительства, направленными на колонизацию восточных окраин, национально-освободительное движение здесь приобрело форму партизанской войны. Попытки правительства подавить его силой не имели успеха.

Часть руководства ПСЛ-«Пяст» в этих условиях, стремясь ускорить решение аграрной проблемы, пыталась модифицировать аграрную политику партии. На проходившем в декабре 1924 г. конгрессе партии один из ее лидеров С. Осецкий выступил с докладом, в котором содержался проект аграрной реформы. Предусматривалось, в частности, сокращение максимума землевладения до 30—60 га в пригородах и до 100 га в сельской местности, уменьшение размера парцелл до 25 га и уста-

повление твердой цены на землю (270 зл. за 1 га). В связи с напряженной обстановкой в восточных воеводствах снималось требование об установлении здесь повышенного максимума землевладения²¹.

Несмотря на то, что внесенные коррективы не меняли существа аграрной политики партии, направленной на обеспечение интересов сельской буржуазии за счет некоторого сокращения помещичьего землевладения, они были отвергнуты. Конгресс одобрил деятельность депутатского клуба партии и представленный им в сейм законопроект о парцелляции земли и осадничестве от 2 августа 1923 г.²²

Мощное крестьянское движение в восточных воеводствах заставило правительство и другие крупнейшие политические партии обратиться к разработке планов практического решения экономических задач в этом районе. Осенью премьер-министром В. Грабским был составлен план проведения здесь аграрной реформы. Прежде всего предусматривались краткие сроки ее осуществления — зима 1925 г. Намечался принудительный выкуп помещичьих земель, частичное вознаграждение за них, проведение реформы администрацией, а не частными лицами²³. Этот план, однако, в декабре 1924 г. был отвергнут кабинетом министров как слишком радикальный.

В середине декабря 1924 г. депутатами-эндеками и ПСЛ-«Пяст» было внесено в сейм предложение «Об ускорении проведения аграрной реформы в восточных воеводствах». Они требовали возобновления действия закона от 17 декабря 1920 г., который предусматривал выкуп государством частных земель, из которых 1/3 предназначалась для раздела между безземельными и малоземельными, остальные отводились на цели осадничества, а также проведения комасации и ликвидации сервитутов²⁴. Это предложение преследовало цель возобновления активной колонизации белорусских и украинских земель под благовидным предлогом ускорения решения аграрной проблемы на окраинах.

В середине февраля 1925 г. с подобным предложением выступили социалисты. Они потребовали возобновления действия закона от 17 декабря 1920 г. якобы с целью обеспечения занятости местного безземельного и малоземельного населения²⁵.

В условиях, когда ППС все больше склонялась к соглашению с правыми в деле решения аграрной проблемы, СКП под давлением революционного крестьянства пересмотрел свою тактическую линию. Прежде всего руководство партии поручало сеймовому клубу решительно противодействовать всякой попытке правых сил в союзе с ПСЛ-«Пяст» вновь навязать реакционное правительство. Сеймовому клубу партии рекомендовалось перейти в острую оппозицию правительству, если оно не изменит своей социально-политической и экономической линии, особенно в отношении крестьянства. Партия должна была добиваться «в соответствии с единодушным мнением всего народа» скорейшего роспуска сейма и проведения новых выборов. В целях борьбы с правыми и ПСЛ-«Пяст» как «оплотом реакции» рекомендовалось выступить инициатором в деле создания единого избирательного блока всех демократических и радикальных крестьянских и рабочих партий. Провозглашалась решимость партии и ее сеймового клуба действовать в направлении создания рабоче-крестьянского правительства как единственного, которое способно претворить в жизнь требования трудящихся. Руководство СКП требовало возвращения Ю. Пилсудского к активной политической деятельности и рекомендовало парламентскому представительству партии своей деятельностью способствовать этому²⁶.

Поскольку СКП был противником революционных методов борьбы, то его заявление о рабоче-крестьянском правительстве следует рассматривать как демагогический жест, инспирированный отчасти пропилсудчиковскими элементами в партии, которые стремились к тому, чтобы любыми способами пошатнуть позиции своих политических соперников, находившихся у власти.

На заседании была принята специальная резолюция по вопросу аграрной реформы, которая требовала от сеймового клуба использовать все средства, вплоть до «самых острых», с целью ускорения разработки правительством законопроекта об аграрной реформе²⁷.

Таким образом, во второй половине 1924 г. углубился раскол среди сторонников демократического решения аграрной реформы. Разногласия между социалистами и «людовцами» обусловили пересмотр ППС своих аграрных требований и заключение компромисса с ПСЛ-

«Пяст». В то же время усиление внутрипартийной борьбы, в том числе и по вопросу аграрной реформы, привело к расколу в ПСЛ-«Вызволене».

В условиях наметившейся реставрации правоцентристского блока и усиления его позиций за счет соглашательских элементов «левых» партий Коммунистическая рабочая партия Польши выдвинула лозунг создания единого фронта всех трудящихся вопреки позициям реформистских лидеров. Следствием этого курса была консолидация революционных сил и создание в сейме Коммунистической депутатской фракции, к которой примыкала депутатская группа Независимой крестьянской партии.

¹ Позиции политических партий Польши по вопросу аграрной реформы с конца 1922 г. рассматривались автором в статьях, опубликованных в кн. «Проблемы всеобщей истории» (М., 1976), в ж. «Советское славяноведение» (1977, № 2).

² См.: Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres I. Sprawozdanie Stenograficzne z 144 posiedzenia, t. 46—47, 57.

³ Внесенный в сейм в апреле 1924 г. проект СКП предусматривал изъятие государством излишков земли за «вознаграждение» в соответствии с оценкой земли самим владельцем, зафиксированной в налоговой декларации, а также церковных и монастырских земель свыше 5 га и национализацию лесов, установление земельного максимума до 30 га в пригородах и промышленных центрах и до 60 га — на остальной территории страны, размеров парцелл — не свыше 15 га (Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres I. Druki. Druk N 1180).

⁴ См.: Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, SS 144, t. 56—57.

⁵ См.: «Robotnik», 3 lipca 1924; «Wyzwolenie», 1924, N 29.

⁶ См.: Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, SS 145, t. 10—16.

⁷ Ibid., t. 16—20.

⁸ «Robotnik», 30 września 1924.

⁹ «Wyzwolenie», 1924, N 30.

¹⁰ Ibid., 1924, N 31.

¹¹ См.: Więzikowa A. Poglądy społeczno-polityczne Stanisława Thugutta w świetle jego publicystyki.— «Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego», t. 10. Warszawa, 1968, s. 286.

¹² См.: Thugutt S. Wybór pism i autobiografia. Warszawa, 1939, s. 105—106.

«Языковые законы» допускали ограниченное пользование национальными языками в школе и учреждениях и служили прикрытием фактически для ликвидации непольских школ. Они были враждебно встречены населением Западной Белоруссии и Западной Украины.

¹³ «Wyzwolenie», 1924, N 39.

¹⁴ Ibid., 1924, N 47.

¹⁵ Fiderkiewicz A. Dobre czasy. Wspomnienia z lat 1922—1927. Warszawa, 1958, s. 148.

¹⁶ См.: Wybór publicystyki Niezależnej Partii Chłopskiej. Oprac. A. Łuczak, K. Przybysz. Warszawa, 1975, s. 63.

¹⁷ Ibid., s. 61—66.

¹⁸ См.: Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. 2. Приложения. М.—Л., 1925, с. 43—45, 121.

¹⁹ См.: KPP. Uchwały i rezolucje, t. II. Warszawa, 1955, s. 61—63.

Основные положения декларации легли в основу принятого июльским пленумом ЦК КРПП постановления «О задачах партии в борьбе с капиталистической реакцией, финансовой реформой, кризисом, безработицей, наступлением капитализма» (Ibid., s. 71—81).

²⁰ См.: Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, SS. 160, l. 48.

²¹ «Piast», 1924, N 50.

²² Ibid., 1924, N 51.

²³ «Kwartalnik Historyczny», 1959, N 4, s. 1174—1177.

²⁴ См.: Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Druk N 1610.

²⁵ Ibid., Druk N 1703.

²⁶ «Wyzwolenie», 1925, N 5.

²⁷ Ibid.

Г. А. Космач,

аспирант
(БГУ им. В. И. Ленина)

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АВСТРИИ ЗА ЕДИНЫЙ РАБОЧИЙ ФРОНТ В 1924—1926 гг.

В 1924—1926 гг. Коммунистическая партия Австрии сделала решающие шаги по преодолению фракционности, стала на путь большевизации и выяснения своего отношения к тактике единого рабочего фронта. Борьба за осуществление тактики единого пролетарского фронта позволила КПА выйти из длившейся более двух лет изоляции в австрийском рабочем движении.

В декабре 1921 г. Исполком Коминтерна принял тезисы о едином рабочем фронте. Цель и смысл тактики единого рабочего фронта в условиях замедления темпов мировой революции состояли в том, чтобы «втянуть в борьбу против капитала более и более широкую массу рабочих, не останавливаясь перед повторными обращениями с предложением вести совместно такую борьбу даже к вождям II и II 1/2 Интернационалов»¹. Этот поворот в политике Коминтерна был закреплен на IV конгрессе в 1922 г., который выдвинул, как логическое продолжение тактики единого фронта, лозунг рабочего правительства, понимавшегося как переходный этап к диктатуре пролетариата. Однако на этом конгрессе конкретные условия создания рабочего правительства не

были определены². На III расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г. сфера применения тактики единого фронта была распространена и на крестьянство. Рабоче-крестьянское правительство стало рассматриваться как надежный путь к диктатуре пролетариата³.

Эта ленинская тактика международного коммунистического движения, однако, не была закреплена. Уже на V конгрессе в июне—июле 1924 г. левацкие элементы секций Коминтерна, опираясь на поддержку Г. Зиновьева, добились принятия резолюции, которая сужала область применения тактики единого пролетарского фронта, характеризуя рабоче-крестьянское правительство как синоним диктатуры пролетариата: «Лозунг «рабоче-крестьянское правительство» является для Коминтерна переводом на язык революции, на язык народных масс лозунга «диктатуры пролетариата»⁴. Деформировалась и направленность новой тактики: она стала пониматься как «революционный стратегический маневр коммунистического авангарда, окруженного врагами со всех сторон, в борьбе его прежде всего против предательских вождей контрреволюционной социал-демократии»⁵.

V конгресс выработал правильную комбинированную тактику единого рабочего фронта, характеризующуюся установлением тесного союза с социал-демократическими массами (единство «снизу») и одновременными переговорами с вождями социал-демократии (единство «сверху»). Но оговорка о том, что и «здесь основой должно явиться единство снизу», использовалась «левыми» в компартиях для защиты своих ультрареволюционных лозунгов. Неоправданным также был и тезис V конгресса о том, что «социал-демократия уже издавна переживает процесс превращения из правого крыла рабочего движения в левое крыло буржуазии, а местами и в крыло фашизма»⁶. Это «по сути явилось одним из выражений сектантских тенденций»⁷ в Коминтерне.

Вместе с тем огромная заслуга V конгресса Коминтерна состояла в том, что он открыл полосу большевизации компартий, т. е. превращения их в массовые, подлинно марксистские, маневренноспособные, монолитные, усвоившие международно значимый опыт русского большевизма. На конгрессе были выработаны также практические рекомендации по борьбе с надвигающейся опасностью фашизма.

Коммунистическая партия Австрии в конце января 1922 г. обсудила тезисы Исполкома Коминтерна о едином рабочем фронте и одобрила их. Компартия обратилась с предложением к социал-демократии о совместном проведении демонстраций за международное единство пролетариата. Состоялись апрельско-майские выступления австрийского рабочего класса против наступления внутренней и международной реакции. Однако после срыва руководством II и II 1/2 Интернационалов решений Берлинской конференции трех Интернационалов социал-демократы стали открыто бойкотировать тактику единого рабочего фронта.

Отрицательное отношение Социал-демократической партии к установлению единого пролетарского фронта обострило борьбу «левого» и правого уклонов в Коммунистической партии Австрии. Фракционная борьба внутри КПА приняла ожесточенный и часто беспринципный характер. Решения Исполкома Коминтерна о нормализации деятельности компартии грубо нарушались. На выборах в Национальный совет в 1923 г. часть КПА бойкотировала их, а на общинных выборах фракционеры выставили свои контрсписки⁸. В 1923—1924 гг. в компартии велась беспринципная фракционная борьба. И «левые» и правые оппортунисты были как во фракции К. Томана, так и во фракции И. Фрея⁹. Разногласия между левооппортунистической группой Томана—Коричонера и правыми во главе с И. Фреем на июньском заседании Исполкома Коминтерна были вынесены на международную арену¹⁰.

В силу тяжелого внутреннего кризиса в компартии она была не в состоянии выработать свое отношение к ведущимся в Коминтерне дискуссиям о тактике единого рабочего фронта¹¹. Влияние КПА среди рабочего класса падало. Численность компартии сократилась с 16 тыс. до 5 тыс. человек. На VII съезде КПА в марте 1924 г. представитель Исполкома Коминтерна А. Нейрат подчеркивал необходимость прекращения беспринципной фракционной борьбы, превратившей съезд в «бал-ган»¹². Фракционеры не были избраны в руководство партии. Австрийская комиссия при Исполкоме Коминтерна, председателем которой являлся Э. Тельман, назначила на ноябрь 1924 г. созыв чрезвычайной партконференции. Предварительно фракционеры были отстране-

ны от партийной работы¹³. Генеральным секретарем КПА в июле 1924 г. был назначен Иоганн Коплениг (1891—1968), возглавивший марксистско-ленинские силы компартии.

Открывая ноябрьскую 1924 г. конференцию КПА, Г. Фиала констатировал, что фракционную борьбу удалось локализовать в Вене. С докладом об организационных задачах партии выступил И. Коплениг. Он подчеркнул необходимость безотлагательного проведения курса VII съезда КПА на организационную перестройку партии на основе фабрично-заводских ячеек с целью укрепления ее влияния в крупнейших промышленных центрах.

Ноябрьская конференция осудила деятельность правооппортунистической группы И. Фрея. Правые рассматривали лозунг «рабоче-крестьянского правительства» как парламентскую коалицию с Социал-демократической партией¹⁴. Они фактически стояли за ликвидацию Революционной профсоюзной оппозиции (РПО) путем слияния с реформистскими профсоюзами. И. Фрей и его сторонники хотели выставить на выборах общие с социал-демократами списки кандидатов. Все это породило, как отметила конференция, «хвостистскую» политику КПА по отношению к СДПА и временно привело к утрате компартией самостоятельной политической линии.

Вместе с тем в ходе борьбы против правых по вопросу о тактике единого рабочего фронта преобладающее значение получил «левый» уклон. Конференция под давлением «левых» отметила, что единый рабочий фронт должен создаваться только «снизу», всякие переговоры с социал-демократией исключаются. Была выдвинута задача «борьбы за политическую власть не посредством избирательного бюллетеня, а путем вооруженного восстания в недалеком будущем»¹⁵.

Такая установка коммунистической партии на ноябрьской конференции 1924 г. явилась отражением влияния взглядов «левых» во главе с К. Томаном и Ф. Коричонером. Они поддерживали теорию «наступления», трактующую любое выступление коммунистов вне зависимости от исхода как победу, «революционную гимнастику, приближающую конец капитализма». «Левые» рассматривали тактику единого рабочего фронта лишь как маневр коммунистического движения в период частичной

стабилизации капитализма. Ссылаясь на крайне слабую степень стабилизации капитализма в Австрии, «левые» надеялись на «спонтанность» революционных выступлений пролетариата и выдвигали лозунги свержения правительства без учета конкретной ситуации в политическом развитии страны.

Ноябрьская конференция приняла «Тезисы к положению в партии и ликвидации конфликта». В этом важном документе вскрыта главная причина кризиса в компартии, заключающаяся в ее «хвостистой» политике. Ноябрьская конференция избрала новое правление партии, куда вошли И. Коплениг, К. Франк, Ф. Хоннер, Ф. Фюрнберг и другие представители марксистско-ленинского ядра КПА. С этого времени начался процесс консолидации и усиления большевизации компартии.

После ноябрьской конференции КПА влияние ее среди рабочего класса стало расти. Однако фракционизм еще не был изжит. Он частично питался поддержкой ультралевой группы Р. Фишер в КППГ. Рут Фишер (Эльфрида Фридлендер), будучи в числе основателей КПА, часто посещала Австрию¹⁶. X съезд КППГ в 1925 г. под давлением группы Р. Фишер принял решение о целесообразности присоединения (аншлюса) Австрии к Германии. Это вызвало ожесточенный спор между основными фракциями в КПА о внешнеполитической ориентации партии. И. Фрей и его сторонники поддержали идею аншлюса. «Левые» отстаивали лозунг создания федерации дунайско-балканских советских республик. Накануне VIII съезда КПА была проведена дискуссия по этим вопросам, не требовавшим немедленного решения, но фракционеры получили повод для возобновления полемики.

VIII съезд Коммунистической партии Австрии, состоявшийся в сентябре 1925 г., стал поворотным моментом на пути изживания фракционности. И правая и «левая» оппозиции потерпели на съезде поражение. В ходе работы съезда и предварительных дебатов о едином рабочем фронте была показана несостоятельность взглядов «левых», отрицавших необходимость применения комбинированной тактики при проведении единого пролетарского фронта. Съезд отверг обсуждение вопросов об аншлюсе и федерации дунайско-балканских советских республик как отвлекающих пролетариат от борьбы за непосредственные требования¹⁷. Выступивший на съез-

де В. Пик заявил, что КПГ отменила навязанное Р. Фишер решение об аншлюсе.

Таким образом, ко второй половине 1925 г. Коммунистическая партия Австрии сумела в основном правильно, в духе решений Коминтерна осмыслить лозунг единого рабочего фронта.

Практическому осуществлению тактики единого пролетарского фронта препятствовала изоциренная, псевдо-революционная идеология «австромарксизма». Он представлял собой центристскую оппортунистическую теорию о завоевании рабочим классом политической власти посредством буржуазной демократии, однако в случае разрушения последней признавалась на словах необходимость диктатуры пролетариата и гражданской войны. Такое своеобразное решение о соотношении конечной цели пролетарской борьбы и политики ad hoc дали в своих работах «австромарксисты» Р. Гильфердинг, К. Реннер, М. Адлер, О. Бауэр и др.¹⁸

Свое классическое выражение теория «австромарксизма» получила в Линцевской 1925 г. программе социал-демократов. В ней подчеркивалось: «Социал-демократическая рабочая партия стремится к завоеванию господства в демократической республике не путем устранения демократии, а приспособлявая государственный аппарат к потребностям рабочего класса»¹⁹. Социал-демократия указывала также на практическое осуществление «демократического социализма» в «красном муниципалитете» Вены, бургомистром которого являлся председатель партии К. Зейц.

Оппортунизм «австромарксизма» проявлялся прежде всего в искажении марксистского понимания государства, которое рассматривалось им как надклассовая, административная машина²⁰. Поэтому Социал-демократическая партия Австрии поставила целью постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое путем овладения «надклассовым» государственным аппаратом с последующим переходом к строительству «демократического социализма».

Социал-демократия с самого начала враждовала с Коммунистической партией Австрии и постоянно вела активную клеветническую кампанию против СССР²¹. Один из видных идеологов СДПА М. Адлер заявлял, что «в сущности новый рожденный коммунизм является только

возвратом к утопическому социализму, но только с культом силы»²².

Такая позиция «австромарксизма» вытекала из его глубинных, философских основ, представлявших собой попытку соединить якобы чисто социологическое учение К. Маркса с философией И. Канта. Метод искажения марксистской диалектики Ф. Адлером и О. Бауэром стал одним из источников «коррелятивной диалектики», суть которой заключалась в признании единства противоположностей, но отрицании их борьбы. «Коррелятивная диалектика» явилась теоретическим фундаментом постоянных политических компромиссов, которые составляли основу практической деятельности СДПА. «Австромарксизм» особенно пышно расцвел в первые годы стабилизации капитализма.

Это затрудняло борьбу КПА за создание единого пролетарского фронта. Вместе с тем компартия достигла на этом пути ряд ощутимых для австрийского рабочего движения успехов. Прежде всего КПА укрепила органы единого фронта — Революционную профопозицию, «Красную помощь» (австрийская секция МОПР), Международную рабочую помощь, состоявшие из представителей социал-демократии, КПА, беспартийных. Революционные блоки, возглавляемые Красным советом профсоюзов, сыграли огромную роль в ходе выступлений пролетариата в 1924 г. Во время забастовки банковских служащих и 100-тысячной стачки металлистов Революционная профопозиция вынудила профсоюзы более решительно выступать за удовлетворение требований бастующих. Компартия и РПО возглавили борьбу австрийских рабочих за сохранение 8-часового рабочего дня. КПА организовала несколько комитетов единства для проведения оборонительных акций против реакции. Один из таких комитетов в Клагенфурте, который состоял из шести представителей от социал-демократов и семи — от КПА, возглавлял видный деятель компартии Грегор Керше. Коммунисты вели за собой подавляющее большинство безработных. Компартия отмечала, что неудачные попытки стабилизации экономики страны и участвовавшие провокации фашистов против рабочего класса рушат иллюзии в действительности политики социал-демократической партии²³. Это полностью подтвердилось во время знаменитой стачки горняков в Грюнбахе в на-

чале 1925 г., во время которой большинство рабочих поддержали требования коммунистов.

Партия вышла из длившейся несколько лет изоляции в рабочем движении. Революционная профопозиция, «Красная помощь», комитет Международной рабочей помощи сумели организовать для бастующих поддержку рабочих многих предприятий. Особенно большую материальную и моральную помощь оказали бастующим рабочие крупнейших автомобильных предприятий Вархаловского в Вене, на которых велико было влияние ячеек компартии, а возглавлял фабзавком один из видных деятелей КПА А. Циглер²⁴.

Однако создать в ходе грюнбахской забастовки боевое единство австрийского пролетариата не удалось. Прежде всего во время грюнбахских событий повторилась «хвостистская» тактика КПА. Коммунисты возглавили борьбу, когда ее апогей был уже позади. Заседавшая в это время III конференция Революционной профопозиции вместо того, чтобы сосредоточить внимание на событиях в Грюнбахе, выясняла разногласия с руководством компартии. Следствием этого явилось то, что представители КПА и профсоюзов вместе проголосовали за прекращение стачки, в то время как 2/3 бастовавших выступали за ее продолжение. Проявился и ультралевый уклон в оценке ситуации как «непосредственно революционной», в игнорировании повседневных требований и массовых политических кампаний в ходе борьбы против реакции и фашизма²⁵.

События в Грюнбахе вызвали массовую волну преследования коммунистов. Из Австрии были высланы Г. Реммеле, Р. Фишер и другие члены КПГ. Последовали аресты виднейших деятелей КПА. 1 апреля в Вене на Альзерштрассе, 69, где находился секретариат КПА, полиция провела обыск. Были обыски в квартирах председателя ЦК безработных Хааса и одного из секретарей «Красной помощи» Броднига. Началась кампания травли антифашистских комитетов.

Социал-демократическая партия на съезде в Зальцбурге в ноябре 1924 г. резко выступила против тактики «единого фронта», охарактеризовав ее как «макиавеллистскую» политику коммунистов и осудив деятельность австрийской секции Международной рабочей помощи и «Красной помощи». В противовес МРП в апреле 1926 г.

СДПА развернула активную работу по сбору средств в фонд Маттеотти²⁶.

Коммунистическая партия оставалась верной тактике единого рабочего фронта. Это особенно проявилось во время подготовки и поездки делегаций молодых рабочих Австрии в СССР. Работа подготовительного комитета посылке делегации и доклады о результатах поездки дали положительный опыт в деле сотрудничества КПА и социал-демократической молодежи. Вскоре произошло слияние Союза независимой социалистической рабочей молодежи с комсомолом Австрии. ЦК КПА выдвинул идею поездки женской делегации в СССР²⁷, а потом активно включился в подготовку поездки первой австрийской рабочей делегации в Советский Союз в феврале—марте 1926 г. Делегаты представляли все важнейшие промышленные центры Австрии. Главой делегации был избран социал-демократ Ю. Фаркаш, а секретарем — коммунист Ф. Хоннер. Главным итогом поездки делегации явилось то, что члены ее стали активными пропагандистами необходимости осуществления тактики единого рабочего фронта.

Резонанс от поездки австрийских рабочих в Советский Союз был так велик, что социал-демократия мобилизовала все силы, чтобы парализовать стремление рабочего класса к единству. О. Бауэр всячески умалял успехи СССР и доказывал ненужность поездки в Советский Союз. После возвращения рабочих из СССР «Арбайтер цайтунг» опубликовала письмо нелегального меньшевистского бюро ЦК социал-демократической рабочей партии России. В нем утверждалось, что австрийской делегации не дали якобы познакомиться с «оппозиционным» движением²⁸.

Однако это не смогло остановить выступлений в защиту Советского Союза и за укрепление органов единого рабочего фронта. Значительно выросли массовые организации КПА, «Красная помощь» и секции Международной рабочей помощи, сыгравшие большую роль в поддержке бастующих, в проведении различных акций в защиту жертв военно-фашистского режима Цанкова в Болгарии, румынской сигуранцы, белого террора в Польше, в создании комитетов борьбы против белого террора²⁹.

В условиях массового движения за солидарность с СССР и единый рабочий фронт происходил процесс

идеологического укреплёния компартии. Документы показывают, что коммунисты в 1925—1926 гг. рассматривали единый рабочий фронт не как временный «маневр», а как принципиальную политическую линию борьбы за подготовку пролетарской революции. В инструкции ЦК КПА к материалам доклада на тему «Путь к массам» отмечалось, что теоретической основой тактики единого рабочего фронта являются указания В. И. Ленина о работе в некоммунистических организациях. «У наших товарищей,—подчеркивал агитпроп КПА,—есть еще взгляды, сводящиеся к следующему: «Единый фронт — маневр. Мы сами не верим в него, но мы должны проводить его, чтобы увеличить количество членов партии». Это полностью некоммунистические взгляды. Коммунист должен быть умелым тактиком, проводящим и в некоммунистических учреждениях свою линию»³⁰.

Таким образом, правильное понимание и проведение тактики единого рабочего фронта австрийскими коммунистами показывает несостоятельность утверждений реформистской историографии о том, что единый фронт являлся «обманом» рабочих. Логическим развитием движения за единый пролетарский фронт в 1924—1926 гг. явилось предложение КПА в «Открытом письме» к Социал-демократической партии создать весной 1927 г. единый антифашистский рабочий фронт.

В 1924—1926 гг. Коммунистическая партия Австрии сделала решительные шаги по преодолению фракционности и стала на путь большевизации. Борьба за осуществление тактики единого рабочего фронта позволила КПА выйти из длившейся более двух лет изоляции в австрийском рабочем движении.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 131.

² См.: Молчанов Ю. Л. Коминтерн: у истоков политики единого пролетарского фронта. М., 1969, с. 300.

³ См.: Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1933. М., 1933, с. 370.

⁴ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, ч. 2. М.—Л., 1925, с. 44—45.

⁵ Там же, с. 44.

⁶ Коммунистический Интернационал в документах, с. 401.

⁷ Суелов М. А. Марксизм-ленинизм — интернациональное учение рабочего класса. М., 1973, с. 144.

⁸ «Inprokor», 1924, N 13.

⁹ См.: Beiträge zur Geschichte der Kommunistischen Partei Österreich Wien, 1976, S. 31.

¹⁰ См.: Geschichte der Kommunistischen Partei Österreich. Kurzer Abriss. Wien, 1977, S. 79—80.

¹¹ См.: Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. 1. М.—Л., 1926, с. 424—425.

¹² См.: Steiner H. Die Kommunistische Partei Österreichs von 1918—1933. Bibliographische Bemerkungen. Wien, 1968, S. 48.

¹³ См.: Центральный музей революции СССР, ГИК 5210, Д-М 3 (далее цит.: ЦМР СССР).

¹⁴ «Rote Fahne», 15. September 1925.

¹⁵ Ibid., 18. November 1924.

¹⁶ См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 391, оп. 2, д. 75, л. 34 (далее цит.: ЦГАОР).

¹⁷ «Rote Fahne», 17. September 1925.

¹⁸ См.: Austromarxismus. Texte zu Ideologie und Klassenkampf. Wien, 1970, S. 7.

¹⁹ Quellenbuch zur österreichische Geschichte. 1918—1955. Wien, 1967, S. 98.

²⁰ См.: Protokoll des sozialdemokratischen Parteitag 1927. Wien, 1927, S. 141.

²¹ См.: Adler F. Brief an Leo Trotzky.—«Der Kampf», 1919, N 37, S. 806.

²² «Der Kampf», 1919, N 5, S. 255.

²³ «Rote Fahne», 18. Dezember 1924.

²⁴ Ibid., 18. Februar 1925.

²⁵ Ibid., 4. September 1925.

²⁶ «Arbeiter Zeitung», 3. November 1925; 15. April 1926.

²⁷ См.: ЦМР СССР, ГИК 16 833/29, л. 32.4-9 Б; 16 833/32, л. 32.4—95.

²⁸ «Arbeiter Zeitung», 23. Mai 1926.

²⁹ «МОПР», 1926, № 2, с. 28; № 4, с. 39; «Бюллетень ЦК МОПР», 1927, № 17, с. 10.

³⁰ ЦМР СССР, ГИК 30 225/625, Д 32.4-11 Г.

Г. М. Трухнов,

д-р ист. наук, профессор
(БГУ им. В. И. Ленина)

ПЕРВАЯ НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В СССР (1925)

Первая немецкая рабочая делегация в СССР помогла разоблачить ложь, распространяемую правыми вождями СДПГ и реакционными кругами Германии, о Советском государстве. Она способствовала росту симпатии немецкого пролетариата к СССР.

Рабочий класс Германии вписал немало блестящих страниц в летопись международного революционного движения. Дружба пролетариата России и Германии имеет свои традиции, которые не могли уничтожить ни реакция, ни социал-демократические инсинуации. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала

воодушевляющее воздействие на немецкий рабочий класс и способствовала усилению революционной борьбы в Германии. С особой силой солидарность рабочего класса Германии с трудящимися Советской Республики проявилась во время интервенции буржуазно-помещичьей Польши. Пролетариат Германии и его авангард — КПГ выступили в поддержку нормализации советско-германских отношений и с большой радостью встретили заключение Рапалльского договора 1922 г.

Летом 1923 г. в Берлине была проведена Всемирная конференция по оказанию содействия в восстановлении хозяйства Советской Республики. В резолюции конференции отмечалось, что трудящиеся массы всего мира заинтересованы «в восстановлении производительных сил России — одной шестой земного шара»¹. «Столь счастливо начатое дело экономической помощи Межрабкома Советской России,— писал В. И. Ленин,— должно быть всемерно поддержано рабочими и трудящимися всего мира»². Помимо материальной помощи огромное значение имела и братская солидарность международного пролетариата.

Реакция в союзе с вождями социал-демократии усиливалась атаки против Советского государства. Они приобрели особенно упорный характер с принятием плана Дауэса. Германия все сильнее втягивалась в круговорот политики ведущих империалистических стран. Рост симпатии к Советскому Союзу со стороны международного пролетариата, экономические и политические успехи Советского государства вызывали у международной империалистической реакции страх и ненависть. Ширившееся влияние во всех странах коммунистов толкало на выпады против Советского Союза и лидеров реформистского Интернационала. Особенную враждебность проявляли руководители Социал-демократической партии Германии. Их газеты распространяли утонченные измышления, вплоть до фальшивок.

Огостельный антисоветизм стран локальной системы имел своей целью компрометацию и изоляцию Советского Союза, дискредитацию диктатуры пролетариата, пролетарского интернационализма.

Разоблачая измышления империалистической пропаганды о внутренней и внешней политике Советского Союза, Советское правительство предприняло ряд мер с тем,

чтобы рабочие капиталистических стран могли воочию убедиться в истинном положении вещей в Стране Советов. «Пусть к нам в Россию,— предлагал В. И. Ленин в 1920 г.,— посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян (т. е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал) с тем, чтобы каждая делегация прожила в России месяца по два»³. Советское государство предоставило широкие возможности для посещения страны трудящимися капиталистических стран. Во второй половине 20-х гг. многие зарубежные рабочие делегации побывали в Советском Союзе.

Большой интерес к жизни Советского Союза проявлял пролетариат Германии. X съезд КППГ, состоявшийся в 1925 г., в политической резолюции указал на то, что успехи советского народа «открывают глаза сотням тысяч рабочих, отрывают их от лакеев буржуазии — «социалпатриотических» вождей II Интернационала... Поэтому долг каждого классово сознательного товарища — употребить все свои силы на то, чтобы по возможности больше рабочих собственными глазами увидели, как в Советском Союзе строится социализм»⁴.

Реакция же вела яростную антисоветскую кампанию. В хоре злопыхателей выделялись голоса руководителей Социал-демократической партии Германии. Так, 8 января 1925 г. центральный орган социал-демократии «Форвертс» опубликовал очередную фальшивку, в которой речь шла о письме, якобы написанном группой рабочих «Красного путиловца», в котором было заявлено, что рабочих в Советской России угнетают, что они являются бесправными⁵.

Наглая ложь социал-демократического «Форвертса» вызвала гневную реакцию путиловцев. 25 января 1925 г. на общезаводском собрании, где присутствовало свыше 2. тыс. рабочих, была не только осуждена эта фальшивка, но предложено прислать немецкую делегацию рабочих в Советский Союз, в Ленинград, для того, чтобы они могли на месте «лично убедиться» в наглой клевете⁶.

С аналогичными обращениями выступили рабочие и других предприятий Ленинграда. Эти обращения нашли горячий отклик среди пролетариата Германии, который решил направить в Советский Союз свою делегацию. Подготовку поездки взяла на себя германская секция Международной рабочей помощи.

В составе делегации было 58 человек — 56 рабочих и 2 учителя; по партийной принадлежности — 30 социал-демократов, 16 коммунистов и 12 беспартийных⁷.

В Ленинград делегация прибыла 14 июня 1925 г. Первые два дня посланцы немецкого пролетариата знакомились с жизнью «Красного путиловца». Подводя итог пятидневного пребывания в Ленинграде, делегаты в своем обращении к рабочим и работницам Ленинграда разоблачали фальшивку «Форвертса». Они писали: «Мы видели, что ваша промышленность успешно развивается в смысле социалистических хозяйственных форм... Материальное положение рабочих непрерывно улучшается»⁸.

После Ленинграда делегация поехала в Москву. Там она познакомилась с работой профсоюзных организаций, посетила ряд заводов и фабрик столицы. В Москве делегация разделилась на группы: крымскую, кавказскую, уральскую и московскую. Куда бы немецкие рабочие не приезжали, везде их встречали сердечно, как братьев по классу. Представители немецких рабочих получили возможность всесторонне познакомиться с положением дел в Советском Союзе.

Поездка рабочей делегации Германии сопровождалась враждебными выпадами как буржуазной, так и социал-демократической прессы. Германское посольство в Москве, консульства в Одессе, Харькове и Ленинграде пристально фиксировали каждый шаг делегации, отдельных ее представителей. Так, 18 августа германский консул в Харькове передал в посольство: «Немецкая рабочая делегация проследовала через Харьков в Москву. Два ее члена, горняки Шлезингер и Нейгардт, отправились в Донбасс с тем, чтобы познакомиться с жизнью советских горняков. Один из сотрудников редакции газеты «Коммунист» попросил делегатов поделиться своими впечатлениями о Советском Союзе. В ответ они единодушно выразили свое восхищение виденным в Советской стране. Огромное впечатление произвели на них курорты СССР, условия и охрана труда, организация производства и другие стороны жизни советских рабочих. Будучи в Советском Союзе, говорили они, мы убедились на практике, что подлинная власть находится у пролетариата Советского Союза»⁹.

Группа немецких делегатов, базировавшаяся в Моск-

ве, направилась в Иваново-Вознесенск, где им был оказан радушный прием. На общегородском собрании рабочих руководитель делегации говорил: «Все наши делегаты в основном состоят в Социал-демократической партии Германии. До нашей поездки мы считали, что рабочий класс может взять власть в свои руки парламентским путем. Находясь у вас, мы убедились в том, что эта теория несостоятельна. На вашем примере мы пришли к выводу, что пролетариат может прийти к власти только путем революции. Во время пребывания у вас мы имели возможность беседовать со многими рабочими, и, как выяснилось, все они довольны своей судьбой. Сказки газеты «Форвертс» насчет гнета и рабочих беспорядков в России являются сплошным вымыслом. Я и мои коллеги восхищены вашими достижениями. Злобные писания Каутского и его собратьев являются ложью»¹⁰.

Группа немецких рабочих, которая отправилась на Кавказ, после осмотра Минеральных Вод посетила нефтяные промыслы, Баку, Грозный и ряд других городов. Делегация побывала в Грузии, где провела 10 дней и имела возможность детально познакомиться с жизнью этой советской республики. Делегаты убедились, что вся антисоветская кампания, поднятая на Западе вокруг грузинского вопроса, является вымыслом антисоветчиков¹¹.

Сотрудники германского посольства в Москве в своих репортажах в МИД тенденциозно изображали все, что было связано с приемом и встречей в СССР. Некоторые из них так далеко зашли в фальсификации, что утверждали, будто Советское правительство стремилось всех делегатов сделать коммунистами, при этом особое внимание обращалось на молодежь¹².

Однако вся эта ложь не могла умалить того, что вочию увидела немецкая делегация. Следует иметь в виду, что прибывшие в СССР посланцы немецкого пролетариата представляли собой зрелых людей. В циркуляре германского МИДа от 1 августа 1925 г., адресованном германскому посольству в Москве, была дана следующая характеристика приехавшим в Советский Союз делегатам: «Подбор делегации в Германии был умело произведен. Рабочих, не имевших влияния на своих коллег, в Россию не послали. В подавляющем большинстве делегаты состоят из опытных, трезвомыслящих людей, кото-

рые пользуются большим авторитетом там, где они работают. Все они не какие-нибудь юнцы, а опытные работники с трезвым самостоятельным мышлением». Относительно руководителя делегации Шмидта также подчеркивалось, что он «пользуется авторитетом среди рабочих завода. Беспартийный, но старый член союза металлистов, вполне уравновешен и реалистически мыслит»¹³.

После знакомства с жизнью в СССР Шмидт подчеркивал, что в Германии искаженно изображают большевиков и положение пролетариата в Советском Союзе. Он отметил, что хотя рабочие в Советском Союзе возможно не так натренированы, как немецкие, однако тот факт, что они играют решающую роль как в экономической, так и политической жизни своей страны и то, что они там являются хозяевами, придает им особую силу при выполнении всех своих работ. Будучи в Советском Союзе, подчеркивал Шмидт, мы нигде не встречали, чтобы рабочий здесь чувствовал себя поработанным¹⁴.

Эта мысль с особой силой прозвучала в декларации немецкой делегации к трудящимся Советской страны. Руководитель группы делегатов, которая посетила Украину, социал-демократ Т. Овергаген, подводя итог поездки, говорил, обращаясь к рабочим Советского Союза: «Товарищи! Вы провели два величайших мероприятия: первое — это то, что вы свергли буржуазию и взяли власть в свои руки; второе — вы построили новое государство, где сами правите. Несмотря на все трудности, вы сделали великий подвиг. Рабочий класс СССР добился огромных успехов. Мы убедились в этом на практике, побывав у вас»¹⁵.

Останавливая внимание на том значении, которое имела поездка в Советский Союз, Т. Овергаген подчеркивал: «Мы обогатились знаниями в ходе знакомства с вашей страной. Мы увидели как и чем вы живете. Это весьма важно еще и потому, что схали к вам с каким-то предубеждением. Но увиденное открыло нам глаза. У вас такие огромные достижения, о чем мы не можем мечтать. Я не говорю о материальном положении, важнее этого — ваша сплоченность. Рабочий класс идеально един. За время нашего пребывания в СССР мы на практике убедились, что власть в СССР в руках пролетариата. Перед нашей поездкой в Советский Союз нас преду-

преждали: повсюду вас будут водить; вы никогда не будете одни и увидите только то, что вам покажут; вы со своими простыми рабочими умами ничего не поймете. Теперь я могу заявить этим прорицателям: «Мы видели все то, что хотели». За все свои 38 лет я нигде не видел ничего подобного, что видел у вас»¹⁶.

Германское консульство в Харькове передавало в посольство в Москве о всех выступлениях представителей немецкой делегации и пересылало статьи, связанные с пребыванием делегатов на Украине, которые печатались в «Коммунисте»¹⁷.

После шестинедельного пребывания в СССР 26 августа немецкая рабочая делегация отбыла на родину. В обращении к рабочим Советского Союза делегаты выражали благодарность за братский прием и оказанное гостеприимство. Они воочию увидели осуществление марксистско-ленинских идей, убедились в том, что в Советском Союзе власть находится в руках рабочих, что хозяйственное строительство осуществляется в направлении к социализму при участии народных масс»¹⁸.

Обо всем увиденном рабочие делегаты рассказали трудящимся Германии. Участники первой германской рабочей делегации по возвращении на родину провели большую работу среди немецких рабочих. Их отчеты о поездке в Советский Союз имели огромный успех. Рассказы о жизни советских рабочих, о промышленно-культурном строительстве слушались немецким пролетариатом с большим интересом. На страницах газеты «Дироте фане» сообщалось о том, что на крупных предприятиях Берлина побывавшие в Советском Союзе рабочие выступали перед многотысячными массами с рассказами о Советской стране. Их выступления способствовали усилению симпатии немецких трудящихся к Советскому государству, они наносили удар по фальсификациям буржуазной, социал-демократической прессы. Близкое знакомство с жизнью в Советском Союзе укрепило веру и единство действий рабочих масс Германии¹⁹.

Говоря о важности таких мероприятий, Эрнст Тельман отмечал, что они способствуют не только интернациональному воспитанию немецких рабочих, но и усилению тенденции «к объединению с коммунистами в единый фронт германского рабочего класса для борьбы против буржуазии»²⁰.

¹ «Вопросы истории», 1958, № 1, с. 98.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 315.

³ Там же, т. 41, с. 278.

⁴ Bericht über die Verhandlungen des X Parteitages der KPD. Berlin, 1926, S. 190.

⁵ См.: Кузьмин М. С. Первая массовая делегация германских рабочих в СССР.— «Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы», 1959, № 2, выпуск 1, с. 48.

⁶ Там же.

⁷ См.: Was sagen 58 deutsche Arbeiter in Russland. Berlin, 1925, S. 8.

⁸ Цит. по кн.: Кузьмин М. С. Первая массовая делегация германских рабочих в СССР, с. 51.

⁹ Staatsarchiv Potsdam, Bd. 5, S. 65.

¹⁰ Ibid., S. 66—67.

¹¹ См.: Кузьмин М. С. Первая массовая делегация германских рабочих в СССР, с. 53.

¹² Staatsarchiv Potsdam, Bd. 5, S. 66—67.

¹³ Ibid., S. 161, 141.

¹⁴ Ibid., S. 162, 161.

¹⁵ Staatsarchiv Potsdam, Bd. 5, S. 141.

¹⁶ Ibid., S. 141—144.

¹⁷ Ibid., S. 150.

¹⁸ См.: Лукьянов К. Т. Немецкая рабочая делегация в СССР 1925—1932.— В кн.: Ежегодник германской истории. 1974. М., 1975, с. 117; «Правда», 1925, 28 августа.

¹⁹ Staatsarchiv Potsdam, Bd. 5, S. 58.

²⁰ Тельман Э. Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 174.

Т. Л. Шестакова,

канд. ист. наук
(Минский пед. ин-т)

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ И СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ МАТЕРИАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА В БССР

Участие иностранных рабочих и специалистов в строительстве материально-технической базы социализма в БССР явилось ярким выражением братской солидарности международного пролетариата с трудящимися Советского Союза. Плечом к плечу с трудящимися Советской Белоруссии зарубежные интернационалисты боролись за создание нового общества. Совместный труд, участие в общественно-политической жизни были подлинной школой интернационального, социалистического воспитания.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и рождение первого в истории государства рабочих и крестьян открыли новый этап в развитии пролетарского интернационализма, который обогатился новым

содержанием, приобрел новые формы. Впервые перед рабочим классом капиталистических стран встала задача всемерного содействия победившему пролетариату. Защита и укрепление социалистического государства стали интернациональным долгом пролетариев всего мира. «Наша революция, — подчеркивал В. И. Ленин, — выступила как революция всеобщая, и мы будем решать наши задачи с помощью рабочих и крестьян всех стран»¹.

В то же время победивший пролетариат Советской России, укрепляя свое государство, осуществляя социалистическое строительство, приобретал широкие возможности для воздействия на классовую борьбу во всем мире. «Социалистические преобразования в России, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — положили начало революционному изменению социального облика планеты, создали надежную государственную базу международного освободительного движения. Советский пример оказал огромное революционизирующее влияние на весь мир»².

Опыт социалистического строительства в Советской стране убедительно показал великую силу пролетарской солидарности. Она выражалась в стремлении международного пролетариата помочь советскому народу воплотить в жизнь планы революционных преобразований. Пролетариату многонациональной России «выпала трудная, но и почетная роль первопроходца в создании нового общества»³. Принятие плана первой пятилетки (1928—1932), усилия трудящихся Советского Союза, направленные на ее выполнение, приковали внимание всего мира. В противовес буржуазной пропаганде, заявлявшей, что советская пятилетка — фантазия, миф, утопия, международный пролетариат воспринял ее выполнение как свое кровное дело. Значительные размеры приняло международное движение трудящихся по оказанию материально-технической помощи социалистическому строительству. Трудящиеся США, Англии, Германии, Чехословакии, других стран вносили свои скромные сбережения в фонд социалистической индустриализации, безвозмездно передавали советскому народу изобретения и рационализаторские предложения, инструменты, отдельные машины и оборудование и т. д.⁴

Многие считали своим долгом внести личный вклад

в социалистическое строительство в СССР. Тысячи рабочих заявляли в письмах о желании приехать в нашу страну. «Я охотно приехал бы в самый отдаленный угол СССР,— писал в одном из писем немецкий рабочий,— чтобы принять участие в вашем строительстве»⁵.

Успешное строительство промышленных объектов пятилетки, ввод в действие новых производственных мощностей остро поставило проблему подготовки квалифицированных кадров. Монтаж, пусконаладочные работы купленного за границей оборудования проходили при участии зарубежных специалистов, присланных фирмами-поставщиками. Договоры со специалистами зарубежных фирм оплачивались СССР золотой валютой. Поэтому Советское правительство приглашало высококвалифицированных рабочих и специалистов, предлагало работающим от фирм-поставщиков остаться сверх срока, указанного в контракте, на равных с советскими рабочими условиях оплаты труда. На XVI съезде ВКП(б) указывалась необходимость приглашения иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР, обеспечения использования их опыта и знаний на предприятиях и стройках Советского Союза⁶.

Рабочие многих стран откликнулись на это приглашение. «На зов Москвы принять участие в социалистическом строительстве,— рассказывал немецкий рабочий Шнейдер, приехавший на работу в СССР,— радостно откликнулись тысячи квалифицированных рабочих и специалистов»⁷. Если в 1930 г. в СССР находилось 4,5 тыс. иностранных специалистов и рабочих, то к концу 1932 г.— около 20 тыс.⁸ Наиболее многочисленные отряды иностранных рабочих и специалистов трудились на предприятиях Москвы, Ленинграда, Горького, Харькова, заводах Урала, на шахтах Кузбасса, Донбасса.

В начале 30-х гг. увеличилось число иностранных рабочих и специалистов, приехавших в Советскую Белоруссию. К концу 1932 г. только на крупных предприятиях республики работало 70 иностранных рабочих и специалистов, а всего в промышленности и на транспорте — более 150, из них 32 инженера. Больше всего рабочих и технического персонала прибыло из Германии — 57 человек, Польши — 30, Чехословакии — 24, США — 16 человек⁹. Среди них были коммунисты, представители других организаций, беспартийные. Строители

из США и Чехословакии, машиностроители из Бельгии и Швеции, деревообделочники из Литвы и Польши, химики из Германии и Австрии, швейники и ткачи из Кореи, а также рабочие многих других специальностей из разных стран работали на предприятиях Минска, Гомеля, Могилева, Бобруйска, Витебска, Орши и других городов. Значительное число иностранных специалистов работало на экспортных базах в Негорелом, Речице, Мозыре, Бобруйске¹⁰.

Партийные и профсоюзные организации придавали большое значение эффективному использованию опыта и знаний иностранных рабочих и специалистов¹¹. Некоторые из иностранных рабочих до приезда в СССР были безработными, испытали на себе всю жестокость капиталистической эксплуатации, подвергались гонениям за свои прогрессивные взгляды и принадлежность к коммунистическим партиям. В Советском Союзе им предоставили возможность трудиться по специальности, обеспечили хорошими бытовыми условиями, заработком. Иностранные рабочие высоко ценили заботу Советского правительства, Коммунистической партии. Выступая на интернациональном вечере в Минске 22 июля 1930 г., американский рабочий-строитель Д. Голбер говорил: «Я счастлив, что приехал в СССР и принимаю участие в большом социалистическом строительстве». Немецкий рабочий Г. Петеш писал об этом так: «В Советском Союзе труд для меня, как и для миллионов других советских рабочих, стал делом чести». Г. Петеш был членом КПП, активным участником многих забастовок лейпцигских рабочих. В 1929 г. он лишился работы. В ноябре 1930 г. рабочие лейпцигского завода электроламп прислали Г. Петеша в СССР как одного из наиболее квалифицированных и опытных инструментальщиков. В Минске на заводе «Энергия» он быстро подтвердил свою репутацию хорошего специалиста. Рабочие завода учились у него передовым методам и приемам труда. Г. Петеш внес ряд рационализаторских предложений по технологии производства и конструированию деталей и инструментов¹².

Высокое сознание своего интернационального долга, успехи и достижения социалистического строительства в БССР, самоотверженный труд белорусского народа побуждали иностранных рабочих показывать замечательные образцы труда, воодушевляли их на участие в со-

циалистическом соревновании и ударничестве. Так, из 29 иностранных рабочих и специалистов, работавших на предприятиях Минска в 1934 г., большинство были ударниками труда. Больших успехов в борьбе за высокое качество продукции, за выполнение производственных заданий добилась группа иностранных работниц, трудившихся на минской швейной фабрике «Октябрь»¹³. Хорошо трудились 20 иностранных специалистов на Могилевской фабрике искусственного волокна им. В. В. Куйбышева. Руководство фабрики неоднократно отмечало их преданность делу строительства социализма, дисциплинированность, ответственность за порученное дело¹⁴.

На Гомельском деревообрабатывающем комбинате большим уважением пользовался столяр-краснодеревщик из Германии Р. Маравек. Он в числе восьми иностранных специалистов приехал в 1931 г. в Гомель для участия в реконструкции комбината. Р. Маравек охотно передавал свой опыт рабочим цеха. Многому научился у немецкого друга рабочий Я. А. Громько, который стал одним из лучших столяров, заслуженным рационализатором. Товарищеские отношения и дружба остались на долгие годы. Вернувшись на родину, Р. Маравек переписывался со своими друзьями из Гомеля, приезжал к ним в гости. В свой приезд в 1966 г., осмотрев цеха комбината, Р. Маравек поделился с коллективом большим впечатлением, которое произвело на него «это отличное современное социалистическое предприятие с высоким уровнем механизации и автоматизации»¹⁵.

На Бобруйском деревообрабатывающем комбинате уважали и любили за отличное знание своего дела Т. Тондая, приехавшего в 1933 г. из Чехословакии. Он был активным участником социалистического соревнования за выполнение заданий второй пятилетки¹⁶.

Иностранные рабочие вовлекались в атмосферу огромного трудового подъема советских людей, чувствовали радость свободного труда, наглядно видели колоссальные возможности нового общества, свободного от эксплуатации. В своих письмах на родину они разоблачали ложь буржуазной печати, рассказывали о достижениях рабочего класса в СССР, о росте материального благосостояния советских людей.

Работая на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате, венгерский рабочий Ротто Франц так писал о

стахановском движении: «Стахановское движение могло зародиться и так быстро разрастись только в стране, где рабочий является хозяином производства, где люди работают на себя, где жить с каждым днем становится лучше. Он вспоминал свой нелегкий труд на капиталистических заводах Венгрии и сравнивал с работой на предприятиях Советской Белоруссии: «Тяжело вспоминать те ужасные, нечеловеческие условия, в которых приходилось работать; не было заинтересованности в повышении производительности труда. Рабочий день длился 10—12 ч, а в Советской стране я работаю 8 ч. Там за годы кризиса заработная плата была урезана на 30—50% — в Советском Союзе она растет, снижаются цены на продукты... Десятки и сотни рабочих учатся в средних и высших учебных заведениях. Любовь к труду я почувствовал только здесь»¹⁷.

Размах социалистического соревнования, трудовой подъем советских людей, непосредственное участие в социалистическом строительстве иностранных рабочих раскрывали перед ними красоту свободного труда, не оставляли равнодушными к творческим дерзаниям строителей социализма, имели большое значение в интернациональном и политическом воспитании. Партийные и профсоюзные организации республики заботились о том, чтобы иностранные рабочие вовлекались в общественно-политическую и производственную жизнь предприятий, что помогало им на практике увидеть осуществление принципов социалистического труда, осознать место и роль своей производственной деятельности в общей борьбе советского народа за построение социализма. В городских и районных советах профессиональных союзов создавались группы активистов, которые шефствовали над иностранными рабочими. Для иностранных рабочих комплектовались библиотечки с литературой на их родных языках, организовывались кружки по изучению русского языка, читались лекции и доклады по вопросам внутренней и внешней политики Советского государства, Советской Конституции, о роли партии и профсоюзов в стране и другим вопросам. Совместно с советскими труженниками проводились вечера интернациональной дружбы. Для иностранных рабочих устраивались экскурсионные поездки по стране, выделялись путевки в санатории и дома отдыха¹⁸.

Иностранные рабочие активно откликнулись на заботу Советского государства, Коммунистической партии. Они участвовали в общественной жизни предприятий, на которых работали, достойно встречали вместе со своими советскими друзьями международные революционные праздники, годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочие, прибывшие из США, Германии, Чехословакии, Польши, Франции, Латвии, на собрании, проходившем в Минске в марте 1931 г., выступили с осуждением и разоблачением клеветнической кампании о «принудительном труде в СССР», поднятой буржуазной печатью. Они приняли обращение «Ко всем рабочим и трудящимся мира», в котором заявляли: «Мы, иностранные рабочие и специалисты, имея возможность как очевидцы сравнивать условия труда в капиталистических странах и в СССР, со всей ответственностью и категоричностью перед лицом пролетариата всего мира заявляем: в Стране Советов не может быть и речи о принудительном труде; в Стране Советов рождаются и проводятся в жизнь новые социалистические формы и коммунистические методы труда — социалистическое соревнование и ударничество, и тем самым ускоряется строительство социализма и обеспечиваются материальные и культурные интересы рабочего класса и трудящихся масс. Мы заявляем перед рабочим классом СССР: все наши знания, весь наш производственный опыт мы готовы отдать для дела осуществления пятилетки за четыре года»¹⁹.

В период реализации займа Второй пятилетки в 1933 г. иностранные рабочие и специалисты, трудившиеся на предприятиях Минска, подписались на 117% своей месячной заработной платы и выступили в печати с обращением ко всем иностранным рабочим и специалистам, приехавшим в СССР, в котором призывали последовать их примеру²⁰. Из 150 иностранных рабочих, приехавших в БССР в 1932 г., 92 стали членами советских профсоюзов²¹. Пребывание в СССР было для иностранных рабочих подлинной школой интернационального и социалистического воспитания.

Помощь зарубежного пролетариата в строительстве социализма в СССР осуществлялась на основе принципов пролетарского интернационализма, поэтому и оценивается не столько материальным исчислением, а своим

социально-политическим значением. На торжественном собрании, посвященном 60-летию Великого Октября, Л. И. Брежнев отметил: «...Мы с признательностью говорим о революционной солидарности, которую неизменно проявляли в отношении Страны Советов наши братья по классу за рубежом»²².

По мере укрепления экономики Советского государства помощь иностранных специалистов становилась менее необходимой. Солидарность международного пролетариата с трудящимися Советского Союза в последующие годы приобретала новые формы, исходящие из актуальности задач, встававших перед рабочим классом всех стран.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 73.

² К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Сборник документов и материалов. М., 1970, с. 45.

³ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977, с. 4.

⁴ См.: «Вопросы истории», 1966, № 3, с. 27; Пролетарский интернационализм — боевое знамя Коммунистической партии. М., 1959, с. 343—344; Озеров Л. С. Строительство социализма в СССР и международная пролетарская солидарность. 1921—1937. М., 1972, с. 108—109.

⁵ «Рабоче-крестьянский корреспондент», 1930, № 27, с. 20.

⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4. 1927—1931. М., 1970, с. 444.

⁷ Цит. по кн.: Иностранные рабочие на стройке СССР. М., 1932, с. 11.

⁸ См.: Озеров Л. С. Строительство социализма в СССР и международная пролетарская солидарность. 1921—1937, с. 113; Касьяненко В. И. Завоевание экономической независимости СССР. М., 1972, с. 186.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 16, д. 781, л. 17; ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 2385, л. 3; д. 3143, л. 61.

¹⁰ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 3143, л. 11, 38, 56, 61; д. 4064, л. 4; ф. 151, оп. 1, д. 25, л. 265, 272, 307, 332.

¹¹ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 3178, л. 35.

¹² «Звезда», 1930, 26 января; «Рабочий», 1932, 24 мая; 1930, 24 ноября.

¹³ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 4064, л. 3; «Рабочий»; 1933, 6 марта.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 16, д. 781, л. 21, оп. 15, д. 381, л. 40.

¹⁵ «Рабочее жыццё» (орган парткома и дырэкцыі Гомельскага дрэвапрацоўчага камбіната), 1966, 26 ліпеня; 20 жніўня.

¹⁶ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 4064, л. 1.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 20, д. 107, л. 86, 88.

¹⁸ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 3178, л. 35; д. 4064, л. 3; д. 4320, л. 3; «Рабочий», 1933, 6 марта.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 524, л. 4, 7; «Звезда», 1931, 2 сакавіка.

²⁰ «Рабочий», 1933, 18 мая.

²¹ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, д. 2385, л. 3.

²² Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, с. 5.

К. М. Петухов,

канд. ист. наук
(Гомельский гос. ун-т)

ПЕРВЫЕ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933 г.

После установления гитлеровской диктатуры в Германии концентрационные лагеря становятся одним из основных институтов и орудий борьбы против любой оппозиции. Жестокий режим в концлагерях должен был деморализовать политических заключенных, задушить в них стремление к антифашистскому сопротивлению. Гитлеровской политике шовинизма, национализма и террора антифашисты противопоставили высокие качества коммунистической морали, твердость нравственных убеждений.

Борьба демократических сил против фашизма — это не только история недавнего прошлого, но и одна из актуальнейших проблем современности. «Неофашизм во всех формах, во всех проявлениях, на всех этапах развития остается злейшим врагом рабочего класса, всех трудящихся, всех демократов. Это не национальное, не региональное явление, оно присуще капиталистическому миру вообще»¹.

После окончания второй мировой войны и разгрома гитлеровского фашизма прошло более трех десятилетий. Однако десятки неонацистских организаций, лидеры которых носятся с планами реванша, действуют в ФРГ. Широкую подрывную работу в стране и за рубежом развернули итальянские неофашисты. Встав на путь террора, они убивают прогрессивных деятелей, взрывают здания компартии и профсоюзов. В Англии члены неофашистской организации «национальный фронт» только в первой половине 1976 г. организовали несколько демонстраций в Лондоне и Брайфорде. В первые дни после фашистского путча Пиночет объявил себя поклонником Гитлера. В 1976 г. чилийская хунта рекомендовала в качестве учебного пособия в школах «Майн

кампф» и другие «труды» идеологов «третьего рейха». В области воспитания подрастающего поколения хунта ставит те же задачи, которые в свое время стояли в гитлеровской Германии: вытравить свободомыслие, подавить способность к самостоятельному мышлению².

В связи с усилением идеологических диверсий империализма, составной частью которых являются попытки реабилитации нацизма, правдивое освещение и правильная оценка внутреннего положения в Германии после фашистского переворота в январе 1933 г. приобретает особенно важное значение. Многие буржуазные авторы, попирая нормы научной добросовестности, прибегают к прямой лжи и фальсификации исторических фактов. «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»³, — писал В. И. Ленин.

Лишь в немногочисленных работах буржуазных авторов, посвященных первым концентрационным лагерям, говорится о тяжелых условиях жизни заключенных, о преступлениях штурмовиков и эсэсовцев⁴. Историки неонацистского направления воздают хвалу Гитлеру, тоскуют о «сильной личности», которая якобы необходима в современных условиях, открыто защищают гитлеровских палачей и карателей, чьи страшные дела стали символом варварства и бесчеловечности. Пытаются отрицать, что концентрационные лагеря являлись прочной составной частью фашистской системы террора и служили целям изоляции и уничтожения противников «третьего рейха», целям устрашения населения.

Изучение создания и деятельности концентрационных лагерей в гитлеровской Германии связано с определенными трудностями. Накануне капитуляции главари «третьего рейха» стали замечать следы своих чудовищных злодеяний. Концентрационные лагеря сравнивались с землей, печи крематориев взрывались, личные дела заключенных уничтожались, сжигались и прятались наиболее важные документы, особенно испытательных станций, где эсэсовскими врачами проводились медицинские эксперименты над людьми.

Помощь в исследовании данного вопроса оказывают воспоминания бывших заключенных концлагерей, в частности функционеров КПГ Г. Беймлера, Ф. Зимона,

К. Кюна и др.⁵ Авторы не только описывают различные стороны жизни того или иного гитлеровского концлагеря, но и стремятся к осмысливанию виденного и пережитого. Большое значение имеет изучение собраний документов, опубликованных в СССР, ГДР и других странах⁶.

Фашисты использовали террор как необходимое оружие в разгроме демократической оппозиции еще до захвата власти. В декабре 1932 г. ярый нацист Фрик — председатель комиссии по иностранным делам рейхстага заявил депутату социал-демократу Г. Сегару: «Не волнуйтесь. Когда мы будем у власти, мы всех вас посадим в концлагеря»⁷. После фашистского переворота Фрик был назначен министром внутренних дел и выполнил свою угрозу. Сегар был схвачен и заключен в Лейпцигскую тюрьму, а весной 1933 г. переведен в концлагерь Ораниенбург⁸.

Важным орудием борьбы со всеми противниками фашизма были штурмовые отряды, созданные Гитлером еще в 1920 г. Публицист Э. Никиш так писал о штурмовых отрядах: «Любой человек с инстинктами убийцы и садистской похотью был в СА на своем месте. Чем более жестоко он себя вел, тем более его уважали, здесь можно было быть вволю скотом»⁹.

Поощряемые нацистскими главарями, штурмовики ринулись из казарм на улицы и начали «охотиться» за антифашистами. По Германии прокатилась волна погромов, арестов, убийств. В спешном порядке штурмовики стали создавать «дикие» концентрационные лагеря, так как тюрьмы и полицейские участки уже не могли вместить всех арестованных. Для этой цели использовались заброшенные помещения, склады, подвалы домов и заводов. Практически концентрационным лагерем была каждая казарма штурмовиков. Обращение с арестованными антифашистами было построено на принципе мести. В качестве особого концлагеря для видных противников гитлеровского режима была оборудована бывшая военная тюрьма Колумбиахаус в Берлине, где руководитель берлинских штурмовиков бригаденфюрер СА К. Эрнст создал 30 камер пыток и превратил тюрьму в место зверского истязания заключенных.

Нацистские лидеры готовили сенсационную провокацию, которая должна была послужить основанием для уничтожения КППГ и всех демократических сил. 27 фев-

раля 1933 г. они подожгли рейхстаг, чтобы создать повод для массового террора. В ту же ночь были арестованы и расстреляны тысячи коммунистов и социал-демократов. 28 февраля 1933 г. Гитлер добился от престарелого президента Гинденбурга подписания заранее подготовленных чрезвычайных законов «О защите народа и государства», «Против измены германскому народу и изменческих действий», которые отменяли важнейшие положения веймарской конституции о свободе личности, слова, собраний, печати, телефонных разговоров и послужили юридической основой для массового террора¹⁰.

Успехи коммунистов и социал-демократов на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. повлекли за собой новую волну арестов. Было арестовано более 20 тыс. антифашистов¹¹. Стало практиковаться в массовых масштабах так называемое «превентивное» заключение — арест и заключение в тюрьму без всякого суда и какой-либо обычной юридической процедуры. Для выявления нелегально проживающих антифашистов применялся метод массовых облав и обысков. В облавах использовались штурмовики, эсэсовцы, полиция и даже пожарные команды.

Когда «дикие» концлагеря и казармы штурмовиков оказались переполнены арестованными, стали создавать государственные концентрационные лагеря. В «Мюнхенер нейсте нахрихтен» от 21 марта 1933 г. появилось извещение за подписью Гиммлера: «В среду 22 марта 1933 г. в окрестностях Дахау открывается первый концентрационный лагерь вместимостью 5000 заключенных. Мы приняли решение об этом, пренебрегая мелочными соображениями, будучи убеждены, что действуем ради покоя национально сознательного населения и в его духе»¹².

Концлагерь Дахау был построен на месте порохового завода в 2 км от Дахау. Первым комендантом концлагеря был штандартенфюрер СС член НСДАП с 1928 г. Эйке. Будучи первым государственным концлагерем на немецкой земле, Дахау носил специфический характер. Здесь проходили «практику», знакомились с «работой», изобретали и усовершенствовали методы истязания людей убийцы, занимавшие позднее должности комендантов, лагерфюреров, блокфюреров в других концлагерях. Руководителем одного из блоков заключенных начинал

свою карьеру убийцы Р. Гесс — будущий комендант концлагеря смерти Освенцим, в котором в годы второй мировой войны погибло более 4 млн. человек.

Вслед за Дахау были созданы государственные концентрационные лагеря: Папенбург (округ Оснабрюк), Зонненбург (округ Франкфурт-на-Одере), Лихтенбург (округ Мерзебург), Ораниенбург (округ Потсдам). К государственным концлагерям также приравнивались отделения провинциального сельскохозяйственного имения Браунвейлер под Кёльном, дом принудительных работ Моринген под Ганновером, дом заключения II в Дрездене, Заксенбург под Франкенбергом, замок Кольдиц (Саксония). Таким образом в марте 1933 г. было создано 12 государственных концентрационных лагерей. По сведениям Г. Кюнриха, к 10 апреля 1933 г. в заключении и под арестом находилось более 300 тыс. антифашистов¹³.

19 апреля 1933 г. было издано «Предварительное постановление о создании и управлении концентрационными лагерями». В дополнении к этому «постановлению» говорилось, что «в концлагеря должны быть заключены в первую очередь руководители и прочие духовные вожди марксистских организаций»¹⁴.

Согласно правительственному распоряжению на каждого заключенного в концентрационном лагере ассигновалось 0,42 марки в день. Узникам выдавался фунт хлеба и дважды в сутки три четверти литра постного супа.

Загнав Коммунистическую партию в подполье, гитлеровцы учинили разгром профсоюзных организаций. 2 мая 1933 г. отряды штурмовиков заняли все профсоюзные здания, разграбили кассы, имущество и ценности, принадлежавшие профсоюзам. В связи с арестом нового большого числа людей гитлеровское правительство дает указание о создании новых концентрационных лагерей. И в мае 1933 г. в Германии насчитывалось уже 30 государственных концлагерей¹⁵.

Для концентрационных лагерей было выработано специальное положение, которое регламентировало систему наказаний. Опоздание на утреннюю или вечернюю проверку каралось арестом на 3 суток; обращение к врачу «без основания» наказывалось арестом на 5 суток; 8 суток строгого ареста полагалось за сбор подписей для подачи жалобы или пребывание не в своем помещении;

8 суток строгого ареста и 25 ударов палкой в начале и в конце ареста за нелестные или насмешливые замечания в адрес персонала концлагеря. Смертная казнь через повешение угрожала тому, кто занимался «политической деятельностью с целью подстрекательства», собирал сведения о концлагере или «поднимал бунт»¹⁶.

Согласно правилам посещения концлагерей, утвержденным Герингом 25 сентября 1933 г., доступ в концлагеря разрешался только чиновникам, служащим и личному составу охраны, состоящим на службе в данном концлагере. Категорически запрещалось в концлагерях фотографирование, съемка фильмов, запись передач для радио¹⁷.

В качестве охранников в государственных концлагерях в 1933 г. служили штурмовики, незначительную часть охраны составляли эсэсовцы. После «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г. концентрационные лагеря официально были переданы в ведение СС. Для охраны концлагерей создаются эсэсовские подразделения «Мертвая голова». Охранники, «приучая» заключенных к «порядку и дисциплине», вырабатывали системы придинок и притеснений, политических заключенных принуждали к самоубийству. Они забрасывали в камеру веревку или нож и настаивали, чтобы заключенный покончил жизнь самоубийством¹⁸.

В конце 1933 г. уголовные и каторжные тюрьмы были переполнены арестованными женщинами. На основании распоряжения Геринга от 28 октября 1933 г. в концентрационный лагерь Моринген были переведены из различных мест заключения сотни женщин-антифашисток. В концлагерях находились жены арестованных и скрывавшихся коммунистов и социал-демократов. Все пытки, применявшиеся в мужских концлагерях, находили свое применение и здесь.

Положение семей заключенных было также тяжелым. Они были отданы на произвол чиновников. Родственники заключенных не получали пособия от органов социального обеспечения и нищенствовали.

Система концентрационных лагерей расширялась и становилась неотъемлемой частью фашистского механизма террора и насилия. К концу 1933 г. в Германии было открыто 52 концентрационных лагеря, в которых находились десятки тысяч заключенных, большинство по по-

литическим мотивам, так, например, в концлагере Бергермоор — 70% коммунистов и 25% социал-демократов, в концлагере Дахау — 50% коммунистов и 20% социал-демократов. Согласно официальным данным, на 1 февраля 1934 г., в Германии было убито около 3,5 тыс. человек и свыше 130 тыс. арестовано. За год гитлеровской диктатуры убиты 400 членов Коммунистического союза молодежи, 5 тыс. брошены в концлагеря, арестован почти весь состав ЦК КСМ¹⁹.

Гитлеровцы, создавая концентрационные лагеря, стремились изолировать прогрессивные силы, особенно коммунистов, от народа и заставить трудящихся Германии поддерживать нацистский режим. Они запугивали концентрационными лагерями с целью использовать страх для подавления антигитлеровской оппозиции.

Однако создателям и организаторам концлагерей не удался один из их самых главных замыслов — растоптать в узниках человеческое достоинство, превратить их в рабов, в животных, думающих лишь о пище. Хотя наибольшие потери в борьбе с фашизмом понесла КПГ, коммунисты не были деморализованы, не капитулировали. В ужасных условиях гитлеровских застенков они сохранили веру в победу демократии и социализма. Коммунисты были признанными вожаками политических заключенных. Они создавали нелегальные группы. Руководители нелегальных групп были известны очень небольшому кругу узников, но их указания выполнялись всеми коммунистами. Подпольное руководство прекрасно понимало, какую опасность таит заключение на неопределенный срок, поэтому большое значение придавало тому, чтобы заключенные не давали сломить себя морально, не теряли бодрости духа вопреки всем надругательствам, которым подвергались²⁰.

Подпольные группы накапливали опыт антифашистской борьбы. Руководители групп ставили конкретные задачи: сплочение всех политических заключенных, противодействие нацистской пропаганде, организация помощи больным, саботаж на предприятиях, где узников использовали как дешевую рабочую силу, борьба с доносчиками и провокаторами.

Коммунисты в концлагерях вели большую пропагандистскую работу с социал-демократами. Они раскрывали истинную сущность фашистской диктатуры, разъясняли

предательскую политику правых лидеров СДПГ. Работа с социал-демократами основывалась на решении ЦК КПГ, принятом в августе 1933 г. В нем говорилось: «Создание единого фронта с рабочими СДПГ, завоевание христианских, обманутых национал-социализмом, и беспартийных рабочих является решающей задачей КПГ»²¹. С теми коммунистами, которые отказывались сотрудничать с социал-демократами и настаивали на еще более строгом размежевании, не желая видеть разницы между правым руководством и рядовыми членами СДПГ, проводилась разъяснительная работа. Объяснялась позиция КПГ, которая исходила из того, что изменяющаяся обстановка, запрещение деятельности СДПГ делают социал-демократов союзниками коммунистов в общей борьбе с фашизмом.

Антифашистское сопротивление не могло быть успешным без источников информации. Поэтому, несмотря на строжайший режим, за колючую проволоку к политическим заключенным различными путями переправляли коммунистические газеты, журналы, листовки. Заключенные-коммунисты пытались наладить выпуск печатной продукции непосредственно в концлагерях. Так, в циркулярном распоряжении «О коммунистической агитации среди лиц, находящихся в превентивном заключении» канцелярии рейрунгс-президента г. Лигница от 27 мая 1933 г. обращалось внимание на то, что «среди лиц, находящихся в превентивном заключении в Гольнове, ходит по рукам журнал «Сигнал» («Signal»), орган заключенных пролетариев в Гольнове. Журнал носит ярко выраженный подстрекательский коммунистический характер и подтверждает, что функционеры КПГ, даже находясь в превентивном заключении, не оставляют попыток восстановить разгромленный партийный аппарат и развернуть активную пропаганду коммунистических идей»²².

Чтобы расширить возможности проникновения информации, на должности денщиков коменданта и его заместителя, писарей в комендатуре, а также старост бараков, санитаров в лазарете, рабочих в пищеблоке проникали надежные антифашисты.

Основной задачей концентрационных лагерей являлась изоляция и физическое уничтожение наиболее активных противников гитлеровского режима. В концлаге-

рях фашисты содержали наиболее «опасных» политических заключенных. Так как наибольшую опасность для фашистов представляли коммунисты, то острее репрессий было направлено против них. Концлагеря были местом, где во всей омерзительности предстала античеловеческая сущность фашизма. Однако в невыносимых условиях, измученные голодом и издевательствами, коммунисты, которых фашисты тщетно пытались заставить забыть о своем человеческом достоинстве, постоянно рискуя жизнью, вели непримиримую борьбу с фашизмом. История того, как коммунистам удалось создать организованное подполье в концентрационных лагерях в первый год гитлеровской диктатуры, принадлежит к героическим страницам КПГ, возглавившей борьбу немецкого рабочего класса.

¹ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, с. 29.

² «Известия», 1976, 5 августа.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 352.

⁴ Kogon E. Der SS-Staat. Frankfurt a. M., 1949; Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H. A., Krausnick H. Anatomie SS-Staates, Bd 1—2. Olten—Freiburg, 1965; Steinberg H.-J. Widerstand und Verfolgung in Essen, 1933—1945. Hannover, 1969.

⁵ Беймлер Г. Коричневые убийцы (В лагере смерти — Дахау). М., 1934; Зимон Ф. Под нелегальной кличкой М. Пер. с нем. М., 1964; Кюхн К. Die Letzte Runde. Berlin—Potsdam, 1949.

⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми т. М., 1957—1961; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 3-х т. М., 1965—1967; СС в действии. Документы о преступлениях СС. Пер. с нем. М., 1960; Анатомия войны. Пер. с нем. М., 1971; и др.

⁷ Цит. по кн.: Нюрнбергский процесс... В 7-ми т. Т. 4, с. 297.

⁸ См.: Кюхнрих Н. Der KZ-Staat. Berlin, 1960, S. 15.

⁹ Nieckisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Berlin, 1957, S. 186—187.

¹⁰ См.: История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т., т. 1. М., 1973, с. 135.

¹¹ «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1959, N 3, S. 497.

¹² Цит. по кн.: Neuhäusler A. So war es in Dachau. München, 1959, S. 7.

¹³ См.: Кюхнрих Н. KZ-Staat, S. 36.

¹⁴ Цит. по кн.: Schnabel R. Macht ohne Moral. Eine Dokumentation über «SS». Frankfurt a. M., 1957, S. 106.

¹⁵ «Rundschau», 1933, N 8, S. 201.

¹⁶ См.: Винтер Ф. Лицо германского фашизма. М., 1936, с. 32—33.

¹⁷ СС в действии. Документы о преступлениях СС, с. 217.

¹⁸ См.: Беймлер Г. Коричневые убийцы, с. 40—41.

¹⁹ См.: Гроссе Ф. Комсомол Германии. М., 1934, с. 27; Kogon E. Der SS-Staat, S. 38; Kühnrich H. Der KZ-Staat, S. 25.

²⁰ См.: Kupfer-Koberwitz E. Die Mächtigen und die Hilfslosen. Wie es begann. Stuttgart, 1957, Bd. 1, S. 430.

²¹ Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1933—1945, Bd. 2. Berlin, 1953, S. 15.

²² Нюрнбергский процесс... В 3-х т., т. 1, с. 98.

П. А. Шупляк,
канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 20 ИЮЛЯ 1932 г. В ПРУССИИ И ПОЗИЦИЯ НЕМЕЦКИХ ПРОФСОЮЗОВ

Крупнейшие германские профсоюзы, обладавшие реальной силой и возможностями, не оказали сопротивления реакционному перевороту в Пруссии вследствие реформистской или буржуазно-либеральной политики и ожесточенного антикоммунизма своих лидеров. Это объективно способствовало ускорению в Германии процесса фашизации.

В начале июня 1932 г. влиятельные круги немецкого монополистического капитала призывали к власти в стране правительство во главе с ультраправым политиком партии «Центра» фон Папенем, закоренелым реакционером и антикоммунистом. В это время Германия переживала наиболее острый период мирового экономического кризиса, и монополисты надеялись с помощью реакционного правительства обезопасить свои прибыли и вместе с тем подготовить почву для осуществления своих далеко идущих планов, итогом которых должно было явиться установление неограниченной диктатуры монополистического капитала. Практически перед новым правительством была поставлена задача более энергично, решительно и жестко претворять в жизнь политику чрезвычайного законодательства, начатую предшественником Папена Г. Брюнингом, и путем открытого насилия подавить возможное сопротивление рабочего класса претворению в жизнь планов монополий.

Приход к власти кабинета Папена свидетельствовал, таким образом, о начале этапа ускоренной фашизации Германии. Э. Тельман справедливо характеризовал новое правительство, как «диктатуру крупного капитала,

которая стремится к непосредственной подготовке и установлению фашистской диктатуры в Германии»¹.

Новый канцлер, выступая 4 июня с программным заявлением, охарактеризовал Германию как «благотворительное государство», явно имея в виду мизерные, существенно урезанные в годы кризиса социальные пособия, выплачиваемые некоторым категориям рабочих и в особенности безработным. При этом он заявил, что будет бороться против этой «ослабляющей моральные силы нации благотворительности», а также против «наносимой ущерб обществу классовой борьбы»². Это заявление Папена не оставило сомнений в том, что его правление будет сопровождаться жесточайшей эксплуатацией трудящихся и усилением политической реакции.

Цели «кабинета баронов», возглавляемого Папеном, вызвали широкое недовольство трудящихся. Резко отрицательную позицию по отношению к новому правительству заняли профсоюзы. На заседании Всегерманского комитета Всеобщего объединения немецких профсоюзов (АДГБ), состоявшемся 14 июня 1932 г., было подчеркнуто, что «программное заявление нового правительства — это открытый вызов немецкому рабочему классу». Указывалось, что сущностью нового правительственного курса является «лишение рабочих их социальных прав и бесцеремонное ухудшение их жизненных условий при защите одновременно имущих, и в особенности крупных аграриев»³.

Этим смелым характеристикам соответствовали и необычно смелые для реформистского руководства свободных профсоюзов выводы. Комитет АДГБ, в частности, призвал объединить все силы рабочего класса «против этого правительства, которое хочет разбудить к новой жизни дух прошлого, против этих фанатиков регресса»⁴.

Не менее острой критике подвергли новый кабинет и его программу христианские профсоюзы. Их руководство весьма болезненно переживало смещение правительства Брюнинга, которому оказывало всестороннюю поддержку. Особым доверием лидеров христианских профсоюзов пользовались сам Брюнинг и министр труда в его кабинете А. Штегервальд, занимавшие ранее руководящие должности в христианских профсоюзах. Лидеры последних обвиняли «старую касту господ» в свержении «народного правительства» Брюнинга. Новое правитель-

ство один из лидеров христианских профсоюзов Г. Имбуш прямо называл «кабинетом социальной реакции». Пресса христианских профсоюзов критиковала намерения правительства свернуть страхование по безработице и другие виды социального страхования, ограничить социальные права вообще⁵. В официальном заявлении руководства христианских профсоюзов по поводу правительственной декларации Папена подчеркивалось: «Оно [правительство] ставит себя в один ряд с врагами рабочих. Поэтому рабочий класс стоит перед новой борьбой»⁶.

В антиправительственную кампанию включились и гирш-дункеровские профсоюзы. Они считали, что уже своим составом правительство охарактеризовало себя как одностороннее представительство классовых интересов и что поэтому все профсоюзы Германии должны объединиться в борьбе против его политики⁷.

Столь решительная и энергичная критика нового кабинета и его программы действий со стороны крупнейших профсоюзных объединений должна была бы свидетельствовать о складывании широкого профсоюзного антиправительственного фронта. Заявления профсоюзного руководства о необходимости борьбы создавали впечатление, что всякое антирабочего характера мероприятие правительства натолкнется на решительное сопротивление профсоюзов. Однако развитие событий показало обратное.

14 июня 1932 г. правительство Папена опубликовало свой первый чрезвычайный декрет, который имел ярко выраженный антирабочий характер. Он практически разрушал существовавшую в Германии систему социального страхования, выполняя тем самым давнее требование монополий. Одновременно Папен отменил запрет на легальную деятельность фашистских отрядов СА и СС. Руководители крупнейших немецких профсоюзов, столь энергично протестовавшие против программы правительства Папена, оказались не столь решительными в ситуации, когда эта программа стала претворяться в жизнь. Профсоюзы в который уж раз ограничивались протестами и предупреждениями. Более того, в официальном заявлении трех крупнейших профсоюзных объединений по поводу чрезвычайного декрета от 14 июня было сказано: «Профсоюзы понимают, что бедственное положение тре-

бует жертв. Но они желают... социально справедливого распределения бремени»⁸.

Подобная позиция правого профсоюзного руководства свидетельствовала о том, что тактика профсоюзов, методы их деятельности в условиях откровенно реакционного курса Папена, об оппозиции которому они громко заявляли, останутся такой же, как и в период деятельности Брюнинга, которого они поддерживали или по меньшей мере «терпели». Все это было следствием неспособности профсоюзной бюрократии призвать рабочий класс к борьбе и возглавить эту борьбу. Именно с учетом этой неспособности и строили свою политику реакционные круги немецкой монополистической буржуазии.

Важной вехой на пути фашизации Германии был государственный переворот Папена в Пруссии, осуществленный 20 июля 1932 г. Правящие круги стремились ликвидировать прусское коалиционное правительство, так как видели в нем и в особенности в прочных позициях социал-демократии в правительстве и в Пруссии вообще «источник опасности для фашистского курса»⁹. Свержение этого правительства позволило бы реакционным силам вывести из-под руководства социал-демократии многочисленную и хорошо вооруженную прусскую полицию, которая могла стать весьма серьезной силой в возможной гражданской войне. Таким образом, успешный переворот в Пруссии должен был изменить соотношение сил в стране в пользу крайней реакции и тем самым обеспечить правящим кругам возможность форсированного наступления на социально-политические завоевания трудящихся.

Преградой на пути осуществления зловещих планов монополий могли стать профсоюзы Германии, обладавшие достаточными силами для этого. Они объединяли в своих рядах к этому времени около пяти миллионов рабочих и были в состоянии парализовать хозяйственную жизнь страны. Однако правительство Папена, подготавливая переворот, исходило из предпосылки, что профсоюзы не вступят в борьбу. Об этом говорила вся предшествующая политика профсоюзного руководства и в особенности его капитулянтская тактика в годы кризиса. Профсоюзы по существу без борьбы допустили серьезное ограничение социально-экономических и поли-

тических прав трудящихся. Обюрократившаяся профсоюзная верхушка этой борьбы не хотела и боялась. Ослепленная антикоммунизмом, она опасалась, что активизация рабочего движения приведет прежде всего к полевению рабочего класса, к усилению его революционности и создаст опасность существования самого буржуазного государства, наличие которого они считали залогом успешного осуществления своих тактических и стратегических задач. Исходя из этих опасений, правые профсоюзные лидеры всех направлений шаг за шагом шли на уступки наступавшей реакции, и было логично предположить, что и в случае государственного переворота они не призвут массы к борьбе.

Надежды на успешное проведение переворота давал и раскол рабочего класса, все более углублявшийся в это время по вине правой социал-демократии и в значительной мере вследствие антикоммунистической политики правореформистского руководства свободных профсоюзов. В условиях, когда коммунисты и Революционная профсоюзная оппозиция особенно настойчиво и реально добивались единства действий рабочего класса, и в частности профсоюзного единства, правое руководство свободных профсоюзов активизировало антикоммунистическую кампанию, прилагая все усилия для того, чтобы ослабить растущую популярность лозунгов о единстве действий среди членов профсоюзов. При этом, будучи не в состоянии отвергнуть саму идею единого фронта, профсоюзная бюрократия пыталась найти «аргументы», с помощью которых надеялась воспрепятствовать широким рабочим массам сотрудничать с коммунистами и их сторонниками. Профсоюзные лидеры пытались убедить рабочих в неискренности призывов коммунистов к единству действий. В конце июня 1932 г. правление АДГБ опубликовало специальное заявление, в котором отвергалась возможность единства действий с коммунистами¹⁰. Что же касается гирш-дункеровских и христианских профсоюзов, то они официально заявляли о своей враждебности марксизму и отказывались от всяких контактов с коммунистами.

В этих условиях 12 июля 1932 г. было принято официальное решение кабинета Папена о свержении прусского правительства¹¹. Однако профсоюзное руководство не приняло никаких подготовительных мер для

отпора антиконституционному шагу реакции. 20 июля возглавляемое социал-демократией коалиционное правительство Пруссии было свергнуто. Папен бросал открытый вызов всем демократическим силам страны, и в первую очередь рабочему классу. В этот напряженный момент правое профсоюзное руководство сыграло позорнейшую роль. 20 июля встретились представители руководства свободных, христианских и гиш-дункеровских профсоюзов, чтобы обсудить создавшееся положение. Профсоюзные лидеры пришли к выводу, что их хотят спровоцировать на борьбу, разгромить и использовать ситуацию для отмены назначенных на 31 июля выборов в рейхстаг. Главное стремление, в котором они все были едины, заключалось в необходимости приложить все силы, чтобы сохранить спокойствие и порядок. В обращении, принятом на этом совещании, в частности, говорилось: «Новые политические события вызвали большое возмущение немецких рабочих, служащих и чиновников. Однако, несмотря на это, мы должны сохранять благоразумие. Положение в Пруссии окончательно не прояснилось... Образцовая дисциплина немецких рабочих, служащих и чиновников должна поддерживаться при всех обстоятельствах также и в эти тяжелые дни»¹².

Этому обращению вторило заявление Берлинского комитета АДГБ: «Сохраняйте дисциплину, не позволяйте себя провоцировать! Каждый истинный борец должен сохранить нервы. Провокаторы распространяют листовки, в которых призывают к всеобщей забастовке. Разоблачайте этих провокаторов!»¹³

Христианские профсоюзы опубликовали свой протест против «противоречащих конституции методов управления страной и народом»; однако тут же призвали своих членов к «благоразумию и дисциплине», потребовав одновременно «энергично отражать провокации радикальных кругов»¹⁴.

Таким образом, профсоюзные лидеры не только не стремились призвать рабочих к борьбе, но и видели свою главную задачу в том, чтобы этой борьбе не допустить. Они «оправдывали» впоследствии свою капитулянтскую политику тем, что сопротивление и, в частности, всеобщая забастовка были в то время невозможны в первую очередь из-за массовой безработицы; утверждали, что всеобщая забастовка в июле 1932 г. могла бы привести

к гражданской войне, к которой рабочий класс в тот период не был готов.

Эта версия довольно прочно укрепилась также в реформистской и буржуазной историографии. Так, один из лидеров СДПГ Ф. Штампфер позже пытался утверждать, что всеобщая забастовка в июле 1932 г. означала бы не что иное, как гражданскую войну¹⁵. Буржуазный историк Э. Эйкк писал по этому поводу: «Как могли профсоюзы отозвать своих членов от рабочих мест, если они знали, что миллионы безработных ожидают момента, когда эти места освободятся? О том, что эти безработные останутся в стороне из чувства солидарности, нечего было и думать»¹⁶.

Подобную же точку зрения представляет и К. Д. Брахер: «Политическое воздействие всеобщей забастовки было чрезвычайно сомнительно: резервная армия безработных заняла бы в короткий срок освободившиеся места»¹⁷. О «гигантской армии деморализованных безработных» пишет и Г. Скжыпчак¹⁸. Г. Моммзен пытается доказать, что всеобщая забастовка 20 июля была бы выгодной только Гитлеру, «который выжидал каких-либо внутренних потрясений, чтобы, объявив себя спасителем Германии от марксизма, вмешаться в ход событий и захватить власть»¹⁹. Таким образом, Моммзен чуть ли не ставит в заслугу правым профсоюзным лидерам их капитулянтскую позицию, во многом благодаря которой, по его мнению, в июле было предотвращено установление фашистской диктатуры.

Более того, буржуазная и реформистская историография не только оправдывает капитулянтскую позицию профсоюзных лидеров, но и пытается зачастую возложить вину за события 20 июля на Коммунистическую партию Германии, утверждая, что коммунисты были заинтересованы в свержении правительства Брауна — Зеверинга. Несостоятельность всех этих утверждений очевидна. Она опровергается событиями в Германии как до переворота в Пруссии, так и после него. Забастовки горняков в Мансфельде в 1930 г., в Руре в 1931 г., стачка металлистов Берлина в 1930 г., забастовки протеста против чрезвычайных декретов в 1931 и 1932 гг. показали, что подавляющее большинство безработных не только не стали штрейкбрехерами, но и боролись вместе с работающими против наступления монополистической бур-

жуазии на социально-политические завоевания трудящихся. Особенно убедительно это продемонстрировала забастовка 130 тыс. берлинских металлистов. В это время в Берлине было 60 тыс. безработных металлистов, и ни один из них не стал штрейкбрехером. Более того, тысячи безработных входили в состав стачечных пикетов, они были представлены в 87 стачечных комитетах²⁰. Все это свидетельствует о том, что была реальная возможность привлечь безработных к совместной борьбе рабочего класса против наступления реакции.

Что же касается позиции КППГ, то она была принципиальной и последовательной. 20 июля ЦК КППГ официально обратился к СДПГ и свободным профсоюзам с предложением неотложно провести забастовку²¹. Одновременно коммунисты призвали безработных не позволить использовать себя в качестве штрейкбрехеров. И эти призывы, безусловно, нашли бы отклик среди широких масс безработных, особенно в случае их поддержки со стороны социал-демократической партии и профсоюзов.

Однако в ответ на инициативу КППГ правое профсоюзное руководство развязало волну антикоммунистической пропаганды. 22 июля было опубликовано новое обращение Берлинского комитета АДГБ: «Нет безрассудным стачкам!» В воззвании, в частности, говорилось: «Ситуация напряжена до предела. Провокаторы на предприятиях. Они призывают к всеобщей забастовке. Тем самым они хотят дать повод реакции для кровавого подавления рабочего движения. Выборы 31 июля должны состояться при всех обстоятельствах. Поэтому не слушайте провокаторов, а следуйте лишь призывам профсоюзного руководства. Старые профсоюзные методы борьбы пригодны и в настоящее время. Слушайте только нас!»²²

Подобная политика противоречила интересам и настроениям рабочего класса Германии. Многократные обращения и призывы профсоюзных лидеров, имевшие целью не допустить стачечных выступлений, косвенно также свидетельствуют о том, что призывы коммунистов находили отклик среди широких слоев рабочего класса, что пролетариат был готов к борьбе. Это подтверждает и своих воспоминаниях ветеран немецкого рабочего движения О. Бухвиц, бывший в то время функционером

СДПГ. Он пишет: «Я видел в эти дни членов Рейхсбаннера, которые плакали. Старые функционеры бросали нам членские билеты. Оппозиция в партии требовала всеобщей забастовки, рабочие поддерживали предложение КПГ правлению СДПГ и АДГБ о совместном боевом союзе»²³.

Даже буржуазные авторы не в состоянии отрицать готовность немецкого пролетариата бороться против прощесков реакции. Д. Шустер, например, в целом оправдывая позицию правого профсоюзного руководства, пишет о настроениях рядовых членов профсоюзов: «Путч Папена против прусского правительства позволял многим членам профсоюзов надеяться, что их организации в этой ситуации не останутся бездеятельными»²⁴. Многочисленные факты о готовности рабочих к борьбе приводит Э. Маттиас. Он пишет, например, о событиях этого дня в Берлине: «Широкие круги в Рейхсбаннере ждали борьбы с применением всех средств, как нечто само собой разумеющееся... Была организована патрульная служба, и коллективы, включая мастеров, хотели прекратить снабжение миллионного города электричеством, газом и водой. Казалось, достаточно одной спички, чтобы вызвать взрыв»²⁵.

Однако правые профсоюзные лидеры, ослепленные антикоммунизмом, лихорадочно призывали рабочих не к отпору реакции, а к борьбе против действий коммунистов по организации всеобщей забастовки. Это была именно та политика, на которую рассчитывала реакция, готовя переворот. «Государственный переворот 20 июля в Пруссии был возможен только потому, — писал В. Ульбрихт, — что правительство Папена знало, что профсоюзные лидеры применяют всю власть их аппарата, чтобы предотвратить массовое стачечное движение»²⁶.

Предательская политика правого профсоюзного руководства во время переворота 20 июля имела тяжелые последствия для всего немецкого народа. Это вынуждены признать и буржуазные авторы. Э. Эйкк пишет в этой связи, что «легкость, с которой заправили реакции убрали с пути последнее препятствие для их победы, последние, долгие годы создаваемые позиции силы республики, дала им и их еще более реакционным наследникам уверенность, что им нечего опасаться ни республики, ни республиканцев»²⁷. Практически без борьбы реакция

смогла завоевать важнейшие позиции накануне перехода в решающую атаку на государственную власть.

Безусловно, было бы ошибочным утверждать, что это стало возможным лишь благодаря политике правого профсоюзного руководства. Значительную долю вины за события 20 июля несут лидеры СДПГ, которые приложили максимум сил для того, чтобы не допустить действительного сопротивления наступлению реакции. Ясно одно, германские профсоюзы обладали достаточной силой и возможностями для того, чтобы предотвратить переворот или помешать его осуществлению. Однако многолетнее развитие по пути реформизма и оппортунизма свободных профсоюзов, буржуазно-либеральные принципы и доктрины христианских и гирш-дункеровских профсоюзов, ожесточенный антикоммунизм тех и других привели к тому, что возможности эти не были реализованы. Пассивность профсоюзов в этот период увеличила уверенность реакционных сил в возможности беспрепятственной передачи власти Гитлеру в ближайшем будущем. Государственный переворот 20 июля был, таким образом, генеральной репетицией для реакционных кругов немецкой монополистической буржуазии накануне установления в стране фашистской диктатуры.

¹ Thälmann E. Zu unserer Strategie und Taktik im Kampf gegen den Faschismus.— In: «Die Internationale», 1932, N 6, S. 268.

² См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4. Berlin, 1966, S. 572.

³ Protokoll der 7. Sitzung des Ausschusses des ADGB 14. Juni 1932, S. 101, 102.

⁴ Ibid., S. 102.

⁵ «Der Bergknappe», 18. Juni 1932; «Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands», 1932, N 12, S. 158.

⁶ «Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands», 1932, N 12, S. 159.

⁷ «Der Bergarbeiter», 5. Juli 1932; «Regulator», 1932, N 13, S. 98.

⁸ «Gewerkschafts-Zeitung», 1932, N 26, S. 401.

⁹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 351.

¹⁰ «Gewerkschafts-Zeitung», 1932, N 26, S. 412—413.

¹¹ См.: R u g e W. Weimar—Republik auf Zeit. Berlin, 1969, S. 337.

¹² «Gewerkschafts-Zeitung», 1932, N 30, S. 465.

¹³ Ibid.

¹⁴ «Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands», 1932, N 15, S. 201.

¹⁵ См.: Stampfer F. Die vierzen Jahre der ersten deutschen Republik. Hamburg, 1953, S. 631.

¹⁶ Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik, Bd. 2. Erlenbach—Zürich—Stuttgart, 1956, S. 508—509.

¹⁷ Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Villingen—Schwarzwald, 1960, S. 599.

¹⁸ См.: Skrzypczak H. Krise—Taktik—Strategie.—In: «Gewerkschaftliche Monatshefte», 1975, N 7, S. 404.

¹⁹ Mommsen H. Gegenwartshandeln und geschichtliche Erfahrung.—Ibid., S. 397.

²⁰ См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 269; Организационный рост и организационные задачи КПГ. М., 1931, с 48.

²¹ См.: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933. Berlin, 1975, S. 67.

²² «Vorwärts», 22. Juli 1932.

²³ Buchwitz O. 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1950, S. 136.

²⁴ Schuster D. Die deutsche Gewerkschaftsbewegung. Düsseldorf, 1970, S. 67.

²⁵ Matthias E. Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands. In: Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960, S. 139—141.

²⁶ Ulbricht W. Über die Gewerkschaften. Aus Reden und Aufsetzen, Bd. 1. Berlin, 1953, S. 371.

²⁷ Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik, Bd. 2, S. 511.

Т. А. Бадюкова,

аспирантка
(БГУ им. В. И. Ленина)

АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг.

Нарастание угрозы войны в связи с утверждением фашизма в Германии и способствующий разжиганию военной опасности курс правящих кругов Польши вызвали в 30-е гг. антивоенное движение в среде польской молодежи, в ходе которого борьба против военных планов империализма сочеталась с защитой социальных и политических прав молодежи.

Приход нацистов к власти в Германии не был простой сменой правительства. В лице Гитлера и его партии к власти пришли наиболее агрессивные круги германского монополистического капитала. Их главной целью была подготовка новой войны за передел мира. Гитлеровская Германия должна была превратиться в ударную силу против СССР.

Готовясь к осуществлению агрессивных замыслов, Германия нуждалась в союзниках. Великодержавные устремления польской буржуазии толкнули ее на сближение с фашистской Германией, которому способствовала антисоветская позиция польских правящих кругов. В январе 1934 г. Польша и Германия заключили пакт о ненападении. Этот пакт вывел Германию из дипломатической изоляции и «сыграл весьма крупную роль в дипломатической подготовке второй мировой войны, в срыве системы коллективной безопасности в Европе»¹.

Борьба против угрозы империалистической войны была тесно связана с борьбой против фашизма. Она требовала мобилизации всех демократических сил, в том числе и молодежи.

В результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., значительно потрясшего экономику Польши, буржуазия усилила наступление на экономические и социально-политические права трудящихся. Молодежь составляла значительную часть трудящегося населения Польши и в полной мере испытывала тяжесть капиталистической эксплуатации, бремя нищеты и бесправия. Согласно переписи 1931 г., в Польше насчитывалось 4 162 500 наемных рабочих, в том числе детей до 15 лет — 115 400, молодежи 15—18 лет — 312 200, 18—21 года — 695 100², т. е. более одной четверти (27%) рабочих составляла молодежь до 21 года. С началом кризиса доля молодежи, занятой в промышленности, значительно уменьшилась. Если в 1929 г. процентное отношение молодых рабочих к общему числу занятых в промышленности составляло 6,9, то в 1934 г. — 1,7³. Это было вызвано условиями кризиса и затяжной депрессией. Имевшая же работу молодежь получала за свой труд гораздо меньше взрослых. Средний заработок молодого рабочего в возрасте 20—24 лет равнялся 16,3 зл. в неделю, тогда как за аналогичную работу взрослый получал в среднем 23,9 зл. в неделю⁴. Еще меньшей была заработная плата детей и подростков: за 12-часовой рабочий день она составляла от 1 до 5 зл. в неделю⁵. Страшным бичом для молодых рабочих была хроническая безработица. По данным официальной статистики, к 1935 г. в стране было 1 400 000 безработной молодежи, а к 1937 г. — около 2 863 000⁶.

Тяжелым было и положение крестьянской молодежи,

которая составляла 68%, а на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии — 84% всей молодежи. Заработная плата молодого сельскохозяйственного рабочего составляла 40 грошей в день, а летом, при 18-часовом «от зари до зари» дне, — 80 грошей⁷.

С приходом к власти в Германии фашистов польская буржуазия предпринимает ряд мер, направленных на фашизацию общественной жизни, ликвидацию буржуазно-демократических свобод в стране. Был принят ряд антирабочих законов 1933 г.: уменьшены пособия по болезни, безработице, увеличен рабочий день, снижены расценки на многие виды работ и т. п. Вместе с тем возрастали военные расходы. Так, если в 1929—1930 гг. на военные цели было отпущено 28,3% всего бюджета, то в 1934—1935 гг. — 34,9%⁸. Следовательно, и без того низкая заработная плата трудящихся значительно урезалась различными налогами на милитаризацию экономики и общественной жизни, взносами в пользу лиги воздушной и противогазовой обороны, в поддержку армии и т. д.⁹ «Санация» по примеру Германии и Италии создавала лагеря принудительного труда для молодежи, пропагандируя их как панацею от экономических бед. В 1935 г. в них находилось более 20 тыс. юношей. В лагерях устанавливалась военная дисциплина, 6-часовой обязательный труд, преимущественно на тяжелых земляных работах, два часа военного обучения. Заработок в день составлял 50 грошей, большая часть которых уходила на различные взносы в пользу военных расходов¹⁰.

Апрельская конституция и новый избирательный закон 1935 г. лишили молодежь многих политических прав. Молодежи до 18 лет запрещалось участвовать в общественной и политической жизни страны, принадлежать к просветительным организациям и политическим партиям, участвовать в собраниях и митингах. С целью отстранения молодежи от активной общественной деятельности повышался избирательный ценз.

Таким образом, борьба против милитаризации, за мир для польской молодежи была конкретной борьбой и в защиту своих интересов, своих насущных проблем и требований.

В самом начале 30-х гг. антивоенное движение польской молодежи развивалось сравнительно медленно, что обуславливалось рядом причин, прежде всего разобщен-

ностью молодежи. В Польше в 30-е гг. наряду с существующими стали возникать новые молодежные организации самых различных направлений и политической ориентации. Причем буржуазные союзы молодежи насчитывали около 1 млн. молодых людей, в то время как антифашистские организации молодежи объединяли около 140 тыс. членов¹¹. Польская буржуазия усиленно проводила политику национального разобщения молодежи, насаждения великодержавного шовинизма, превосходства по отношению к угнетенным национальностям — белорусам, украинцам, евреям, литовцам и др. Этим пользовались националистические партии, стремясь удержать молодежь в рамках мелкобуржуазного радикализма и национальной ограниченности. Лагерь «санации» проводил кампанию против миролюбивой внешней политики Советского Союза, клеветнически утверждая, что Советский Союз — враг Польши, мешая тем самым молодежи распознать истинных виновников разжигания новой мировой войны.

Во главе антивоенного движения польской молодежи находился комсомол. В 1933—1934 гг. он переживал болезненный, но существенный перелом в организации своей деятельности. Комсомол, как и Коммунистическая партия Польши, находился в крайне сложных условиях нелегального положения. Поэтому в начале 30-х гг. ему были свойственны ошибки политического и тактического характера: переоценка революционных возможностей, чрезмерное увлечение революционной фразеологией, упор на самостоятельное руководство всеми формами антикапиталистических выступлений молодежи, и в силу этого — сектантство, отсутствие взаимодействия с активом социалистических и антифашистских молодежных организаций, недооценка процессов радикализации, охвативших молодежь в годы кризиса и наступления фашизма. Борьба с опасностью войны носила характер схематический, узкопропагандистский.

На II съезде КСМП, который состоялся в 1930 г., уже был дан серьезный анализ недостатков в работе и принята ориентация на поворот к массовости. «Легальные позиции, — указывалось на съезде, — это орудия нелегального КСМП в борьбе за трудящуюся молодежь, за расширение нелегального союза»¹². Особенно остро стоял вопрос о работе в буржуазных организациях, ибо зна-

чительные массы безработной молодежи, находившиеся в крайней нужде, искали выхода и часто становились добычей фашистской демагогии. Борьба с угрозой войны и фашизмом была важнейшей основой для объединения молодежи различных тенденций.

Основные задачи антивоенного движения молодежи складывались из объективной польской действительности. Прежде всего, это была борьба с фашизацией общественной жизни, с милитаризацией, борьба против авантюристического внешнеполитического курса «санации». В ходе этой борьбы молодежь должна была объединять свои усилия, достигать единства действий.

В первой половине 30-х гг. наблюдалось постепенное оживление антивоенного движения молодежи, были достигнуты определенные успехи. Одной из главных задач антифашистского народного движения стало требование расторжения польско-германского пакта о ненападении и присоединения Польши к «Восточному пакту». Молодежь выступала с осуждением прогерманской политики «санации», несущей опасность войны и угрозу национальной независимости страны. 26 июля 1934 г. состоялась антивоенная массовка ткачей Белостока, в которой участвовало 200 человек молодежи. Они присоединили свой голос протеста против заключения польско-германского пакта о ненападении, приняли резолюцию, направленную против политики разжигания войны. Массовые выступления крестьянской молодежи против военных налогов и милитаризации прошли в Новогрудском, Пружанском, Коссовском и других поветах¹³.

Молодежь активно выступила против апрельской конституции. Выражая свое недовольство, юноши и девушки 15 деревень Гродненского повета обратились к правительству со словами: «Не признаем ни новую конституцию, ни новый губительный закон. Требуем такого избирательного закона, который существует в Советском Союзе». 7—8 июля ряд домов в Белостоке был испещрен лозунгами «Требуем избирательного права для молодежи» и т. п.¹⁴

Разоблачение фашистской идеологии и организация отпора широких масс молодежи наступлению фашизма были возможны только при условии создания единого фронта антивоенных действий. КСМП обращался ко всем юношам и девушкам с призывом объединить усилия

и борьбе с военной угрозой. Характерно в этом плане содержание листовок с обращением к молодежи различных организаций: «Вы, молодые рабочие, вопреки своим пожеланиям, выступайте вместе с нами против нужды, безработицы, террора, угрозы военной резни»¹⁵.

Начиная с 1933 г. КСМП обращался к социалистическим и демократическим организациям молодежи (в частности, ОМ ТУР, «Вици», «Цукунфту» и др.) с предложениями сотрудничества и совместной борьбы за мир. В октябре 1933 г. состоялись первые переговоры между ОМ ТУР и КСМП.

Во второй половине 1934 г. переговоры между КСМП и ОМ ТУР велись в Варшаве, Заглембе, на Келешчизне, в Лодзи и в Кракове. Хотя организации и не пришли к полному соглашению, однако летом 1934 г. единые антифашистские выступления молодежи состоялись в Варшаве, Отвоцке, Воломине, Новом Дворе. Создавались комитеты единства действий на текстильных фабриках в Лодзи, Озоркове, там, где намечались в целом благоприятные условия для сотрудничества коммунистов и социалистов¹⁶. В июле 1933 г. молодежь из КСМП и ОМ ТУР совместно готовилась к проведению антивоенного Международного юношеского конгресса, который должен был пройти в Париже¹⁷.

Ширилось сотрудничество и с другими организациями. 30 сентября 1933 г. в Варшаве состоялось антивоенное собрание рабочей молодежи ОМ ТУР и «Цукунфта», отметившее возросшую угрозу миру и принявшее решение о создании антивоенных комитетов молодых социалистов¹⁸.

К лету 1935 г. значительное сближение молодежи из разных организаций произошло на почве антивоенных выступлений в Лодзи. Хотя Лодзинский комитет ОМ ТУР не согласился официально на заключение единого фронта с комсомольцами, но на практике социалистическая молодежь действовала в союзе с комсомольцами. Проходили общие собрания, конференции, массовки. Платформа общей борьбы была налицо. Но формальное заключение единогофронтного соглашения социалистической и коммунистической молодежи оставалось нерешенным вопросом¹⁹.

Антифашистское движение радикализовало широкие слои крестьянской молодежи из «Вици», членов «са-

национного» Легиона молодых и Союза польской демократической молодежи. В ряде случаев в 1934 — начале 1935 г. наблюдалось сотрудничество с местными кругами «Стрельца», «Сева», молодежных католических организаций и др.²⁰ В июле 1933 г. находящиеся под влиянием комсомольцев члены «Стрельца» в Супрасле боролись на стороне бастующих текстильщиков²¹.

Весной 1935 г. фашиствующие организации пригласили в Польшу делегацию гитлеровской студенческой молодежи. Возбуждение и протест польского студенчества приняли такие размеры, что официальные правительственные представители, сопровождавшие делегацию, не отважились организовывать ее встречи с польскими студентами²².

В начале марта 1934 г. было опубликовано обращение Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма к антифашистам всех стран с призывом развернуть кампанию за освобождение Э. Тельмана и других жертв фашистского террора в Германии. На этот призыв активно откликнулась прогрессивная молодежь Польши. 13 июня рабочие вышли на улицы Варшавы с требованием свободы Э. Тельману. В эти дни коммунисты, молодые социалисты и бундовцы плечом к плечу сражались против полиции и фашиствующих банд²³.

Большое значение для антивоенной борьбы прогрессивной молодежи Польши имела работа среди солдат польской армии, воспитывавшихся в духе агрессивных устремлений буржуазии, шовинизма и милитаризма. Среди солдат распространялись нелегальные листовки, в которых подчеркивалось: «Товарищи солдаты! Вы будете первыми жертвами империалистической войны!» Солдатам предлагалось создавать антивоенные комитеты, разрабатывать активные меры борьбы с угрозой войны. 10 августа 1934 г. в Вильно около казарм 6-го пехотного полка состоялась солдатская антивоенная массовка под лозунгом «Долой империалистическую войну и подготовку нападения на СССР». В районе Тирасполя во время маневров солдатам была подброшена антивоенная литература. Около 50 солдат собрались затем вокруг молодого социалиста, призванного в армию, и беседовали о войне, о солдатской жизни²⁴.

Таким образом, к середине 30-х гг. польское молодежное антивоенное движение достигло определенных

успехов и имело основу для дальнейшего развития. Накопленный опыт антивоенной, антифашистской борьбы требовал расширения единого фронта действий прогрессивной молодежи. Разработка новой тактики борьбы молодежи против фашизма была сделана VII конгрессом Коминтерна и конкретизирована VI конгрессом КИМа, решения которых намечали путь дальнейшей борьбы против нарастания военной угрозы.

- ¹ Климовский Д. С. Зловещий пакт. Минск, 1969, с. 72.
- ² См.: Тогуńczyk R. Z dziejw rewolucyjnej walki mlodzieży w l. 1929—1933. Warszawa, 1961, s. 15.
- ³ «Poprosty», 5 lutego 1936.
- ⁴ Mały rocznik statystyczny. Warszawa, 1938, S. 253.
- ⁵ См.: Борьба трудящейся молодежи проти фашизму и війны. Кнїв, 1936, с. 274.
- ⁶ «Интернационал молодежи», 1937, № 7-8, с. 74.
- ⁷ См.: Młodzież sięga po pracę. Warszawa, 1938, s. 34; «Коммунистический интернационал», 1930, № 5-6, с. 7.
- ⁸ «Информационный бюллетень АН БССР», 1935, № 1, с. 6.
- ⁹ «Towarzysz», sierpień 1932.
- ¹⁰ См.: Тогуńczyk R. Z dziejw rewolucyjnej walki mlodzieży, s. 24, 59.
- ¹¹ См.: Walka młodych pokoleń. Warszawa, 1965, s. 28, 29.
- ¹² «Интернационал молодежи», 1930, № 5-6, с. 50—68.
- ¹³ Государственный архив Гродненской области, ФПИ № 2251, л. 7а (далее цит.: ГАГО).
- ¹⁴ См.: Мацко А. Н. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма. Минск, 1963, с. 56—57; «Echo białostockie», 9 lipca 1935.
- ¹⁵ ГАГО, ФПИ № 2252, л. 27.
- ¹⁶ См.: Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce (1918—1970). Warszawa, 1971, s. 42.
- ¹⁷ См.: Тогуńczyk R. Z dziejw rewolucyjnej walki mlodzieży, s. 166—169.
- ¹⁸ «Robotnik», 29 sierpnia, 4 września 1933.
- ¹⁹ См.: Kowalczyk I. Rok 1935. Warszawa, 1965, s. 58—59.
- ²⁰ См.: Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce, s. 42.
- ²¹ См.: Тогуńczyk R. O komunistycznym Związku młodzieży Polskiej. Warszawa, 1965, s. 22.
- ²² См.: Walka młodych pokoleń, s. 294.
- ²³ См.: Богуславский М. И. Движение польских трудящихся в защиту Э. Тельмана.— В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 161.
- ²⁴ ГАГО, ФПИ № 2247, л. 86; ФПИ № 2251, л. 7; «Głos żołnierza», kwiecień 1933.

Н. И. Еремина,
преподаватель
(БГУ им. В. И. Ленина)

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ МАЙСКИХ СОБЫТИЙ 1965 г. В БОЛИВИИ

Вооруженные выступления горняков в мае 1965 г. в Боливии были жестоко подавлены правительственными войсками. Основными причинами поражения явились: преждевременность и неподготовленность выступления, оборонительная тактика, отсутствие единства в рядах БРЦ, субъективистская и авантюристическая политика правых и левацких элементов в рабочем движении, отсутствие союза с крестьянством.

9 апреля 1952 г. боливийский народ с оружием в руках поднялся против «оловянных баронов» и феодальной олигархии. 11 апреля власть перешла в руки вооруженного народа. Боливийская революция открыла широкие перспективы для прогрессивного развития страны по пути политической и экономической независимости. Однако партия Националистическое революционное движение (НРД), получившая в период революции мандат народа на управление страной, не смогла выполнить свои программные намерения, пошла на уступки империализму США, чем практически ликвидировала революционные завоевания народа.

К ноябрю 1964 г. в стране сложилась революционная ситуация. Как и 12 лет назад, вооруженный народ вышел на улицы Ла-Паса и других крупнейших промышленных центров страны. В этих условиях боливийская реакция и ее американские покровители приняли решение, стандартное для подобных ситуаций на латиноамериканском континенте: переход власти к подставному лицу, пользующемуся поддержкой вооруженных сил. 3 ноября 1964 г. этот план был осуществлен. Правительство президента Паса Эстенсоро было смещено. К власти в стране пришла военная хунта во главе с генералом Р. Баррьентосом. Ее приход повлек за собой усиление реакции и курс на проимпериалистическую антинародную политику.

Для укрепления своей власти хунта предприняла ряд мероприятий, одним из которых было объявление в стране так называемого «социального перемирия», предусматривавшего запрещение забастовок, демонстраций и

прочих политических свобод. Баррьентос, якобы для обеспечения безопасности режима, объявил о введении в стране закона, по которому запрещалась деятельность избранных рабочими профсоюзных органов, объявлялось проведение новых выборов профсоюзных руководителей под контролем военных. Законом «О государственной безопасности» предусматривалось тюремное заключение до восьми лет за «сопротивление силам охраны порядка»¹.

Одновременно хунта спешила нарастить свою военную мощь. Была объявлена мобилизация, и численность армии возросла с 5 тыс. до 20 тыс., что повлекло увеличение расходов на содержание и оснащение вооруженных сил до 40% государственного бюджета².

В ответ на действия реакции Коммунистическая партия Боливии выступила с заявлением, в котором подтвердила свою готовность продолжать борьбу за права трудящихся в новых условиях³.

Реакционный курс правительства не мог способствовать разрешению сложных экономических проблем. В поисках выхода было принято решение о снижении заработной платы горнякам и увольнении 1500 государственных служащих⁴.

Это решение вызвало волну возмущения в стране. Забастовки шахтеров, нефтяников, сельскохозяйственных рабочих, учителей, студентов продемонстрировали решимость народа отстаивать свои права. Знаменательным в жизни Боливии стал май 1965 г. 1 мая рабочие вышли на улицы с лозунгами, требующими принятия мер против растущей дороговизны, безработицы и голода. Манифестации рабочих стали грозным предупреждением военному режиму.

Упреждая неотвратимо надвигающиеся события, правящие круги начали новое широкое наступление на права трудящихся. Ряд профсоюзных и политических лидеров во главе с председателем Боливийского рабочего центра (БРЦ), Генеральным секретарем Лево́й национально-революционной партии Хуаном Лечиним были арестованы, а затем высланы из страны⁵.

В ответ на действия правительства БРЦ и федерация горняков объявили всеобщую забастовку. Шахтеры ввели чрезвычайное положение в своих поселках. Вечером 17 мая в Ла-Пасе состоялась демонстрация промышлен-

ных рабочих, строителей и студентов, выразивших свою полную солидарность с горняками ⁶.

Хунта объявила о том, что забастовка будет подавлена силой. В стране было введено чрезвычайное положение ⁷.

18 мая отряды рабочей милиции заняли шахты «Вилоко», «Катави» и «Сигло ХХ». В этот же день забастовали шахтеры других шахт, строители и промышленные рабочие ⁸.

Вечером 18 мая правительство объявило всеобщую мобилизацию. Хунта поставила под ружье 5 тыс. резервистов. Было объявлено также об увольнении профсоюзных лидеров. Правительство разгромило демонстрацию рабочих и студентов. В результате столкновения два человека было убито и 19 ранено ⁹.

19 мая забастовка приняла еще более широкий размах. К ней присоединились банковские служащие. Положение в стране становилось все более угрожающим. Правительство объявило о желании вести переговоры с руководством БРЦ. 20 мая БРЦ передал правительству меморандум, включающий пять пунктов с основными требованиями шахтеров: возвращение в страну Х. Лечина; отмена чрезвычайного положения; отмена декрета о мобилизации; признание прав избранных рабочими руководителей БРЦ; возвращение конфискованных шахтерских радиостанций «Континенталь» и «Эксельсиор» ¹⁰.

В этот же день секретарь правительства Марсело Галендо заявил о том, что условия, выдвинутые БРЦ, не будут приняты правительством, так как «забастовкой руководят экстремистские элементы», и правительство примет меры для установления в стране режима «порядка, спокойствия и труда» ¹¹.

Стало очевидным, что правительство ведет двойную игру с шахтерами: заявляет о своем стремлении вести переговоры с ними и в то же время ставит вне закона руководителей профсоюзов, избранных рабочими, отказываясь вести с ними переговоры, — что главной целью хунты является стремление выиграть время для нанесения решающего удара. Это подтвердилось волной арестов руководителей прогрессивных партий, осуществленных в эти же сутки. Был арестован бывший вице-президент Нуфло Чавес Ортис — один из лидеров НРД, а также 19 руководителей НРД и ЛНРП, обвиненных в антигосу-

дарственной деятельности. Хунта начала секретные переговоры с правительством Аргентины с целью получения военной помощи¹².

Тем временем в шахтерских поселках и рудниках произошли столкновения рабочей милиции с правительственными войсками, которые продолжались и 22 мая. В этот день фабричные рабочие выступили с заявлением о полной поддержке борьбы шахтеров. Состоялась манифестация, которая подверглась нападению карабинеров, применявших гранаты со слезоточивым газом¹³.

В ночь на 23 мая после чрезвычайного заседания кабинета Баррентос отдал войскам приказ о занятии шахтерских центров¹⁴. Хунта объявила все национализированные горнорудные разработки «военной зоной»¹⁵. Это означало, что в указанных районах начали действовать законы военного времени.

Боевые действия распространились по всей стране. Войска неоднократно атаковали район шахты «Ками», тяжелые бои проходили в районе Кечисла. Шахтерские радиостанции объявили о боях в районе Оуруро¹⁶. В окрестностях шахт отряды рабочей милиции пополнялись и крестьянами. Узнав о закулисных переговорах хунты с аргентинским правительством, горняки взорвали четыре железнодорожных моста, прервав сообщение с Аргентиной. 24 мая в районах Оуруро и Мильуни продолжались бои. С обеих сторон имелись значительные потери. Правительство отдало распоряжение о посылке подкрепления в районы военных действий¹⁷.

Используя танки и самолеты, правительственные войска захватили районы Вилоко и Мильуни. Самое крупное сражение, длившееся 8 ч, произошло в Вилья Викторио де Куйо¹⁸. Выступая по радио «21 Декабря», один из руководителей компартии, лидер шахтерских профсоюзов Симон Рейес заявил о том, что успех армии не является ее заслугой; шахтеры прекратили боевые действия, не потерпев поражения. От имени горняков Рейес потребовал временного прекращения военных действий для переговоров¹⁹.

Хунта отказалась выполнить это требование, объявив к тому же о намерении уволить 27 тыс. горняков национальной горнорудной компании КОМИБОЛ. Она потребовала выдачи руководителей забастовки Ирены Пименталь, Федерико Эскобара, Симона Рейеса, объявив их

экстремистами и врагами республики. Было выдвинуто также требование о сдаче оружия отрядами рабочей милиции²⁰.

В то же время правительство начало переговоры со второстепенными участниками стачки — представителями конфедераций шоферов, железнодорожников и нефтяников²¹, занявших непоследовательную примиренческую позицию. Ставка, сделанная правительством на конфедерацию шоферов, имела под собой объективную основу, так как члены этого профсоюза, будучи в основном мелкими собственниками, в силу своих классовых принципов являлись наиболее слабым звеном в рабочем движении.

Таким образом, хунта предприняла решительную попытку разгромить забастовку и подорвать единство пролетариата изнутри, путем нейтрализации наиболее слабых звеньев в рабочем движении.

Однако ни попытки запугать горняков, ни явное военное превосходство армии хунты, имевшей в своем распоряжении современное американское оружие, не приводили к успеху. Шахтеры, вооруженные лишь винтовками старого образца, продолжали оказывать упорное сопротивление. БРЦ объявил, что стачка будет продолжаться «до конца», и подтвердил пять своих требований²².

К ночи 24 мая правительство объявило о соглашении с БРЦ, обещая вывести войска из шахтерских районов²³. 25 мая в окрестностях Оруро произошли новые столкновения. Однако вооруженные выступления рабочих шли на убыль. 25 мая была достигнута договоренность о прекращении боевых действий. В полдень БРЦ отдал распоряжение об окончании всеобщей забастовки, что при сложившемся соотношении сил явилось необходимой мерой предотвращения дальнейшего кровопролития, хотя практически и означало поражение шахтеров²⁴.

Сам факт забастовочного движения шахтеров был вызван реально сложившейся ситуацией, в которой правящая хунта заняла позицию душителя трудящихся масс. Всеобщая забастовка играла положительную роль до того момента, пока демонстрировала единство трудящихся в решимости вести политическую и экономическую борьбу за свои права. Как только экономическая и политическая борьба переросла в вооруженное противоборство, военный режим смог открыто расправиться с вос-

ставшими под предлогом наведения законности и порядка в стране.

События 17—26 мая показали ошибочность позиции и тактики правых и левацких элементов в рабочем движении Боливии. Подбиваемые ультралевыми, троцкистскими элементами, с одной стороны, и правым крылом БРЦ, сторонником НРД, свергнутой в результате переворота 1964 г., — с другой, плохо вооруженные, недостаточно организованные рабочие отряды вступили в неравный бой с американизированной боливийской армией, проявив при этом мужество и героизм. Действия правого крыла БРЦ объяснялись стремлением форсировать события с целью восстановления правительства НРД. Ультралевые и троцкисты в силу своего непонимания закономерностей развития революционного процесса шли на авантюру, заведомо обреченную на провал. При малочисленности рабочего класса Боливии особенно острой была необходимость его союза с различными слоями трудящихся масс, и особенно с крестьянством, которое практически в происходящих событиях осталось не у дел.

Руководители БРЦ, правильно понимавшие характер текущего момента, и в частности представители КПБ, поставленные перед свершившимся фактом начала боевых действий, были вынуждены поддержать вооруженное выступление горняков, наставляя одновременно на проведение немедленных переговоров с правительством во избежание неоправданных человеческих жертв.

Вооруженное выступление было обречено на провал и с точки зрения военной стратегии и тактики, так как носило оборонительный характер. Шахтеры были «привязаны» к своим поселкам и рудникам, находящимся в большом (по масштабам Боливии) удалении от столицы. Боевые действия были разрознены, отряды рабочей милиции не подчинялись централизованному руководству.

Происшедшие события показали всему миру истинное лицо боливийских «горилл», учинивших жестокую расправу над трудящимися, обнаружив полную несостоятельность хунты, в частности их лидера генерала Р. Баррьентоса, в управлении страной. Майские события 1965 г. наглядно продемонстрировали истинность ленинского положения о том, что всякое правительство, стремящееся поправить свои дела путем ухудшения положения трудящихся, является реакционным и антинародным.

- ¹ См.: Фадеев Ю. А. Революция и контрреволюция в Бразилии. М., 1969, с. 150.
- ² «За рубежом», 1965, № 22, с. 11.
- ³ «El Siglo», 12 de marzo de 1965.
- ⁴ См.: Фадеев Ю. А. Революция и контрреволюция в Бразилии, с. 151.
- ⁵ «Drapou Rouje», 18 mai 1965.
- ⁶ «El Siglo», 18 de mayo de 1965.
- ⁷ «El Siglo», 18 de mayo de 1965; «За рубежом», 1965, № 22, с. 11.
- ⁸ «El Siglo», 19 de mayo de 1965.
- ⁹ «Volksstimme», 23. Mai 1965; «El Siglo», 19 de mayo de 1965; 20 de mayo de 1965.
- ¹⁰ «El Siglo», 21 de mayo de 1965.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid., 23 de mayo de 1965; «Volksstimme», 23. Mai 1965.
- ¹³ «El Siglo», 23 de mayo de 1965.
- ¹⁴ «Volksstimme», 25. Mai 1965.
- ¹⁵ «El Siglo», 24 de mayo de 1965.
- ¹⁶ «Volksstimme», 25. Mai 1965; «El Siglo», 24 de mayo de 1965.
- ¹⁷ «El Siglo», 24 de mayo de 1965; 25 de mayo de 1965.
- ¹⁸ «El Siglo», 25 de mayo de 1965; 26 de mayo de 1965.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ «Труд», 1965, 26 мая; «El Siglo», 31 de mayo de 1965.
- ²¹ «El Siglo», 26 de mayo de 1965.
- ²² Ibid., 25 de mayo de 1965.
- ²³ Ibid., 26 de mayo de 1965.
- ²⁴ «Труд», 1965, 26 мая; 27 мая.

М. Г. Елисеев,

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

О РОЛИ МЕЛКИХ ПРАВЫХ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ В МЕХАНИЗМЕ КОНФРОНТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ КРУГОВ ФРГ

(Общегерманская партия)

Создание и функционирование правой Общегерманской партии (1961—1964) — предварительная, до создания неонацистской Национал-демократической партии, перегруппировка крайних реакционных сил и попытка монополий с помощью правопартийного плюрализма предотвратить реалистический сдвиг в ФРГ, сохранить и даже усилить политику конфронтации ХДС/ХСС в отношении ГДР и других социалистических государств.

Переход от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности, указывалось на XXV съезде КПСС, «был связан прежде все-

то с изменениями в соотношении сил на мировой арене». Однако он дался не легко. Потребовались, подчеркивал Л. И. Брежнев, «большие усилия»¹. На ход классовый борьбы на международной арене оказывает воздействующее внутреннее соотношение политических сил в капиталистических странах. В итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г., состоявшейся в Берлине, говорится, что из трудностей, которые переживает империализм и которые «являются результатом дальнейшего углубления общего кризиса капиталистической системы», реакционные круги крупного капитала пытаются найти выход в противодействии политике разрядки и в возрождении «в межгосударственных отношениях атмосферы напряженности и конфронтации»². Для этого используются многие средства, в том числе выведение на политическую арену крайне правых, экстремистских политических партий и группировок.

Исследование указанного явления, типичного для многих капиталистических стран, особенно важно на примере ФРГ, поскольку внутривнутриполитическая жизнь этого государства тесным образом связана с важнейшими процессами международного развития. В Западной Германии наблюдалось оживление и перегруппировка ультраправых реакционных сил, как только миролюбивые силы на международной арене достигали заметного успеха. В 1945—1949 гг., когда главной задачей буржуазии было спасение капитализма, политическая жизнь Западной Германии характеризовалась «организационным переплетением консервативного сохранения, если не попятным движением», подтверждением чему явилось создание «экстремистских правых партий», писал один из видных исследователей западногерманской партийной системы О. К. Флехтхайм³. Подготовка и ход ремилитаризации ФРГ, в чем нашла концентрированное тогда для этого государства выражение «холодная война», вызвали новый «ренессанс» правого буржуазного партийного плюрализма. Появившиеся на политической арене мелкие правые партии прямо и косвенно использовались для подавления демократических и миролюбивых сил в стране, в первую очередь для устранения с легальной политической арены Коммунистической партии Германии. Во внешнеполитическом плане они содействовали превращению ФРГ в форпост международной конфронтации, при-

данию политике реваншизма черт «необратимости». Ведущее место среди этих партий и группировок, число которых достигало в начале 50-х гг. трех десятков, занимали Немецкая партия (НП), Общегерманский блок (ОБ), Немецкая правая и Немецкая имперская партии (НПП и НИП) и Социалистическая имперская партия (СИП), непосредственная преемница гитлеровской НСДАП. Этот список дополнялся множеством реваншистских союзов, организаций и партий регионального характера ⁴.

Монополии, создав в ФРГ основные конфронтационные политические структуры, связав ее с НАТО, взяли курс на постепенное поглощение мелких партий в основном своей главной политической силой — ХДС/ХСС. В результате был усилен правый потенциал также других политических партий. Наряду с этим часть мелких правых партий была отведена в резерв. Достичь, однако, достаточно полной партийной буржуазной унификации не удалось.

Первые признаки краха политики «холодной войны» в конце 50-х гг. повлекли очередное в ФРГ оживление правого партийного радикализма. Началась перегруппировка реакционных сил, протекавшая в острых противоречиях и неувязках. В конце этого процесса стояло создание неонацистской партии и усиление правых тенденций в ХДС/ХСС. Характерным примером, показывающим многосложность и непоследовательность тогдашней политической совокупности ФРГ, является Общегерманская партия (ОП), возникшая в 1961 г. из непоглощенных христианскими партиями остатков НП и ОБ.

В документах учредительного съезда и принятой вскоре предвыборной платформе ОП цель создания партии формулировалась как собиранье сил правее ХДС/ХСС, чтобы превратить их в четвертую по величине партию ФРГ, которая представляла бы интересы «национальных правых». Партия объявляла «войну» «политикам отказа», как она именовала трезво и реалистически мыслящих в ФРГ людей, предостерегала от наступления «нового Версаля». Она, в отличие от аденауэровского ХДС, маскировавшего действия против разрядки, открыто призвала «к отражению» даже политической линии США, обозначившейся при президенте Д. Кеннеди ⁵. «Воспоминания. 1955—1959» («Erinnerungen 1955—1959») К. Аденауэра показывают, что никаких принципиальных отличий в

подходах к международным проблемам у ХДС и ОП не было. На манер ОП канцлер убеждал американского президента в том, что США «неправильно» оценивают якобы «исходящую от Советской России угрожающую опасность», могущую иметь, по мнению Аденауэра, «очень тяжелые последствия... для осуществления воссоединения Германии»⁶.

Выборы 1961 г. ХДС/ХСС собирались выиграть с помощью обострения до предела как внутренней, так и международной напряженности, особенно на государственной границе ГДР. Появление ОП именно накануне этих выборов не случайно. Ей отводилась вспомогательная роль по нагнетанию политической атмосферы. Она кричала о том, что скоро последует «запланированный... и решающий шаг по дальнейшему проникновению советского империализма» на Запад, что «Советы интересуются не только (Западным) Берлином, Срединной Германией и германскими восточными областями», но и стремятся к «новому наступлению для завоевания мирового господства»⁷.

Выдумкой о «советской угрозе» ОП стремилась заблокировать малейшие шаги в сторону разрядки, сулившей затруднения конфронтационной политике империалистических кругов ФРГ. Поэтому она рекомендовала «всем свободному миру» изыскать возможности перехода к пронизанной «наступательным духом внешней политике». Аналогичными были рекомендации боннскому правительству. Помимо «захвата инициативы», ему вменялось вынудить к такой политике западные державы. ОП предлагала и свои услуги посредством «тесного сотрудничества всех политических сил немецкого народа», чтобы затем «в полном согласии с западными союзниками» противопоставить свой проект мирного договора советским предложениям. В конкретной части предвыборного документа ОП требовала создать законодательным путем «германский совет по самоопределению», в который вошли бы представители бундестага и «землячеств Срединной Германии и всех германских областей, с которых произведено изгнание». Этот «совет», превратившись в постоянный орган, должен будет заниматься «урегулированием германского вопроса»⁸. Иными словами, ОП готовила передачу решения германской проблемы в руки реваншистских землячеств.

Деятельность ОП оказалась крайне полезной блоку ХДС/ХСС, поскольку совпала с его кризисом. Опросы общественного мнения на середину сентября 1961 г. показали, что процент недовольных аденауэровской политикой находился в пределах от 10 до 27⁹. Введение в политическую игру ОП означало попытку в условиях кризиса выйти из тупика на путях правого сдвига.

Одновременно предполагалось изучение поведения избирателей (во что выльется недовольство политикой ХДС/ХСС: в голосование за СДПГ или же крайне реваншистскую партию?), что должно было повлечь за собой определение степени правого корректива в установке ХДС/ХСС, а возможно, и других парламентских партий. Зондировочная миссия ОП оказалась неудачной. Партия получила 870 757 голосов, или 2,8%¹⁰, что не выходило за рамки более ранних результатов для крайне правых. Однако появление этой партии означало начало процесса новой и срочной перегруппировки на правом фланге.

В калькуляции возможных результатов будущих выборов 1965 г. блок ХДС/ХСС обратил внимание на когерентность результатов 1961 г. и выборов в бундестаг 1949 г., отчасти выборов в ландтаги начала 50-х гг. «Осколочные» правые партии, в том числе ОП, собрали в 1961 г. в сумме 5,7% голосов. Из этого «минимума» половину нельзя было отнести на счет потенциальных избирателей ХДС/ХСС¹¹. Следовательно, если учесть 4,9% потерь ХДС/ХСС в 1961 г., из которых предположительно также половина голосовала бы за отдельную ультраправую партию, то в 1965 г. можно было надеяться на получение желаемого «союзными партиями» результата в пределах 5% за стоящую вправо от них партию, которую можно было бы превратить затем в своего партнера по коалиции. Задача, таким образом, состояла во введении в бундестаг ультраправой партии с примерно 25 депутатами, но без ощутимых потерь для ХДС/ХСС.

Возвращаясь к 1949 г., следует указать, что тогда все группировки правых (речь идет о правых правее ХДС/ХСС) собрали также 5,7%, 1,6 млн., голосов, что было даже большим для них показателем по сравнению со стартовым временем ультраправых сил Веймарской республики¹². В 1949 г. наблюдалось собрание «всех сил национальной оппозиции», ставшее возможным в усло-

виях разгоравшейся «холодной войны» и форсирования процесса реставрации. Тогда собрание «национальной оппозиции» натолкнулось на международную констелляцию ФРГ и на сопротивление блока ХДС/ХСС, претендовавшего стать замаскированным под партию середины резервуаром почти всех правых сил. В то время блок ХДС/ХСС осуществлял также дирижирование основными правыми партиями, предписывая им существование или исчезновение. Этим объясняется скоротечность СИП и ее запрет, воспринятый не как «конец неонацизма», а как только лишь «призыв к перегруппировке»¹³. Ультраправые отошли тогда в резерв.

В ФРГ взяла верх тенденция, подтвержденная выборами 1953 и 1957 гг., к двухпартийной системе, когда все другие партии «присуждены» к тому, чтобы в «лучшем случае стать участником, коалиционным партнером правительств, которое могло быть возглавлено или ХДС или же СДПГ»¹⁴. Поскольку левее социал-демократии, кроме КПП, вскоре запрещенной, с которой вообще исключалось какое-либо сотрудничество, не было партии, СДПГ должна была использовать правых коалиционных партнеров (ОБ на уровне земель) или же СвДП, место которой в общем определялось чуть левее ХДС/ХСС. СДПГ становилась пленницей партийно-политической ситуации. Это стало одним из факторов ее поправления — она шла к Годесбергу. Буржуазные исследователи партийного механизма ФРГ, касаясь этого процесса поправления СДПГ и ХДС/ХСС за счет «осколочных» правых буржуазных партий, прибегают к осторожному термину «консолидация» больших партий¹⁵, называют этот процесс ликвидацией после 1953 г. «раздробленности партийной системы», после чего началась «концентрация вокруг небольшого числа партий»¹⁶. Такой прием маскирует подлинную роль мелких буржуазных правых партий как катализаторов правого в ФРГ политического сдвига.

Что же сулила обстановка после выборов 1961 г.? С одной стороны, с появлением ОП стал заметен очередной крен в сторону создания новой «национальной оппозиции», с другой — проявилась и прежняя тенденция концентрации правых сил вокруг христианского блока, прежде всего ХСС, что само по себе превращало его в «национальную оппозицию». Вставала задача сбалансирования указанных тенденций. Для этого ОП не должна

была исчезнуть с политической арены в качестве ускоряющего создание «национальной оппозиции» катализатора, предпочтительно в рамках самого блока ХДС/ХСС. Ее существование диктовалось также возможной неудачей такого варианта. Иными словами, она должна была действовать, пока не возникнут полностью предпосылки для достаточно сильной ультраправой партии. Не исключались поиски некоторых «промежуточных» вариантов. «Ухаживания» со стороны ХСС за ОП отражали все сложности тогдашних перегруппировок правых сил. ХСС хотел оттянуть часть голосов в свою пользу, чтобы предотвратить создание в будущем слишком сильной ультраправой партии, такой, существование которой было бы в ущерб христианскому блоку. ХСС намеревался точно дозировать влияние ультраправой партии количеством голосов чуть больше 5%.

Обратимся к фактам. 16 ноября 1963 г. ХСС апеллировал к ОП, которая не была представлена в баварском ландтаге, «вместе блюсти интересы изгнанных с родины и беженцев»¹⁷. Таким путем ХСС собирался «последовательно» руководить развитием вправо от себя, которое «уже давно» было подготовлено с помощью «контактов на всех уровнях обеих партий». Резолюция земельного комитета ХСС мотивировала своеобразный союз с ОП «политическим развитием» как в масштабе ФРГ, так и в пределах Баварии, характеризовавшемся «концентрацией политических сил в больших партиях». ХСС, снимая с себя как с правящей партии вину за неудовлетворенные нужды переселенцев, направлял их недовольство против социалистических стран, толкал к территориальной ревизии в Европе. ХСС отмечал в этой связи: «Проблема изгнанных одним экономическим включением не решается», и он «осознает», что надо «дать нашим изгнанным с родины... окончательное политическое прибежище». ХСС высказал надежду, что «на основе состоявшихся полных доверия контактов будут найдены конкретные предпосылки для совместной работы»¹⁸. Иными словами, сотрудничество может базироваться только на основе реваншизма.

Спустя несколько дней баварская земельная организация ОП дала ответ, который выработала на заседании правления 20 ноября 1963 г. В нем «приветствовалась» позиция ХСС и высказывалось удовлетворение тем, что

«внешнеполитические воззрения» ХСС находятся в соответствии с «уже господствующими представлениями» в рядах ОП, «особенно с общегерманскими». Штраус был чрезвычайно удовлетворен «столь быстрой и столь позитивной ясностью» ответа¹⁹. Он, как никто другой, был застрельщиком канализации недовольства переселенцев на Восток. Так, выступая 6 июля 1963 г., Штраус заявил, что те «в наших рядах», которые полагают, что проблемы «изгнанников» могут быть решены их «экономико-социальной интеграцией», заблуждаются. После исключения из баварского ландтага ОБ, говорил Штраус, следует «осознанно» определить «политическое прибежище» переселенцев, место которых «в наших рядах» по причине «перманентно исходящей с Востока угрозы». Далее последовали призывы к реакционной консолидации: «Изгнанные с родины должны также знать, что их законные желания и требования не могут быть выполнены малыми партиями и с помощью резолюций», а только посредством «великой германской внешней политики, вписывающейся в исторические рамки и базирующейся на исторической непрерывности» политики, целью которой является «вклад в единство Европы и в равной мере в преодоление германского раскола»²⁰.

Итак, вначале ХСС вытеснил партию «изгнанников» — ОБ из ландтага, затем повернулся к ее сторонникам в качестве «выразителя их интересов». Газета «Дойчентэгеспост» откровенно в этой связи писала о погоне ХСС за голосами переселенцев, доля которых в общем числе избирателей ФРГ составляла 5,9 млн. Превращение Штрауса в «друга и опекуна» переселенцев и ОП оказалась охотой минимально за 870 тыс. избирателей, подавших голоса в 1961 г. за ОП, но оставшихся не представленными в бундестаге по причине 5%-ной поправки в избирательном законе. Если бы не эта поправка, то ОП располагала бы 14 мандатами. Упомянутая газета констатировала, что вместе с ХДС/ХСС это составляло бы абсолютное большинство в бундестаге (256 мест из 499). Газета тут же добавляла, что «сейчас не может быть больше речи» о том, обеспечивать или нет места в парламенте ОП, то есть союзу НП и ОБ, созданному «слишком поздно», а следует разговор вести о том, «кто прикармнит наследство» партии переселенцев. Оно «единственный большой резерв избирателей, из которого в 1965 г. мож-

но еще зачерпнуть». К этому резерву газета добавляла около полумиллиона избирателей — сторонников бывшей НП, голосовавших за большие партии, но не закрепившихся за ними. Итак, резюмировала газета, поскольку приблизительно 900 тыс. избирателей, подав голоса за ОП, сработали «вхолостую», постольку ХСС вменял в обязанность своему «каждому отдельному члену» выступать за привлечение этих избирателей²¹. Генеральный секретарь ХСС А. Яуманн, именно с прикидкой на выборы 1965 г., призывал «суммировать, наконец, все националистические силы»²².

Это не означало полного поглощения и упразднения ОП. ХСС искал такую формулу сотрудничества, которая при сохранении этого в политической структуре ФРГ хорошо контролируемого правого корректива позволила бы наращивать силы обеим христианским партиям. ОП отводилась роль только наиболее заметной единицы наряду с подобными ей отведенными в тыл группировками. Вскоре такая формула, не исключающая эвентуального введения в западногерманский парламент малой ультраправой партии, что в сумме могло дать абсолютное большинство правому буржуазному лагерю партий, была найдена.

Хорошо информированная газета «Франкфуртер рундшау» сообщала в этой связи, что на закрытом заседании земельного баварского комитета ОП в присутствии федерального от ХСС министра Доллингера и генерального секретаря ХСС Яуманна, на котором должен был выступать Ф. И. Штраус, но по болезни не сумевший этого сделать (текст его речи читал Доллингер), было снова подтверждено «партнерство ХСС и ОП». Тогда же было определено, что 8 членов ОП будут включены в избирательный список ХСС на выборах в бундестаг 1965 г. Конкретные имена кандидатов должен был назвать чрезвычайный съезд ОП в начале декабря 1964 г. В читанном перед 76 представителями ОП тексте речи Штрауса, нарочито посвященной внешней политике, подтверждалось, что «союзные» христианские партии «признают себя сторонниками права на родину и самоопределение переселенцев»²³.

Текст речи Штрауса содержал, как видим, поручительство в такой политике от имени также ХДС. Последний много раз официально подтверждал такую позицию.

Например, федеральный канцлер Эрхард, выступая 22 марта 1964 г. в Бонне на конгрессе «восточногерманских земельных представительств», развеял какие-либо сомнения в подлинной сути восточной политики его кабинета: «Для нашего внешнеполитического действия в отношении наших соседей на Востоке основой может быть только обеспечение права. Мы... не требуем чужих территорий. Но мы... не можем, ввиду ответственности перед немецким народом, отказаться от права... на области, которые являются коренной родиной столь многих наших немецких братьев и сестер». Ссылаясь на свое правительственное заявление от 18 октября 1963 г., он подтверждал однозначность своей позиции: переселение и новые границы «не создали новых правовых реальностей»²⁴. С учетом более раннего заявления Эрхарда по американскому телевидению²⁵, а также министра иностранных дел Шредера по поводу трактовки доктрины Хальштейна и сущности «маневренной внешней политики»²⁶ вырисовывалась ясная картина внешнеполитической сущности шагов ХДС/ХСС по верстке в ФРГ правого конфронтационного картеля партий.

В декабре 1964 г. «партнерство» между ХСС и ОП было «окончательно утверждено» на съезде баварской части ОП. Тогда же были определены ее кандидаты в бундестаг по списку ХСС. Первым среди них стоял «президент» «судетонемецкого совета» В. Бехер, который, свидетельствовала «Франкфуртер рундшау», «обратил на себя внимание... своей сильно сориентированной вправо политикой»²⁷.

В масштабах западногерманской федерации ОП применила тактику своей баварской части. Она не выставила отдельных списков, инфильтрировав своих кандидатов в списки других партий. Центральный руководящий орган ОП — федеральный комитет — внес в эту тактику «проникновения» существенную поправку: представители ОП были внедрены в списки не только ХДС/ХСС, но и СДПГ. Так ОП выполняла свое назначение по сдвигу партий бундестага вправо не только в силу своего существования, но и действуя изнутри их самих. В результате по спискам ХСС в бундестаг в 1965 г. были избраны главари реваншистских организаций Бехер и Прохазка, а по спискам СДПГ — председатель ОП Аренс. Другие кандидаты заняли в списках благоприятные места

и могли быть включены в бундестаг в случае убытия некоторых депутатов²⁸.

Христианские партии надеялись, что их тактика взаимодействия с ультраправыми силами увенчается успехом. Однако этого не случилось. Хотя христианский блок и получил некоторую компенсацию потерянных в 1961 г. голосов, он не достиг заветной цели абсолютного большинства в бундестаге. Тактика вбирания голосов всех правых оказалась запоздалой и малоэффективной. Эксперимент с введением в политическую игру ОП целиком провалился. Поскольку международная обстановка для обанкротившейся политики ХДС/ХСС продолжала ухудшаться и внутри страны росло недовольство широких кругов населения, монополии стали склоняться к введению более сильного фактора, чем ОП, способного резко толкнуть ось партийно-политической системы ФРГ вправо. Не случайно на выборах 1965 г. была опробована неонацистская НДП. Именно с этих выборов на политическую арену выдвигаются в свое время отведенные в резерв ультраправые группировки, объединившиеся в НДП, в качестве достаточно мощного катализатора правого сдвига.

Политическая ситуация ФРГ в этой связи осложнилась еще более. Провалившуюся политику конфронтации монополии стремились спасти путем дальнейшей ее эскалации. Перед «этаблированной» партийной системой ФРГ в целом и перед ее отдельными звеньями вставало множество чисто практических вопросов. У ХДС/ХСС не было до конца уверенности, окажется ли ультраправый фактор в лице НДП достаточно контролируемым, не нанесет ли он ущерба самому блоку ХДС/ХСС, в первую очередь в плане падения числа поданных за него голосов по причине их оттока на сторону НДП? Оставалась неизвестной реакция на выход НДП двух других основных партий бундестага — СДПГ и СвДП. Нельзя было сбросить со счетов их полевание. Вставали и другие проблемы, связанные с негативной реакцией на этот ультраправый корректив за рубежом, что могло ухудшить и без того сложное внешнеполитическое положение ФРГ как острова «холодной войны», усилить изоляцию на международной арене на фоне растущего международного авторитета ГДР. Все свидетельствовало об углублении внутреннего и международного политического кризиса ФРГ,

справиться с которым у ХДС/ХСС не было сил. Внутренние трудности в христианском блоке дополняли кризисную картину. Провал консолидации реакционных сил с помощью мелкопартийного правого плюрализма свидетельствовал о крахе в ФРГ партийно-политического механизма конфронтации. Он обозначил в стране перспективу реалистического сдвига и потери христианским блоком политической власти. Все в сумме свидетельствовало о несоответствии политики конфронтации объективным потребностям исторического развития.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 16.

² Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. М., 1977, с. 17—18.

³ См. предисловие О. К. Флехтхайма к кн.: Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Bd. 1. Berlin (West), 1962, S. XVI, XIX.

⁴ Подробнее см.: Урьяс Ю. П. Партии и предпринимательские организации в ФРГ.— В кн.: Партии в системе диктатуры монополий. М., 1964; Новик Ф. И. Неонацизм в ФРГ: подъемы и поражения 1949—1974 гг. М., 1976; Die westdeutschen Parteien 1945—1965. Ein Handbuch. Berlin, 1966.

⁵ См.: Die westdeutschen Parteien, S. 327—329; Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Bd. 2. Berlin (West), 1963, S. 450—453; 453—461.

⁶ Adenauer K. Erinnerungen 1955—1959. Stuttgart, 1967, S. 144.

⁷ Die westdeutschen Parteien, S. 329.

⁸ Ibid., 329—331.

⁹ См.: Касак H. Geschichte und Struktur des deutschen Parteiensystems. Opladen, 1971, S. 259.

¹⁰ См.: Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Bd. 9. Berlin (West), 1971, S. 370.

¹¹ См.: Касак H. Geschichte und Struktur..., S. 283.

¹² См.: Jenke M. Verschwörung von rechts? Ein Bericht über den Rechtsradikalismus in Deutschland nach 1945. Berlin (West), 1961, S. 48.

¹³ См.: Parteien in der Bundesrepublik. Studien zur Entwicklung der deutschen Parteien bis zur Bundestagswahl 1953. Stuttgart und Düsseldorf, 1955, S. 498.

¹⁴ Ibid., S. 498—499.

¹⁵ Ibid., S. 499.

¹⁶ Касак H. Geschichte und Struktur..., S. 222.

¹⁷ Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Bd. 8. Berlin (West), 1970, S. 460.

¹⁸ Ibid., S. 460—461.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid., S. 461—462.

²¹ Ibid., S. 462—463.

²² Ibid., S. 463.

²³ «Frankfurter Rundschau», 2. November 1964.

²⁴ «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», 24. März 1964.

²⁵ «Bulletin...», 5. November 1963.

²⁶ «Bulletin...», 7. November 1963.

²⁷ «Frankfurter Rundschau», 15. Januar 1964.

²⁸ См.: Die westdeutschen Parteien..., S. 328.

М. А. Ермолицкий,

аспирант
(БГУ им. В. И. Ленина)

УГЛУБЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ В 1969—1976 гг.

Углубление капиталистических противоречий в ФРГ привело, вследствие проимпериалистической политики лидеров социал-демократической партии Германии, к усилению кризиса в партии. Одним из выражений этого явилось развитие в ее рядах процессов дифференциации, протекающих, однако, весьма неравномерно. Преодоление кризиса западногерманской социал-демократией возможно лишь на путях ее левой переориентации.

На ход социально-политического развития капиталистических стран Запада большое влияние оказывают социал-демократические партии. Объединенные в Социалистический Интернационал, они насчитывают в своих рядах около 15 млн. членов, собирают на парламентских выборах свыше 75 млн. голосов избирателей, руководят или участвуют в ряде правительств¹. По традиции играющие роль «врача у постели больного капитализма»² социал-демократы подвержены тем не менее ряду изменений вследствие воздействия мировой системы социализма, международного коммунистического движения, обострения империалистических противоречий и роста на этом фоне борьбы рабочего класса. Характер этих изменений состоит в том, что «в рядах социал-демократии происходит дифференциация, которая отражается и в руководстве»³.

Это в полной мере касается и Социал-демократической партии Германии, дифференциация в которой признается самими ее идеологами. По оценке одного из представителей левого крыла Х. Хаймана, «сегодня СДПГ ни в коей мере не является... монолитной партией, в которой все члены по всем вопросам имеют одинаковые мнения»⁴.

О наличии различных течений в партии говорят и представители правого крыла⁵.

Развитие процессов дифференциации в СДПГ стало особенно заметным в период 1969—1976 гг., хотя и протекало весьма неравномерно. На наш взгляд, в этом периоде можно выделить два этапа, различающиеся определяющими их факторами, соотношением борющихся сил. Первый этап приходится на 1969 г.— начало 1974 г., второй — с начала 1974 г. по 1976 г. При этом на первом этапе развитие процессов дифференциации протекало весьма интенсивно, на втором оно начало затухать, хотя и сопровождалось ростом напряженности внутри партии.

Среди факторов, способствовавших усилению дифференциации в СДПГ в период 1969—1974 гг., наряду с вышеуказанными, можно назвать следующие. В 1969 г. СДПГ возглавила правительственную коалицию под лозунгом реформ и демократизации общественной жизни. Однако сдержать обещание она не могла из-за приверженности ее руководства системе государственно-монополистического капитализма, враждебного в своей основе прогрессивным реформам и демократии в целом. Это не могло не вызвать недовольства в массах членов и многих функционеров партии, чья политическая позиция «формируется интересами рабочего класса, т. е. большинства членов и сторонников партии»⁶. В свою очередь, руководство СДПГ, а также ее правое крыло в целом, активизировали усилия по защите существующего строя, интеграции левых сил в капиталистическую систему.

Усиливали тенденцию дифференциации в СДПГ изменения, происходившие в классовой структуре западногерманского общества, а также изменения в структуре членов и избирателей партии. Рост лиц наемного труда привел к расширению электората СДПГ, но под влиянием тенденции превращения ее в так называемую «народную партию» в ней резко упала доля рабочих при соответствующем росте представителей непролетарских слоев. Эти изменения не могли не обострить внутрипартийной борьбы.

Большую роль для анализируемых процессов сыграло появление легальной Германской коммунистической партии. Наличие серьезной левой альтернативы явилось катализатором внутрипартийной борьбы в СДПГ. У ее наиболее последовательных левых сил по мере роста влия-

ния ГКП росло стремление к сотрудничеству с коммунистами. Поэтому лидеры СДПГ, стремясь противодействовать тенденции к единству действий, резко усилили антикоммунистический курс. Наряду с этим в СДПГ имелись такие силы, которые обратились к критике руководства партии, надеясь тем самым не допустить роста влияния на массы ГКП, интегрировать антикапиталистически настроенную часть населения. Для лучшей координации своих действий представители этих сил в 1969 г. образовали так называемое «социалистическое бюро» в Оффенбахе⁷.

Фактором ускорения процессов дифференциации, а также формой их проявления внутри партии стало полевание организации «Молодые социалисты в СДПГ» («ЮЗО»), которая объединяет социал-демократов в возрасте до 35 лет. Причины ее полевания связаны с рядом указанных, а также других факторов, достаточно освещенных в марксистской, в том числе советской, литературе⁸. Здесь следует лишь отметить, что поворотным пунктом стал конгресс «ЮЗО» в 1969 г. В ряде его решений, в частности «О состоянии и задачах СДПГ», резкой критике была подвергнута политика руководства партии вследствие его все большего приспособления «к существующим общественным отношениям» и «отказа от своей социалистической концепции в пользу ложно понимаемого прагматизма»⁹.

Однако сами «молодые социалисты» в идейно-политическом плане оказались весьма неоднородны. Господствующее среди них течение — реформистско-социалистическое, называемое иначе «линией Правления» — ориентируется на традиционные требования социал-демократии, а также на рецепты идеолога «нового левого» движения А. Горца. Кроме того, в ходе развернувшейся с 1971 г. острой фракционной борьбы в «ЮЗО» выкристаллизовались два течения, стоящих левее «линии Правления»: группа «антиревизионистов», близкая к «социалистическому бюро», и группа левых «молодых социалистов», нередко называемая также группой «штамокап» (немецкое сокращение термина «государственно монополистический капитализм», что означает ее приверженность этой теории). По их собственной оценке, группа «штамокап» представляет собой «марксистское крыло в СДПГ»¹⁰. Среди этой группы особенно сильна тяга к

единству действий всех демократических сил, включая коммунистов. В 1973 г. некоторые ее представители перешли в ГКП¹¹.

Несмотря на такой характер развития «молодых социалистов», лидеры СДПГ не смогли провести против них массовых репрессий, ибо это могло оттолкнуть от партии большую группу избирателей, которым импонировали установки «ЮЗО». Поэтому они избрали путь, названный бывшим федеральным секретарем «ЮЗО» Э. Айхенгрюном «полулевой стабилизацией»¹². Правление партии посредством комментариев к решениям конгрессов «ЮЗО», новых директив для деятельности рабочих сообществ в СДПГ, назначением лидеров «ЮЗО» на высокие посты, дискуссий по теоретическим вопросам и других методов постаралось нейтрализовать наиболее радикальные аспекты идеологии и политики «Молодых социалистов». К тем же, кто не поддавался интеграции, применялись жестокие дисциплинарные меры.

Конец 1972 г. — начало 1974 г. были временем беспрецедентного в истории СДПГ развития сецессионности. В связи с тем, что на выборах в бундестаг в ноябре 1972 г. партия добилась большого успеха, в левых кругах рост поддержки избирателей был расценен как сдвиг влево в массах населения. Н. Ганзел, депутат бундестага от СДПГ, заявил, что «сознание населения идет влево. Это отражается на партийном базисе». А Й. Штеффен, один из лидеров левого крыла, подчеркнул: «Правительство остается стоять на уровне сознания 1968 г., в то время как партия дрейфует влево»¹³. На этом фоне левые решили усилить консолидацию своих сторонников с целью поворота влево правительственного курса. Стремясь противодействовать этому, усилили активность и правые силы в партии.

В результате этого дифференциации подверглась даже фракция СДПГ в бундестаге. Все течения консолидировались в кружки. Самой старой во фракции была правая группировка так называемых «канальных рабочих», возникшая еще в 50-е гг. Ее главная цель — борьба с левыми силами в партии и во фракции бундестага. С конца 1972 г. она резко усилила свою активность. Группировка «канальных рабочих» весьма централизована, охватывает около 2/3 депутатов СДПГ в бундестаге. Как признавался один из ее лидеров, эта группировка в тече-

ние часа может быть организована для любого удобного правому руководству решения¹⁴.

При участии «канальных рабочих» рядом правых лидеров СДПГ был создан в конце 1972 г. кружок «Фрица Эрлера», имевший целью борьбу с левым течением за сохранение в партии правого влияния¹⁵. В его состав вошли Г. Шмидт, Х.-Й. Фогель, Э. Франке, Х. Рунау и др. Перечень фамилий показывает, что члены этого правого кружка занимают сейчас ключевые позиции в правительстве.

В конце 1972 г. попытку более тесного сотрудничества предприняли левые депутаты бундестага. Ими был образован «леверкузенский кружок» (назван по имени города, где это произошло). В его состав вошло около 40 человек¹⁶. Инициатором его создания и фактическим руководителем стал тогдашний председатель земельной организации СДПГ Шлезвиг — Гольштейна И. Штеффен. На первом заседании кружка в качестве задачи на ближайшие четыре года было поставлено проведение ряда прогрессивных реформ в плане программы «Молодых социалистов», поддержку которых «леверкузенцы» считают своей главной целью. На одном из последующих заседаний обсуждался даже вопрос об образовании своего секретариата, и только противодействие председателя СДПГ В. Брандта помешало реализации этих планов¹⁷. В целом взгляды этой группировки характеризуются предрасположенностью к традиционному социал-демократическому реформизму и отличаются утонченным антикоммунизмом. Это дало основание одному из видных публицистов члену Германской коммунистической партии Р. Эккертю назвать взгляды ведущих представителей этого течения «левым вариантом правой социал-демократии»¹⁸.

Кроме того, с конца 1972 г. во фракции СДПГ в бундестаге имеется группа депутатов, называемая «левым центром», стоящая между «канальными рабочими» и «леверкузенским кружком». Это весьма влиятельная группировка, членами которой являются, к примеру, Г. Нетцгер, Х. Эренбург, П. Глотц и другие, может быть отнесена к правому интеграционистскому крылу в СДПГ.

Помимо этого, все течения партии попытались осуществить консолидацию своих рядов и вне бундестага. В качестве примеров можно назвать «тюрингенский» и

«франкфуртский» кружки левых сил партии и кружки имени Шумахера, «друзей Годесбергской программы» и правого крыла.

Выступающий за развитие «социалистической стратегии и ее проведение в СДПГ», «франкфуртский кружок» был создан еще в 1967 г. В него входят все представители реформистского крыла партии. При анализе его основных установок можно сделать вывод, что здесь имеет место тот же «левый вариант правой социал-демократии».

«Левoliberalным» или «левее от партийной середины» называют «тюрингенский кружок». Руководителями его считаются Э. Эпплер и Х. Эмке. Девять членов этого кружка (но без Эпплера и Эмке) относятся также к «леверкузенскому кружку»¹⁹.

Все эти группы левого крыла партии пытаются сотрудничать между собой. Однако их коренными пороками являются отказ от выработки подлинно социалистической стратегии в духе научного социализма и игнорирование необходимости мобилизации широких масс рабочего класса. Как признавался один из лидеров «франкфуртского кружка» К. Фойгт, левые организуются не для большинства в партии, а для большинства на съездах партии²⁰. Но такой отрыв доказывает лишь бесперспективность подобной линии.

Усиление фракционности в СДПГ вызвало тревогу у ее руководителей В. Брандта и Г. Венера. Оно угрожало избирательным успехам партии. Поэтому В. Брандт и Г. Венер попытались ослабить внутрипартийную борьбу. В. Брандт неоднократно утверждал, что партия не является «крышевой организацией различных союзов», что «образование фракций противоречит характеру СДПГ» и т. д. Особенно резко обрушивался В. Брандт на представителей левого крыла партии²¹.

Таким образом, с 1969 г. до начала 1974 г. значительно усилились процессы дифференциации в СДПГ, что проявилось в усилении активности левого крыла и некотором росте его влияния. Именно в это время среди социал-демократов вновь вошло в оборот слово «социализм», лидеры снова стали называть СДПГ «партией работников», было образовано «Рабочее сообщество работников в СДПГ»²² и т. д.

Наряду с ростом активности левых сил действовали и

факторы, препятствовавшие развитию процессов дифференциации, способствовавшие сохранению руководящей роли правооппортунистического руководства и дальнейшей интеграции западногерманской социал-демократии в существующую систему. С начала 1974 г. факторы, ограничивающие развитие процессов дифференциации в СДПГ, начали доминировать. Причиной тому прежде всего был начавшийся с 1974 г. экономический кризис, в условиях которого политика реформ, провозглашенная социал-демократическим правительством, терпела полный провал. Пытаясь приспособиться к кризису на основе традиционной антикризисной политики, лидеры СДПГ призвали партию вообще снять с повестки дня требования реформ. Для обоснования этой линии один из видных идеологов СДПГ Ф. Шарпф прибегнул к такой аргументации. «В немецкой политике речь идет отныне не о желаемых ценностях, но о необходимости, не о цели, но о возможности избежать кризиса»²³. Шарпф оправдывает далее необходимость отказа от реформ тем, что ФРГ с ее беспрецедентно высокой долей индустриального производства в социальном продукте (46% в отличие, скажем, от Швеции с ее 27%, США с 29% и т. д.) более всего может быть затронута экономическим кризисом. Если проводить политику реформ, то, по мнению Шарпфа, нынешнее правительство «на очень долгое время будет последним социал-демократическим правительством»²⁴.

Однако и Ф. Шарпф и другие социал-демократические идеологи и политики отказывались вскрывать подлинные причины кризиса капиталистической системы, в основе которых лежит противоречие между общественным характером производства и частнособственническим характером присвоения. Ведь признать эти причины означало бы признать порочность официальной социал-демократической политики, односторонне ориентированной на интересы монополистического капитала. Влиятельной же политической силы, которая могла бы довести до сознания широких масс населения причины кризиса, т. е. массовой коммунистической партии, в ФРГ пока не имеется, что не в последнюю очередь связано с махрово антикоммунистической линией социал-демократического руководства²⁵. Поэтому в массах населения причины кризиса идентифицировались с политикой правительства, руководимого социал-демократами, чему в сильной мере

способствовала демагогическая кампания ХДС/ХСС. Для СДПГ все это обернулось потерей влияния в массах.

Такие потери начались у партии с весны 1974 г. в ходе ряда земельных выборов. Потери были объявлены лидерами СДПГ как поворот избирателей вправо и соответственно было выдвинуто требование приспособиться к этому повороту. На практике это означало предание анафеме всех требований, предлагаемых левым крылом.

Уже в ходе избирательной борьбы 1972 г. в ФРГ произошло распространение явление, названное социал-демократами как «классовая борьба сверху»²⁶. Суть его состояла в беспрецедентной клеветнической кампании против всех, кто стоит левее ХДС, включая СДПГ. Правое руководство СДПГ не только не смогло противостоять консервативному наступлению, но, более того, само приняло участие в наступлении на демократические права и свободы граждан. Свое концентрированное выражение это нашло в практике «Указа о радикалах на общественной службе», названного в демократических кругах «запретом на профессии». Под его прикрытием начались гонения на демократические силы страны. Жертвами «запрета на профессии» стали и многие левые социал-демократы, которые не допускались на государственную службу даже в землях, управляемых социал-демократическими правительствами.

Эта линия социал-демократического руководства вызвала резкий протест всех демократических сил в стране, в том числе большинства «молодых социалистов» и левых социал-демократов. Отношение к практике «запрета на профессии» стало серьезным водоразделом правого и левого течений партии в целом.

Экономический кризис и наступление на демократические права народа могли вызвать к жизни широкое демократическое движение с участием коммунистов, социал-демократов, профсоюзов, всех прогрессивных сил. На этом основании для правого руководства СДПГ дальнейшее развитие левых сил в партии приобретало потенциально весьма опасный характер. Лидеры СДПГ берут курс на эскалацию борьбы с левым крылом, сигналом чему явилось «Заявление 10 пунктов к положению в партии» председателя СДПГ В. Брандта, содержавшее резкие выпады в адрес левых социал-демократов²⁷. Тем самым левые силы в партии практически лишались возмож-

ности критики руководства и выдвижения ему какой бы то ни было альтернативы.

В мае 1974 г. пост канцлера занял один из наиболее типичных представителей правого крыла партии Г. Шмидт. Увеличилось число кружков правого направления, среди которых можно назвать «общество Фрица Эрлера», «дармштадтский кружок», «кружок бесед 76», «вюрцбургский кружок» и др. К примеру, в последнем, образовавшемся в конце 1974 г.— начале 1975 г., были собраны правые почти из всех 22 окружных организаций СДПГ²⁸. Кружком были разработаны ориентированные на защиту интересов монополистического капитала тезисы «Годесберг и современность», которые затем в виде книги с одноименным названием были распространены правлением СДПГ в качестве официальных партийных материалов²⁹. По оценке левых социал-демократов, авторы тезисов исходят из полного признания существующего строя, «идентификации свободно-демократического порядка с существующим государством», придерживаются такой трактовки демократии, которая своим «принципом выдвигает приспособление к данному», т. е. к системе империалистического господства³⁰.

Все эти факторы привели к тому, что с начала 1974 г. процессы дифференциации в СДПГ стали затухать. И в этой ситуации проявились основные слабости левого течения. Левые позволили направить себя по пути интеграции. Типичным примером тому является исход Маннгеймского съезда СДПГ в 1975 г. Поправление партии выразилось в принятой программе «Рамки экономико-политической ориентации СДПГ на 1975—1985 гг.» — убедительном доказательстве приверженности партии существующим буржуазным порядкам. С целью интеграции левых на съезде была развита так называемая «берлинская модель концентрации сил»³¹. Суть ее состоит в установлении персонального состава руководящих органов партии посредством закулисных переговоров лидеров левой и правой группировок (в данном случае Г. Ристока от левой и Х. Рунау от правой). Атмосфера съезда получила в левых кругах наименование «гезольдис» (с немецкого — ироническая перефразировка «основных ценностей» СДПГ — свободы, справедливости, солидарности как справедливости, солидарности, дисциплинирования)³².

В 1976 г., проходившем под знаком выборов в бунде-

стаг, правые силы партии еще более усилили свой реакционный курс. «Общество Фрица Эрлера» предпринимало контакты со Штраусом, реакционнейшим лидером ХСС, социал-демократический обербургомистр Мюнхена вместе с ХСС выступал против левых кандидатов СДПГ и выборах в бундестаг.

И тем не менее отказ от реформ, перекалывание бремени кризиса на плечи трудящихся, ликвидация демократических прав и свобод привели, по оценке левых социал-демократов, «к кризису доверия СДПГ среди ее традиционных слоев и к потере голосов избирателей. Особенно велики потери голосов избирателей в рабочих районах»³³. Это является убедительным свидетельством усиления кризиса западногерманской социал-демократии. Преодоление этого кризиса может быть обеспечено лишь на путях левой переориентации социал-демократической политики.

¹ См.: Согомонян Г. С. Апологетические концепции социал-реформизма. М., 1975, с. 7.

² Выражение одного из лидеров довоенной СДПГ Ф. Тернова цит. по кн.: Freyberg I. von u. a. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1863—1975. Köln, 1975, S. 165.

³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 5—17 июня 1969 г. Документы и материалы. М., 1969, с. 306.

⁴ Heimann H. Theoriediskussion in der SPD. Ergebnisse und Perspektive. Frankfurt a. M.—Köln, 1975, S. 87.

⁵ «Die Zeit», 6. April 1973.

⁶ Васин В. Г. Социал-демократия и сотрудничество рабочих партий.— «Рабочий класс и современный мир», 1976, № 3, с. 79.

⁷ См.: Gerns W., Steigerwald R., Weiß G. Opportunismus heute. Frankfurt a. M., 1974, S. 101 ff.

⁸ Храмов А., Шендера В. Некоторые вопросы развития организации «Молодые социаллисты в СДПГ». — «Вестник КМО СССР», 1974, № 4; Реутова С. А. «Молодые социаллисты» в политической жизни ФРГ.— «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 4; Eckert R., Seiderer A. Sozialdemokratie und Jungsozialisten. Frankfurt a. M., 1974.

⁹ Arend P. Die innerparteiliche Entwicklung der SPD 1966—1975. Kiel, 1975, S. 51.

¹⁰ См.: Hofschien K.-H., Ott E., Rupp H. K. SPD im Widerspruch. Zur Entwicklung und Perspektive der Sozialdemokratie im System der BRD. Köln, 1975, S. 165.

¹¹ См.: Eckert R., Seiderer A. Sozialdemokratie und Jungsozialisten, S. 5.

¹² См.: Brauns J., Jaeggi U. u. a. SPD in der Krise. Die deutsche Sozialdemokratie seit 1975. Frankfurt a. M., 1976, S. 266.

¹³ «Spiegel», 1972, N 52, S. 24.

¹⁴ Ibid., 1974, N 26, S. 38.

¹⁵ Ibid., 1972, N 52, S. 24.

¹⁶ Ibid., N 50, S. 23.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Eckert R. Das ist «demokratischer Sozialismus». Eine Antwort auf Johano Strassers Frage: «Was ist demokratischer Sozialismus?». Frankfurt a. M., 1975, S. 18.

¹⁹ См.: Arend P. Die innerparteiliche Entwicklung..., S. 57.

²⁰ См.: «Konkret», 22. Februar 1973.

²¹ См.: Arend P. Die innerparteiliche Entwicklung..., S. 58.

²² См.: Schmidt H. Auf der Fundament des Godesberg Programms. Bonn—Bad Godesberg, 1973, S. 103.

²³ «Spiegel», 1974, N 14, S. 22.

²⁴ Ibid.

²⁵ Так, один из лидеров СДПГ Х. Эмке утверждал: «Каждый знает, что это заслуга немецкой социал-демократии, если мы в этой стране не имеем ни больших коммунистических партий, ни сильных коммунистических профсоюзов» («Spiegel», 1974, N 15, S. 47).

²⁶ См.: Klassenkampf von oben? oder Angstmacher von rechts. Dokumente und Analyse eines gescheiterte Wahlkampfes. (Hrsg von J. Richter.) Reinbek bei Hamburg, 1973.

²⁷ «Vorwärts», 4. April 1974.

²⁸ См.: Arend P. Die innerparteiliche Entwicklung..., S. 174.

²⁹ См.: Godesberg und Gegenwart. Bonn—Bad Godesberg, 1975.

³⁰ См.: Narr W.-D., Scheer H., Spöri D. SPD-Reformpartei oder Staatspartei. Hamburg, 1976, S. 64.

³¹ См.: Glotz P. Der Weg der Sozialdemokratie. Der historische Auftrag der Reformismus. Wien—München—Zürich, 1975, S. 249.

³² «Links», 1975, N 72.

³³ Brauns J., Jaeggi U. u. a. SPD in der Krise..., S. 309.

Л. В. Лойко,

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ В ПНР

В годы первой пятилетки (1956—1960) в ПНР была создана система рабочего самоуправления. В деятельности органов рабочего самоуправления укрепилась руководящая роль ПОРП, выросли идейный и организационный уровень, экономическая эффективность и социальная значимость их работы.

Практика социалистического строительства в Польской Народной Республике выявила ряд своеобразных методов привлечения трудящихся к решению политических и хозяйственных задач. Польская объединенная рабочая партия и общественные организации страны нако-

пили значительный опыт развития трудовой и политической активности рабочего класса, привлечения его к управлению государственными и производственными делами. Определенный интерес в этой связи представляет вопрос о создании и функционировании системы рабочего самоуправления, появившейся в годы первой пятилетки (1956—1960) и имевшей целью углубление социалистической демократии, активизацию творческой инициативы рабочего класса, сосредоточение ее на наиболее актуальных вопросах хозяйственной жизни.

Привлечению трудящихся к непосредственному управлению производством ПОРП придавала большое значение на всех этапах социалистического строительства. Основными формами участия рабочих в управлении предприятиями государственного сектора после победы народно-демократической революции стала деятельность партийных и профсоюзных организаций на производстве. В ходе дальнейшего социалистического строительства появились партийно-производственные конференции, общественная инспекция труда, массовое социалистическое соревнование, движение новаторов и рационализаторов и другие формы непосредственного участия рабочих в организации производства. В 1954—1955 гг. в ведение профессиональных союзов были переданы вопросы инспекции труда, социального обеспечения, а также право заключать от имени производственного коллектива трудовые договоры с администрацией предприятий.

Широкое участие народных масс в решении социально-экономических задач, подъем трудовой и творческой активности сыграли важную роль в успешной реализации основных заданий трехлетнего (1947—1949) и шестилетнего (1950—1955) народнохозяйственных планов. Главным итогом их выполнения было создание в ПНР экономического фундамента социализма.

Вместе с тем к середине 50-х гг. в общественной жизни страны проявились определенные трудности. Диспропорции в развитии отдельных отраслей, недостатки в планировании и организации производства, вынужденное увеличение капиталовложений в оборонные отрасли, неурожаи — все это не позволило выполнить задания шестилетнего плана по росту материального благосостояния трудящихся¹.

Проходившая в середине 50-х гг. в коммунистических

и рабочих партиях критика культа личности и связанных с ним методов руководства «способствовала чрезмерному усилению» в Польше «критических акцентов в оценке достижений шестилетнего плана»². Активизировались праворевизионистские и откровенно антисоциалистические элементы, пытавшиеся дискредитировать идею строительства социализма в ПНР, и в частности систему управления народным хозяйством.

ПОРП предприняла усилия по выводу страны из политического кризиса. VII пленум ЦК ПОРП, состоявшийся в июле 1956 г., указал на необходимость более эффективного использования первичными парторганизациями своего права контроля администрации предприятий. ЦК ПОРП предложил Центральному совету профсоюзов (ЦСПС) разработать проект нового закона о правах профсоюзов, который предусмотрел бы значительное расширение их полномочий. Были намечены меры по преодолению излишней централизации в руководстве экономической, повышению роли рабочего класса на производстве³.

Летом и осенью 1956 г. на страницах польской печати, в партийных и профсоюзных организациях, трудовых коллективах шла дискуссия о путях преодоления возникших трудностей. Дискуссия обострялась демагогической пропагандой ревизионистских и антисоциалистических элементов, пытавшихся отвлечь трудящихся от социалистического строительства, посеять недоверие к ПОРП и государственным органам. В области экономики особенно острая дискуссия развернулась по тем вопросам, в области которых в предшествующие годы проявились недостатки и упущения: планирование и организация производства, методы развития трудовой активности, материальный уровень, условия труда и быта рабочих и служащих.

В этих условиях стали возникать на ряде крупных промышленных предприятий первые рабочие советы (август — сентябрь 1956 г.). Там, где деятельность администрации была затруднена кампанией демагогической критики, рабочие советы брали под свой контроль организацию производства, а также вопросы охраны труда и улучшения быта рабочих.

Важной вехой в укреплении позиций социализма стал VIII пленум ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.), наметивший пути углубления социалистической демократии, повыше-

ния эффективности производства, улучшения материального положения трудящихся. Пленум признал также целесообразным создание на производстве новых руководящих органов — рабочих советов с предоставлением им широких полномочий. «Рабочие советы, — отмечалось на пленуме, — должны иметь широкие права в решении основных вопросов функционирования и экономико-технического развития предприятия»⁴.

ПОРП, рассматривая рабочие советы как продукт творческой инициативы рабочего класса, увидела в них рычаг повышения производственной активности, сосредоточения усилий рабочего класса на решении наиболее актуальных социально-экономических проблем.

19 ноября 1956 г. рабочие советы были утверждены Сеймом ПНР как орган, управляющий предприятием, которое является общенародной собственностью, от имени коллектива этого предприятия. В законе о создании рабочих советов указывалось, что целью их создания является реализация инициативы рабочего класса посредством его прямого участия в управлении производством⁵.

Законом от 19 ноября устанавливалось, что рабочий совет избирается тайным голосованием всем коллективом и ему подотчетен. Руководство работой совета возлагалось на его председателя или президиум. Структуру совета, порядок его деятельности должен определять устав предприятия, утверждаемый всем коллективом.

Законом предоставлялись рабочим советам полномочия устанавливать производственные планы предприятий в рамках утвержденных вышестоящими хозяйственными органами показателей, определять основные направления развития предприятий, решать вопросы организации производства и рационализации. В ведении рабочих советов находились вопросы распределения части прибыли, идущей на развитие производства и удовлетворение социально-культурных нужд коллектива.

Решения рабочих советов в рамках их компетенции обязательны для дирекции, за которой сохранялось право единоличного оперативного управления производством. Решения по вопросам условий труда и быта рабочих, заработной платы, раздела фонда предприятия рабочие советы обязаны принимать только по согласованию с законом профсоюза.

Для того, чтобы рабочие советы смогли выполнить свои задачи, одновременно с их созданием были значительно расширены права предприятий. Количество плановых показателей, устанавливаемых предприятию министерством, сокращалось с нескольких десятков до восьми⁶.

Проведенная в конце 1956 г. реформа управления производством была с одобрением встречена трудящимися. В 1956—1957 гг. в обстановке всеобщей поддержки проходило создание рабочих советов предприятий. К концу 1957 г. рабочие советы были избраны на 5619 крупных и средних предприятиях; в их состав вошли 81 220 человек. Советы были созданы на всех крупнейших предприятиях (свыше 2 тыс. работающих), на большинстве (72%) крупных (1 тыс.—2 тыс. работающих) и на почти половине (47%) средних предприятий (500—1000 работающих)⁷.

Создание рабочих советов продолжалось и в 1958—1960 гг.; к концу пятилетки их насчитывалось 8884 с 86 тыс. членов⁸. В последующие годы количество рабочих советов стабилизировалось.

С момента своего появления рабочие советы активно включились в руководство производством. Так, первым значительным мероприятием рабочего совета варшавского автомобильного завода было увеличение плана выпуска автомашин с 6090 шт. в 1956 г. до 10 020 шт. в 1957 г. Резервы для реализации повышенных плановых заданий были изысканы за счет улучшения организации труда и роста его производительности, рационального использования сырья и материалов. Деятельность рабочего совета способствовала резкому повышению рентабельности предприятия. Если в 1956 г. автозавод получил от государства 216 млн. зл. дотаций, то уже на первый квартал 1957 г. было запланировано 9,2 млн. зл. прибыли. Среднемесячная заработная плата выросла в 1957 г. на 130 зл. За счет прибыли, полученной в 1957 г., был создан фонд предприятия, из которого каждому работнику к заработной плате в конце года было начислено дополнительно по 2500 зл.⁹

Перед рабочим советом металлургического комбината им. В. И. Ленина в Новой Гуте, избранным в конце 1956 г., встал целый ряд сложных проблем: недостатки в системе нормирования, оплаты и премирования труда,

низкая трудовая дисциплина, значительные излишки рабочих рук. Свою деятельность рабочий совет комбината начал с наведения порядка в оплате труда. Были пересмотрены в сторону повышения тарифные ставки, которые не менялись с момента пуска предприятия. Снижен размер премий (доходивший ранее до 200—300% от ставки). Разработана единая система премирования, отражавшая вклад каждой группы работников в развитие производства.

Весьма сложной была задача ликвидации излишков рабочей силы, составляющей около 2 тыс. человек (при 17 тыс. всех работавших на предприятии). Появление таких излишков объяснялось в какой-то степени низкой трудовой дисциплиной: в 1956 г. на комбинате было пропущено 225 тыс. человеко-дней, т. е. ежедневно отсутствовало в среднем 850 человек. Администрация, чтобы гарантировать выполнение производственных планов, набирала рабочих сверх штатов. Рабочий совет, считая это положение ненормальным, разработал меры по ликвидации излишков рабочей силы. С этой целью на комбинате было организовано дополнительное производство товаров широкого потребления: стройматериалов и металлобытприборов, где было занято свыше 200 человек. Часть рабочих и служащих была переведена из вспомогательных производств и аппарата управления в основные цеха, что позволило увеличить объем их производства. Увольнялись некоторые крестьяне-рабочие, имевшие достаточные наделы земли, неквалифицированные и недисциплинированные работники, а также женщины, у которых заработная плата мужей была не менее 4500 зл. Эти мероприятия рабочего совета комбината существенно сказались на укреплении трудовой дисциплины, повышении производительности труда и увеличении объема производства¹⁰.

Особое внимание рабочие советы уделяли распределению фонда предприятия, используя его как фактор усиления материальной заинтересованности и улучшения условий труда и быта работников. На многих предприятиях часть фонда использовалась для стимулирования высоких технико-экономических показателей.

Опыт первых полутора — двух лет деятельности рабочих советов принес в основном положительные результаты. Их работа воплощалась в практические мероприя-

тия по развитию общественного производства и повышению материального благосостояния трудящихся. Созидательная инициатива и высокая трудовая активность рабочего класса, аккумулятивная в деятельности рабочих советов, демонстрировала всем слоям польского общества наиболее реальные и действенные пути преодоления экономических трудностей.

Вместе с тем практика обнаружила и несовершенства в работе новых органов рабочего самоуправления. В ряде рабочих советов не было найдено правильной пропорции в составе членов: большое число представителей управленческого и инженерно-технического персонала часто приводило к чрезмерному увлечению администрированием, дублированию функций дирекции, а иногда и к отрыву совета от трудового коллектива. Некоторые советы устранились от производственных проблем и концентрировали свое внимание на социально-бытовых вопросах¹¹.

Орган ЦК ПОРП журнал «Нове дроги» отмечал недостаточное партийное руководство рабочими советами, что «послужило причиной некоторой стихийности в их развитии»¹². Не смогли на первых порах более четко определить свое отношение к советам и профсоюзы.

ПОРП, изучив результаты реформы управления производством, наметила ряд мер по дальнейшему совершенствованию рабочего самоуправления. На состоявшемся в апреле 1958 г. IV съезде профсоюзов было внесено предложение создать на предприятиях новые органы: конференции рабочего самоуправления (КРС). В состав конференций предлагалось включить членов заводского комитета ПОРП, завкома профсоюза и рабочего совета данного предприятия. Рабочее самоуправление, отмечалось на съезде, не может выполнять свои функции без надлежащего руководства со стороны партийных и профсоюзных организаций¹³.

Летом и осенью 1958 г. предложение о созыве КРС было опробовано на практике: по инициативе парткомов, завкомов и рабочих советов на предприятиях страны было организовано свыше 6 тыс. КРС¹⁴. Первая КРС была создана на металлургическом заводе «Сосновец». Здесь еще в 1957 г. партийная организация совместно с профсоюзной и рабочим советом ежеквартально проводила технико-экономические конференции. В их повестку

включались такие вопросы, как анализ хозяйственной и финансовой деятельности предприятия, утверждение производственных планов, отчеты рабочего совета. Конференции явились общим полем деятельности всех трех рабочих организаций под руководством заводского комитета ПОРП. Их деятельность принесла положительные результаты: завод вошел в число передовых предприятий в металлургической промышленности. В апреле 1958 г. на годичной технико-экономической конференции была официально образована КРС завода, существовавшая фактически уже больше года¹⁵.

Опыт работы КРС за 1958 г. был положительно оценен партийными, профсоюзными и хозяйственными органами. 20 декабря 1958 г. Сейм ПНР по предложению ПОРП принял закон о рабочем самоуправлении¹⁶. Закон определил место и роль органов рабочего самоуправления на производстве, их структуру, основные принципы работы. Высшим органом рабочего самоуправления была признана КРС в составе представителей-партийного комитета, комитета профсоюза и рабочего совета. Решением членов самой конференции в ее состав могут входить представители молодежных организаций и технических обществ. На заседания КРС, которые должны проводиться не реже одного раза в квартал, выносятся узловые производственные, социально-бытовые вопросы.

Функции рабочего совета остались в основном прежними, но решение наиболее важных вопросов передавалось в компетенцию КРС. В цехах и отделах предусматривалось создание цеховых рабочих советов.

Закон 1958 г. более точно определил круг прав и обязанностей рабочего самоуправления и администрации. Решения КРС являлись обязательными для администрации. Директор — исполнитель решений КРС. Вместе с тем закон предоставлял директору право задерживать исполнение решения КРС или рабочего совета, если оно противоречит законам государства или утвержденному плану работы предприятия.

Надзор за деятельностью рабочего самоуправления поручался вышестоящим хозяйственным ведомствам. Несколько позднее были созданы арбитражные комиссии при министерствах и президиумах народных советов воеводств, в функции которых входит разрешение споров

между рабочим самоуправлением и руководством хозяйственных ведомств¹⁷.

Сейм ПНР, утвердив основные положения деятельности рабочего самоуправления, передал Центральному совету профсоюзов право устанавливать порядок работы его органов. В январе 1959 г. ЦСПС определил пути образования всех органов самоуправления и взаимоотношения между ними. Более подробный регламент работы органов самоуправления разрабатывается на каждом предприятии самой КРС в форме внутреннего устава деятельности рабочего самоуправления. Устав утверждается Главным правлением профсоюза данной отрасли¹⁸.

Создание новых органов рабочего самоуправления — КРС было проведено в самые короткие сроки. Уже к концу 1959 г. конференции были образованы на 11 408 промышленных предприятиях, строительства, транспорта и в сельском хозяйстве. В составе КРС в этом году работали свыше 205 тыс. человек¹⁹.

Главным итогом мероприятий, проведенных в 1958 г., было усиление партийного руководства органами рабочего самоуправления. XII пленум ЦК ПОРП (декабрь 1958 г.) признал дело развития рабочего самоуправления центральной задачей партийных организаций предприятий на данном этапе. Пленум подчеркнул, что партийное руководство рабочим самоуправлением призвано обеспечить оптимальное сочетание в работе всех органов интересов отдельного коллектива и всего общества²⁰.

Состоявшийся в марте 1959 г. III съезд ПОРП записал в уставе партии, что «партийные организации на производстве осуществляют политический контроль за деятельностью администрации, оказывают влияние на решение узловых вопросов производства, кадровой политики, условий труда и быта рабочих в основном через органы самоуправления». Съезд подчеркнул ответственность профсоюзов за политическое воспитание и экономическое образование членов рабочих советов²¹.

В результате перестройки рабочего самоуправления на производстве возросла роль профессиональных союзов. На ЦСПС и главные правления отраслевых союзов была возложена задача координации и контроля деятельности органов рабочего самоуправления.

Деятельность рабочего самоуправления после 1958 г. приобрела более конкретный, приближенный к производ-

ству характер. В 1957 г. в повестке дня рабочих советов преобладали такие вопросы, как перестройка структуры предприятия, упорядочение системы заработной платы, регламент работы, т. е. вопросы, решение которых осуществляется обычно сверху, административным путем, без широкого привлечения рабочих масс. В повестке же дня КРС на первое место выдвинулись вопросы, решение которых зависит от воли и усилий всего коллектива: улучшение организации труда, укрепление трудовой дисциплины, развитие социалистического соревнования. Важное место в работе КРС заняли вопросы распределения фонда предприятия, жилищного строительства, обеспечения техники безопасности и гигиены труда²².

Рабочее самоуправление направляло инициативу рабочих на вскрытие неиспользованных резервов производства, на достижение экономии сырья и материалов. На III съезде ПОРП отмечалось, что усилия рабочего самоуправления по организации выпуска побочной продукции позволили лучше обеспечить внутренний рынок, полнее использовать производственные мощности. Особенно подчеркивалась роль рабочего самоуправления в организации дополнительного выпуска строительных материалов и в развитии заводского жилищного строительства²³.

Производственная активность рабочего класса обеспечила успешное выполнение пятилетнего плана в целом. Прирост промышленной продукции в 1956—1960 гг. составил 59% против 50% по плану; ежегодно объем производства увеличивался в среднем на 9,8%²⁴. За годы пятилетки была сбалансирована внутренняя структура промышленности, ликвидированы диспропорции в развитии отдельных отраслей, значительно улучшилось материальное положение трудящихся.

Таким образом, к концу первой пятилетки формирование системы рабочего самоуправления на производстве в ПНР было в основном завершено. Укрепилась руководящая роль ПОРП в деятельности органов самоуправления, выросли идейный и организационный уровень, экономическая эффективность и социальная значимость их работы. Рабочее самоуправление стало «школой ответственности коллективов за ведение хозяйства на предприятии, школой социализма»²⁵.

¹ См.: Jezerski A. Historia gospodarcza Polski Ludowej 1944—1968. Warszawa, 1970; Karpiński A. Zagadnienia socjalistycznej industrializacji Polski. Warszawa, 1958; Przeciszewski T. Polityka gospodarcza Polski Ludowej. Warszawa, 1965.

² Polski ruch robotniczy. Zarys historii. Warszawa, 1974, s. 439.

³ См.: VII Plenum Komitetu Centralnego PZPR.— «Nowe Drogi», 1956, N 7-8.

⁴ См.: VIII Plenum Komitetu Centralnego PZPR.— «Nowe Drogi», 1956, N 10, s. 54.

⁵ «Dziennik Ustaw P. R. L.», N 53/1956, poz. 238.

⁶ «Monitor Polski», N 94/1956, poz. 1047.

⁷ См.: Struktura i dynamika społeczeństwa polskiego. Warszawa, 1970, s. 180.

⁸ См.: Rocznik Statystyczny 1967. Warszawa, 1967, s. 19.

⁹ «Zycie gospodarcze», 13 maja 1957.

¹⁰ Ibid., 24 marca 1957.

¹¹ См.: Szkice o samorządzie robotniczym. Warszawa, 1962; Studia nad rozwojem klasy robotniczej i inteligencji, cz. 2. Warszawa, 1962; Jarosz M. Samorząd robotniczy w przedsiębiorstwie przemysłowym. Warszawa, 1967.

¹² «Nowe Drogi», 1957, N 2, s. 15.

¹³ См.: Гомулка В.л. Статьи и речи. М., 1959, с. 44—45.

¹⁴ «Nowe Drogi», 1958, N 9, s. 19.

¹⁵ «Przegląd związkowy», 1958, N 9, s. 14—15.

¹⁶ «Dziennik Ustaw P. R. L.», N 17/1959, poz. 397.

¹⁷ Ibid., N 12/1960, poz. 73.

¹⁸ «Głos robotniczy», 10 stycznia 1959.

¹⁹ См.: Rocznik Statystyczny 1967, s. 18.

²⁰ «Nowe Drogi», 1958, N 11, s. 21—22.

²¹ См.: III съезд Польской объединенной рабочей партии. Варшава, 1959, с. 519.

²² См.: Szkice o samorządzie robotniczym, s. 152—153.

²³ См.: III съезд Польской объединенной рабочей партии, с. 66.

²⁴ См.: Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1970, с. 25, 55.

²⁵ Руководящая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1970, с. 108.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Л. М. Шнеерсон,

д-р ист. наук, профессор
(БГУ им. В. И. Ленина)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ ПОСЛЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870—1871 гг.

Существенное изменение международной обстановки в результате победы Пруссии во франко-прусской войне и образования Германской империи вынудило правящие круги Австро-Венгрии пересмотреть свои прежние внешнеполитические установки и взять курс на сближение с Германией, согласившись ради этого с германской программой союза трех императоров.

Уже сам ход франко-прусской войны, неудачно сложившийся для Франции, и крушение империи Наполеона III (4 сентября 1870 г.) вынуждали венскую дипломатию к определенной перестройке, поскольку все ее прежние расчеты базировались на предположении французских успехов и возможности использовать их для вмешательства в войну с целью осуществления Австрией программы экспансии и реванша за поражение в войне с Пруссией в 1866 г. Австрийский канцлер Бейст вопреки своей закоренелой ненависти к Пруссии должен был искать выход в известном сближении с ней. В этом духе была сформулирована его нота, посланная в Берлин 26 декабря 1870 г., которая нашла поддержку и у политического противника Бейста, главы венгерского кабинета Дьюла Андраши¹. Однако лидер крайнего крыла австрийских консерваторов (так называемой дворцовой партии) военный министр Кюн, ссылаясь на возможность использовать военные затруднения, возникшие в это время у немцев в связи с формированием новых французских армий и патриотическим подъемом во Франции, требовал дополнительных мер по укреплению вооруженных сил Австрии и объявления войны Пруссии². Он еще в начале

войны утверждал, что Австро-Венгрия не может остаться нейтральной, кто бы ни побеждал, и в случае победы Пруссии особенно, ибо тогда, мол, возникнет необходимость защищать оружием само существование Австрии³.

Нота Бейста вызвала у Бисмарка известный интерес. В ответном письме прусский президент-министр приветствовал высказанные в ней мысли. Но в Пруссии в этот момент не собирались заходить далеко в проявлении дружественного тяготения к Габсбургской империи, тем более, что политический курс последней еще не приобрел сколько-нибудь достаточной определенности⁴.

Капитуляция Франции 28 января 1871 г. окончательно выбила из колеи венских политиков, еще не нащупавших под ногами новую опору. И некоторое время деятельность Бейста носила чисто прагматический характер, ограничиваясь исключительно текущими задачами, вытекающими из требований момента.

Сложность положения Австро-Венгрии усугублялась прусскими демонстрациями близости с Россией. С заключением мира была опубликована телеграмма Вильгельма Александру II: «Никогда Пруссия не забудет, что именно благодаря вам война не приняла крайние размеры». Тут был прямой намек на сдерживающую роль России в отношении Австро-Венгрии⁵. Бейст не скрыл от германского посла Швейница, насколько в Вене были ущемлены смыслом этой телеграммы⁶.

Демонстрируемая очевидность германо-русской близости диктовала австрийской дипломатии более маневренную тактику в отношении России. В марте 1871 г. влиятельная газета «Реформа» напомнила, что Россия, мол, оказала услугу Австрии в 1848 г. путем интервенции в Венгрии вместо того, чтобы, используя критическое положение империи, овладеть Галицией, что она затем не мстила за измену Австрии во время Крымской войны, хотя имела для этого благоприятные возможности в 1859 и 1866 гг. По мнению газеты, это должно служить основой хороших отношений с Россией, тем более что они не исключают также «дружбу с Пруссией». Газета ратовала за восстановление «Священного союза», «неудобства которого для внутренней политики не существует более в наши дни, — заявляла она, — и который один мог бы представить солидную базу для внешней политики, достоянием трех империй»⁷.

Хотя в Галиции продолжалась агитация против России и австрийский полковник Шмедес выступал во Львове с лекциями о возможной войне Австрии с Россией, рассматривая Галицию как передовой плацдарм в этой войне, русский посол в Вене Новиков сообщал в начале 1871 г., что в высших политических и административных кругах Габсбургской империи он не замечает подобных воинственных настроений и даже Андраши «неоднократно выражал в последнее время свое убеждение, что следует не возбуждать, а, напротив, стараться успокоить страсти»⁸.

Но в политике Австро-Венгрии этих дней было много противоречивостей, которые сами по себе таили опасность неожиданных поворотов и осложнений, трудно предвидимых заранее.

Франц Иосиф, стремившийся найти какой-то противовес растущему влиянию Германии на внутренние австрийские дела и росту пангерманских настроений в буржуазно-либеральной австрийской среде после франко-прусской войны, предпринял попытку сделать это с помощью федералистских уступок собственническим кругам чехов и поляков, чтобы сплотить их вокруг династии и обрести в их лице новую опору. В феврале 1871 г. с этой целью был сформирован австрийский кабинет во главе с Хоэнвартом, сторонником подобного курса. В состав кабинета вошли два чеха. Видную роль в нем играл профессор Шеффле, предлагавший ввести всеобщее избирательное право в Австрии, чтобы подорвать силу централизаторски и прогермански настроенной австрийской либеральной буржуазии, противопоставив ей чешское большинство избирателей. Правительство объединило вокруг себя часть клерикалов и консерваторов. По выражению Новикова, оно имело характер «клерикальный, феодально-богемский и антигерманский»⁹.

Наиболее крупным актом правительства Хоэнварта стало соглашение с чешским сеймом («Фундаментальные статьи»), предусматривающее признание исторических прав Чехии, расширение полномочий чешского сейма, коронование императора в Праге чешской короной. Была обещана также автономия Галиции. Австрия вступила на путь федерализма, писал по этому поводу французский дипломат Габриак, и «пытается удовлетворить славянские провинции, которые недовольны дуализмом (австро-

венгерским.— Л. Ш.) и угрожают сблизиться с Россией, если не удастся договориться с Веней»¹⁰.

Немногие из австрийских правительств вызвали своей деятельностью столь бурные реакции, как правительство Хоэнварта. Австрийские либералы развернули против него шумную кампанию в рейхсрате и в прессе, достаточно откровенно угрожая прибегнуть к германской защите против политики, способной поставить в униженное положение «два миллиона немцев в Богемии»¹¹.

С острым противодействием федералистско-славянские тенденции Хоэнварта, подрывающие систему дуализма, столкнулись в венгерских правящих кругах. Бейст оказался союзником Андраши в борьбе против замыслов Хоэнварта, которые, будучи в основе антигерманскими, мешали планам австрийского канцлера достичь известного сближения с Германией. Кстати, назначение Хоэнварта было осуществлено Францем Иосифом без ведома Бейста. Он узнал о нем как о свершившемся факте из газет, возвращаясь из Пешта в Вену¹².

Не скрывал своей враждебности к начинаниям австрийского премьера Бисмарк, поддерживавший австро-венгерский дуализм, который мешал габсбургам вернуться к реваншистским планам в Германии¹³.

Антигерманская и прорусская тенденции в политике Хоэнварта должны были, казалось, импонировать Петербургу, но здесь перевешивали опасения за последствия проводимых Хоэнвартом внутренних федералистских преобразований. Уравнение славянской части империи с австрийской и венгерской (триализм) открыло бы габсбургской монархии новые возможности в славянской политике и экспансии на Балканах в ущерб влиянию России. Да и Германия могла воспользоваться в этом случае «ущемлением» положения так называемых немецких провинций Австрии, чтобы присоединить их к себе.

Таким образом, выработку новой внешнеполитической программы Австро-Венгрии приходилось осуществлять в весьма сложной внутривнутриполитической и международной обстановке, при наличии большой пестроты во взглядах различных партий правящих классов империи. Все это учитывал Бейст, когда в мае 1871 г., уединившись на «отдых» в Гаштейне, изложил в развернутом виде на 50 страницах свои соображения относительно внешнеполитических задач Австро-Венгрии.

В оправдание своего прежнего курса Бейст заявил, что пока «Франция и Пруссия противостояли друг другу как равносильные державы... было бы преступлением выпускать из рук выгоды нашего положения»¹⁴. В новой же ситуации Австро-Венгрия должна считаться не только с военной мощью объединенной Германии, но и с имеющимися у последней возможностями использовать запутанные национальные противоречия в империи, разжигая прежде всего пангерманистские чувства среди австрийских немцев¹⁵. Относительно слабое место Германии — ее международное положение. Единственный союзник, на которого она может «рассчитывать с известной уверенностью», это Россия. Франция в желании реванша будет враждебна Германии, Англия равнодушна к союзам, а в Италии преобладает неприязнь к Германии. Однако и Россия, считал Бейст, союзник ненадежный, ее связь с Германией основывается лишь на чисто династических интересах. В России имеются сильные антигерманские течения, так же как в Германии существуют настроения, неблагоприятные России. Наконец, экономическое развитие Германии и России таит в себе корень новых противоречий между ними.

Отталкиваясь от этих рассуждений, Бейст заключал, что сложились предпосылки для «фактического преобразования Центральной Европы на чаще весов европейских судеб посредством предварительного соглашения Австро-Венгрии и Пруссии-Германии по всем назревшим вопросам дня». Бейст считал возможным вернуться к австро-германскому сотрудничеству в духе Германского союза, когда Австрия и Пруссия, прежде чем высказаться по какому-либо европейскому вопросу, старались согласовать свои мнения. Хотя Германский союз расторгнут в 1866 г., обосновывал он свою мысль, осталась, мол, общность интересов, вытекающая из общности происхождения, традиций, материальных связей.

Вместе с тем он понимал неосуществимость в настоящий момент всяких попыток отвлечь Германию от России, а тем более настроить ее враждебно по отношению к России и полемизировал с венгерскими либералами, которые рассчитывали повернуть соглашение с Германией против России. Бейст жаловался, что антирусские настроения в правительственных кругах чрезвычайно ослабили его положение на Лондонской конференции по

черноморскому вопросу, где Бисмарк при столкновении русской и австрийской позиций обычно принимал сторону России. «Пока теперешние монархи в России и Пруссии занимают трон», заключал Бейст, прогрессирующее напряжение в отношениях с Россией «едва ли может иметь для нас благоприятные последствия, не говоря уже о большом ущербе, который оно должно причинить консервативным принципам». Он находил совершенно нереальной и ставку консервативных кругов дворцовой партии на австро-русское сотрудничество против Германии. Бейст предпочел обратиться к программе союза трех императоров, которую Бисмарк выдвигал уже в 1867 г., при посредничестве баварского дипломата Тауфкирхена¹⁶. Это соответствовало также внешнеполитической установке конституционной партии австрийских либералов.

Декларируя в своей записке уважение к целостности турецкой империи и отсутствие намерений способствовать ее разрушению, Бейст, однако, связал будущее Австрии с Востоком, подчеркнув при этом, что особенно желательно «укрепить наше владение Далмацией соответствующим тылом», достаточно прозрачно намекая тем самым на граничащие с Далмацией Боснию и Герцеговину. Предвидя в этом вопросе оппозицию конституционной партии и венгров, которые были против увеличения славянского населения империи из опасений за судьбу дуализма, Бейст припугивал своих эвентуальных оппонентов перспективой перехода в руки России руководства славянскими народами Балкан. Нельзя допускать, писал он, «чтобы эти народы, в течение последних лет все более отдаляющиеся от России, были бы снова вынуждены броситься в ее объятия». Бейст понимал к тому же, что Восток остался единственным поприщем, где Австрия имеет возможность искать компенсаций за потерянные позиции на Западе, рассчитывая притом на поддержку Германии. Этим путем удовлетворялось честолюбие династии и армии, стремление к экспансии австрийской буржуазии.

Отдав дань своей прежней внешнеполитической концепции в беспредметном выражении симпатий и сочувствия к Франции, Бейст подчеркнул затем, что не видит возможности сохранить близость к ней, ибо в современных условиях это будет способствовать напряженности в австро-германских отношениях и может подтолкнуть Германию к союзу с Россией. Позднее французскому по-

перенному в делах успокаивающе поясняли в Вене, что Австрия «должна выиграть время... укрепиться изнутри». Именно поэтому, мол, Бейст посоветовал принять руку, которую протянул императору Францу Иосифу Вильгельму I¹⁷.

25 мая Франц Иосиф одобрил предложения Бейста, а затем поддержанные активно конституционной партией они были приняты Делегациями обеих частей империи¹⁸. Горчаков, не расстающийся с чувством неприязни к австрийскому канцлеру, очень едко охарактеризовал его внешнеполитический поворот на 180°: «После всякого рода уловок во время войны граф Бейст повернул руль с быстротой, которая ему присуща. Он открыл свои объятия Германии с принужденностью, не стесненной никаким чувством достоинства»¹⁹.

Свидание Бейста с Бисмарком в Гаштейне в августе 1871 г. было первым значительным шагом к осуществлению намеченной программы. В своих мемуарах Бейст много живописует по поводу этой встречи, но серьезное в его рассказе густо перемешано с мелочными внешними деталями²⁰. Вынужденная перемена позиции, видимо, как-то повлияла и на психологическую настроенность Бейста. И он, старый ненавистник германского канцлера, даже позволяет себе бросить в адрес Бисмарка несколько лестных характеристик: «прекрасный компаньон», «оригинальные мысли».

Беседы с Бисмарком велись вокруг широкого круга вопросов. Бисмарк высказал свои взгляды на политические планы Хоэнварта. Его особенно беспокоило положение в Галиции, затрагивающее интересы других держав, владеющих польскими провинциями, в том числе Пруссии. Вторая опасность была связана, в его глазах, с предоставлением автономии Чехии. Германский канцлер попутно отрекся от всяких намерений претендовать на так называемые немецкие провинции Австрии²¹.

Этот вопрос был затронут также в Ишле, где в августовские дни 1871 г. встретились Франц Иосиф и Вильгельм I (затем Франц Иосиф отдал ответный визит канцлеру в Зальцбурге). Когда Франц Иосиф пожаловался кайзеру на затруднения, которые ему создает распространение пангерманистских идей в Австрии, тот ответил, что австрийские немцы сами перестанут тянуться к Германии, как только будут удовлетворены их реальные нуж-

ды²². Это был прямой призыв отказаться от политики федерализма. В свою очередь в ходе переговоров Франц Иосиф не согласился на заключение таможенной конвенции с Германией, способной в определенной степени поставить в зависимое положение экономику австрийской империи.

Шел разговор о зарождающемся конфликте Бисмарка с католической церковью. Бисмарк был заинтересован предотвратить коалицию внешних клерикальных сил с Ватиканом и клерикально-католической оппозицией в Германии. Оба канцлера пришли к единой точке зрения относительно опасности, которая угрожает консервативным устоям монархической Европы со стороны I Интернационала. Наконец, с германской стороны получила одобрение намеченная Веней политика на Востоке. Попутно по инициативе Бисмарка всплыла румынская тема. Непосредственным предметом обсуждения стал конфликт румынского правительства с прусским предпринимателем Струссбергом, недобросовестно выполнявшим свои концессионные обязательства по строительству железных дорог в Румынии. Расторжение контракта со Струссбергом вызвало вмешательство Германии и Турции, что являлось попыткой грубого ограничения внутреннего суверенитета румынского государства²³. Бисмарк хотел, чтобы Австро-Венгрия присоединилась к этому давлению. Бейст заявил, что Австрия не может взять на себя какую-либо инициативу, но готова оказать моральную поддержку Германии в Бухаресте и Константинополе²⁴. Бейсту приходилось учитывать весьма ревнивое отношение венгерских правящих кругов к румынскому вопросу. В Пеште считали, что отсюда должна определяться политика империи в отношении Румынии, поскольку в составе Венгрии имеются румынские земли.

Ни Бисмарк, ни Бейст не стремились оформить достигнутое соглашение договором. Все свелось к чисто устному «джентльменскому» соглашению. Предполагалось, что главный итог переговоров заключается в устранении с той и другой стороны поводов для раздражения, в создании атмосферы доверия и восстановления на этой основе дружественных отношений между обоими странами. Вильгельм обещал воздерживаться от вмешательства во внутренние дела австрийской империи. Австро-Венгрия безоговорочно признала новую структуру Германии.

Было решено не поддерживать претензий папы на восстановление светской власти и не оказывать никакого давления на Италию в этом вопросе. И наконец, под флагом борьбы с распространением революционных идей договорились предварительно согласовывать свои действия.

Примерно в таком же духе Бейст информировал о смысле гаштейнских переговоров Петербург, успокаивая акцентируя его внимание на том, что не установлено никаких юридически оформленных связей сторон²⁵. Из того, что узнавали, в Петербурге в дипломатических кругах складывалось впечатление, что Германия стремится использовать свое сближение с Веной против Франции и Ватикана, но щадит свои отношения с Россией и даже намерена как будто взять на себя роль посредника в урегулировании отношений между Россией и Австро-Венгрией²⁶. Как заверял Бисмарк русского посла, он предупредил австрийского канцлера, что тому никогда не будет отказано в добрых услугах Германии на пути сближения с Россией, подчеркнув, таким образом, желательность согласия трех держав²⁷.

В таком же духе Бейст снабжал информацией австрийское посольство в Петербурге: «Согласие, установившееся между Австро-Венгрией и Германией, должно, по нашему мнению, служить связующим звеном для обеспечения согласия между Австро-Венгрией и Россией»²⁸.

Все это значительно смягчало в русской столице беспокойство, вызванное австро-германскими переговорами. Бисмарк к тому же старательно внушал, что германская помощь габсбургской монархии в восстановлении ее сил влечет за собой укрепление принципа власти в центре континента, что соответствует интересам Европы в целом²⁹. Но тем не менее полностью чувство обеспокоенности не исчезло. Сохранялось подозрение, что гаштейнское соглашение дает Австро-Венгрии соответствующие гарантии на случай враждебности России. Заместитель Горчакова Вестман замечал по этому поводу, что отсутствие у России агрессивных намерений в отношении Австрии лишает эти гарантии практического значения, но «тем не менее наш tête-à-tête (с Пруссией. — Л. Ш.), вероятно, несколько потерял в присущем ему характере и сильного доверия, благодаря включению в отношения между нами третьего, значительно менее надежного и

нередко вызывающего подозрения»³⁰. Кроме того, за гаштейнской встречей скрывались какие-то разговоры о Востоке, тема, которая всегда вызывала настороженность царской дипломатии.

В русской печати, как отмечал «Вестник Европы», это событие нашло противоречивую оценку. «Голос» и «Московские ведомости» выражали тревогу о возможности интриги против России. «Петербургские ведомости» успокаивали уверениями о невозможности германской враждебности после того, что Россия сделала для Германии в последней войне³¹.

Переговоры в Гаштейне, Ишле и Зальцбурге в значительной мере предопределили судьбу правительства Хоэнварта. Восстание Огулинского полка 8 октября 1871 г., руководители которого добивались отделения Хорватии и создания нового «иллирийского государства», дало повод австрийским либералам и венгерской правительственной партии запугать Франца Иосифа «последствиями» федералистской политики и добиться отставки Хоэнварта (25 октября). К этому приложил руку и Бейст, в особенно мрачных красках обрисовав в специальном докладе императору возможные осложнения, вытекающие из намеченных преобразований в Чехии³².

В Петербурге известие об уходе Хоэнварта с политической сцены вызвало вздох облегчения. Здесь считали, что с его уходом отпадают непосредственные угрозы «слияния немецких провинций Австрии с Германией и преобразования Австрии в венгро-дунайское государство с неопределенными границами и безграничными вожделениями»³³.

Однако и судьба Бейста была уже предрешена. Новая международная обстановка требовала прихода к руководству иностранными делами габсбургской монархии людей, не связанных с прежним враждебным Пруссии курсом. Инициатива, которую Бейст проявил, наметив кардинальный поворот в австрийской внешней политике, не спасла его карьеры. В Берлине продолжали относиться с недоверием к его заявлениям. В такой же степени сохранялось предубеждение к нему в Петербурге. Правда, русские дипломаты понимали, что активизация на Востоке — это не личная политика Бейста. С той поры как Австрия была вытеснена из Германии и Италии, писал Новиков, «ее деятельность сильно сдвинулась в сто-

рону Востока, и любой государственный деятель, призванный руководить ее внешней политикой, должен был бы в известной степени учитывать это»³⁴.

Внутри страны чехи не переставали требовать ухода Бейста. После отставки Хоэнварта Бейст почувствовал преднамеренное игнорирование его особы императором. Он пытался вмешаться в формирование нового австрийского кабинета, но его советы были встречены очень холодно. Бейст понял, что пришла пора уходить. Официально отставка Бейста, последовавшая 8 ноября, мотивировалась состоянием его здоровья.

Преемником Бейста стал венгерский аристократ Дьюла Андраши, видевший в сближении с Германией залог укрепления системы дуализма. Он участвовал в сговоре с Бисмарком во время переговоров в Зальцбурге против Хоэнварта и Бейста³⁵. Влияние Андраши на внешнюю политику было значительным и в бытность его главой венгерского кабинета. С 1868 г. Бела Орчи, доверенное лицо венгерского премьера, занимал важный пост в министерстве иностранных дел, отстаивая там его точку зрения³⁶. По мере того как война своим развитием опрокидывала прогнозы Бейста, позиции Андраши усиливались, он обыгрывал неудачи канцлера для того, чтобы выпятить собственную фигуру. Весной 1871 г., например, была опубликована брошюра «Граф Андраши и его политика» («Graf Andrassy und seine Politik»), где превозносилась внешнеполитическая концепция Андраши и особенно его роль как противника идеи реванша и поборника сближения с Германией. «Одним словом, — писал тогда Новиков, — это настоящая реклама, адресованная берлинскому двору с целью дискредитировать там австро-венгерского канцлера и побудить Бисмарка содействовать Андраши в том, чтобы Венгрия стала отныне центром австрийской политики как внутренней, так и внешней»³⁷.

Андраши трудно воспринимал необходимость в сложившейся обстановке сближения с Россией. Царская интервенция в 1849 г. против Венгрии накладывала отпечаток на отношение венгров к России. К тому же согласие Турции на изменения в Парижском договоре 1856 г. значительно улучшило русско-турецкие отношения, открыв перед Россией какие-то новые возможности на Востоке. Австрийский посол в Петербурге Хотек говорил французскому дипломату, что намерения русской дипло-

матии в этой связи не перестают быть предметом беспокойства его правительства³⁸. Но тем не менее Андраши в свое время согласился в основном с программой, намеченной Бейстом 18 мая, и предпринимал уже до этого некоторые шаги с целью смягчить впечатление от своих прежних враждебных России выступлений. В апреле 1871 г., встретившись с Новиковым, он по своей инициативе стал отрицать наличие у него когда-либо воинственных антирусских настроений. Это, мол, сторонники Бейста, лишённые возможности критиковать его в вопросах внутренней политики, пытаются очернить его внешнеполитическую позицию, приписывая ему даже желание войны с Россией. Новиков, не очень убежденный своим собеседником, констатировал, однако, что тон пештских газет, которые «яростно выступали против России, в это время значительно смягчился»³⁹.

Назначение Андраши дало пищу для раздумий во многих столицах Европы. Бисмарк не был вполне уверен в прочности прогерманских настроений Андраши и опасался, что проявляемое Андраши нерасположение к России может осложнить задачу создания союза трех императоров. В Париже считали, что Андраши не в меньшей степени, чем Бейст, обязался перед Пруссией и его назначение нельзя считать фактом, благоприятным для Франции⁴⁰. В Петербурге тревожились, не будет ли Андраши добиваться союза с Германией против России. Известной гарантией от создания подобного союза было внутреннее и международное положение Германии, не позволяющее ей в настоящий момент ссориться с Россией и выпуждающее ее поэтому оказывать сдерживающее влияние на Австро-Венгрию⁴¹.

Дальнейший ход событий подтвердил этот прогноз. Замыслы Андраши относительно создания антирусского союза не нашли отклика ни в Берлине, ни в Лондоне, куда Андраши тоже пытался обращаться⁴². В начале 70-х гг. еще отсутствовали обстоятельства, которые делали желательным и возможным подобный союз в глазах Бисмарка и которые уже в конце 70-х гг. побудили его уже по своей инициативе вернуться к идее австро-германского военного союза и добиваться ее осуществления вопреки всем препятствиям. Уразумев это, новый министр иностранных дел Австро-Венгрии вынужден был примириться с программой союза трех императоров, поскольку

на иной платформе в этот момент невозможно было сближение с Германией, в котором габсбургская монархия остро нуждалась.

¹ Донесения Новикова из Вены, 6 (18) января, 21 марта (2 апреля) 1871 г.— Архив внешней политики России, канц., 1871 г., д. 120, л. 8—13, 15—16; д. 122, л. 64—69 (далее цит.: АВПР). «Бейст и Андриши,— писал Новиков,— в последнее время стремятся объединенными усилиями перевести внешнюю политику на почву интимного соглашения с Германской империей в духе депеши австрийского канцлера от 14 (26) декабря 1870 г.»

² Diószegi J. Österreich-Ungarn und französisch-preussische Krieg 1870—1871. Budapest, 1974, S. 222 (далее цит.: Diószegi J. Op. cit.).

³ Tschuppik K. Francois-Joseph. Paris, 1933, p. 180—181 (далее цит.: Tschuppik K. Op. cit.).

⁴ Новиков—Горчакову, 21 марта (2 апреля) 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 64—69.

⁵ Россия обусловила свой нейтралитет нейтралитетом Австро-Венгрии, угрожая выступить против нее, если она вмешается в войну на стороне Франции.

⁶ Убри—Горчакову, 28 февраля (12 марта) 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 15, л. 259—262.

⁷ АВПР, пресса, 1871 г., д. 107, л. 53—54. В помете на полях обзора прессы Александр II выразил согласие с этой мыслью.

⁸ АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 24—25.

⁹ Там же, д. 120, л. 90—94.

¹⁰ Documents Diplomatiques Français. 1 série, t. 1. Paris, 1929, p. 57 (далее цит.: DDF).

¹¹ Leger L. Histoire de l'Autriche-Hongrie. Paris, 1920, p. 572.

¹² Tschuppik K. Op. cit., p. 185.

¹³ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 40.

¹⁴ Здесь и далее доклад Бейста Францу Иосифу от 18 мая 1871 г. цитируется и излагается по кн.: Diószegi J. Op. cit., S. 269—278.

¹⁵ Диосеги считает, что Бейст нарочито преувеличил угрозу пангерманизма в качестве аргумента (S. 271). Действительно, Бисмарк в это время скорее был заинтересован в сохранении целостности Австро-Венгрии, которая могла быть полезной как союзник и как связующее звено с Востоком. Однако следует все же отметить, что после франко-прусской войны пангерманская пропаганда значительно усилилась и потенциально угроза поглощения австрийской части империи Германией существовала.

¹⁶ См.: Шнейерсон Л. М. В преддверии франко-прусской войны. Минск, 1969, с. 85—94.

¹⁷ Ринг—Ремюза, 28 октября 1871 г.— DDF, t. 1, p. 97.

¹⁸ Diószegi J. Op. cit., S. 278—279.

¹⁹ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 31.

²⁰ Veust Fr. Trois quarts siècle. Memoires, t. 2. Paris, 1888, p. 476—479. Он приводит текст своего рапорта императору о переговорах в Гаштейне (p. 485—492).

²¹ Донесение Убри, 1 (13) октября 1871 г.— АВПР, канц., 1871 г., д. 17, л. 379—386.

- ²² Tschuppik K. Op. cit., p. 189.
- ²³ Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование независимого румынского государства. М., 1969, с. 173—174.
- ²⁴ Горчаков—Вестману, 20 августа (1 сентября) 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 17, л. 240—242.
- ²⁵ АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 391. В свою очередь Франц Иосиф заверял французского посла: «Мы согласились в Зальцбурге, что мир необходим и что все мы испытываем в нем нужду» (DDF, t. 1, p. 76).
- ²⁶ АВПР, канц., 1871 г., д. 17, л. 266—270.
- ²⁷ Убри—Вестману, 1 (13) октября 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 17, л. 379—386.
- ²⁸ Diószegi J. Op. cit., S. 281.
- ²⁹ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 43—44.
- ³⁰ Вестман—Убри, 5 (17) октября 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 19, л. 76—77.
- ³¹ «Вестник Европы», 1872, кн. 2, с. 677—679.
- ³² DDF, t. 1, p. 97.
- ³³ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 63.
- ³⁴ Новиков—Горчакову, 15 (27) января 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 122, л. 18—23.
- ³⁵ Bourgeois E. Manuel Historique de Politique étrangère, t. 3. Paris, 1905, p. 787.
- ³⁶ Tschuppik K. Op. cit., p. 177.
- ³⁷ Новиков—Горчакову, 5 (17) апреля 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 120, л. 221—223. Андраши отрицает причастность к брошюре, но, несомненно, она внушена его партией, замечает Новиков.
- ³⁸ Габриак—Ремюза, 11 августа 1871 г.—DDF, t. 1, p. 57-58. Габриак считал, что австро-русское согласие встретит препятствия и со стороны России, особенно пока остается на своем посту Бейст.
- ³⁹ Новиков—Горчакову, 17 (29) апреля 1871 г.—АВПР, канц., 1871 г., д. 120, л. 240—246.
- ⁴⁰ DDF, t. 1, p. 99.
- ⁴¹ АВПР, отчет МИДа за 1871 г., л. 43—44, 51. Подобного рода соображения высказывались и в русской печати. «Вестник Европы» писал, что, пока Франция слаба, Австрия «не может следовать иной политике, как политике подчиненности Германии», а отсюда, по мнению журнала, вытекала необходимость для Австрии соблюдать осторожность и по отношению к России («Вестник Европы», 1872, кн. 1, с. 366).
- ⁴² Diószegi J. Op. cit., S. 284.

Д. С. Климовский,

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

УСИЛЕНИЕ АНТИПОЛЬСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ ПЕРЕД ПРИХОДОМ ГИТЛЕРОВЦЕВ К ВЛАСТИ

«Тезисы» статс-секретаря фон Рейнбабена, который являлся вплоть до смерти Штреземана его «польской рукой», а после кончины последнего более откровенно выступал с реваншистских позиций в адрес Польши при поддержке Гинденбурга и его окружения, свидетельствуют о преемственности единого курса правящих кругов Германии между первой и второй мировыми войнами.

В советской историографии, связанной с зарождением второй мировой войны, дана общая оценка «Тезисов» Рейнбабена и роли его самого в отношениях Германии и Польши в те периоды, когда германо-польское ожесточение подводило обе страны нередко к грани едва ли не официального разрыва¹. В данной статье прослеживается антипольская направленность всех двенадцати «Тезисов», составивших сочинение Рейнбабена под названием «Германия и Польша. Двенадцать тезисов для политики ревизии» («Deutschland und Polen. Zwölf Thesen zur Revisionspolitik»), опубликованное в сборнике «Европейские беседы» («Europäische Gespräche») за год до прихода гитлеровцев к власти².

Уже в первом тезисе Рейнбабен подчеркивает исключительную конфликтность отношений Германии и Польши, обращается к проблеме восточных территорий, потерянных Германией в результате первой мировой войны, очерчивает Локарно и деятельность Лиги наций и приходит к лапидарному выводу, что «тень Фридриха Великого над прусским Востоком не принесла никакой тишины»³.

Второй же тезис в основном посвящается немецкому национальному меньшинству в Польше. В нем заявляется: «Систематическое вытеснение свыше 800 000 немцев из захваченных областей, проводимое с 1919 г., есть непростительное жестокое использование временной слабости Германии. Внешне эффектная, однако коварная, польская пропаганда изображает этот процесс в соответствии с ложно выведенной польским министром иностранных дел формулой «нормальной дегерманизации». Рейнбабен сетует на то, что «немецкая реакция не опровергала эту

фальсификацию, преподнесенную мировому мнению». Он призывает к тому, чтобы «спросить 800 000 перемещенных немцев, а не слушать поляков!»⁴ Дальше идут нарекания на сам немецкий народ: «Народ, который так спокойно принимает происходящее, не в состоянии обеспечить великое национальное возрождение»⁵.

В третьем тезисе явно проступило стремление автора «детально взвесить» политические причины несостоявшегося в бурные 20-е гг. соглашения с Польшей. «Немецкая политика была бы правильной, — указывалось здесь, — если бы в предшествующие годы, несмотря на фактически сильное эмоциональное сопротивление, Германия приняла попытку прийти к «модус вивенди» с Польшей. Однако эту попытку можно было осуществить с известными жертвами и в том случае, когда не только имелось бы наше требование, но и выражалось бы оно международно. При прежних попытках проведения подобной политики выяснилось, что она не только трудна для понимания немецкому народу, но и «вредно влияет на другие». Тезис заканчивался категорической постановкой проблемы. «Необходима в корне переориентировка» путем изменения «плана Юнга», германо-польского Ликвидационного соглашения, а Польше предлагалось твердо и окончательно сказать следующее: «В общем вы должны нам вернуть Коридор и все остальное»⁶.

Не менее категоричным был и тезис четвертый. Здесь присутствовала прямая связь политики «Дранг нах Остен» с законами Веймарской республики. «Прусская политика защиты прав национальных меньшинств, — заявлялось в тезисе, — оказалась правильной. Она должна была распространиться на имперское законодательство. Предпосылкой преемственности является решительное наступление на осуществляющиеся Польшей попытки использовать завоеванные права и свободы для травли немецкой национальности»⁷.

Достаточно обобщенно выглядит оценка положения в Европе с началом 30-х гг. в пятом тезисе. В нем фактически нашло свое отражение и соперничество между Германией и Польшей в антисоветизме. «Польская внешняя политика, — подчеркивалось особенно остро, — с ее точки зрения действовала умно, так как облачалась в одежду стража европейской цивилизации от большевизма, выступала в качестве воодушевленного сторонника мира и

члена Лиги наций. Однако после явной и активно реализованной несправедливости на последних выборах она пластично осуществляла тактику отступления для того, чтобы в Женеве отразить становящуюся неизбежной немецкую контратаку»⁸.

Далее указывалось, что неизменной целью Польши является полностью «уничтожить немецкую национальность в отошедших к ней областях и сделать польским Данциг», и происходит это потому, что «Польша наряду с Бельгией является любимым детищем международной послевоенной дипломатии»⁹.

Представляется весьма характерным и шестой тезис. Прежде всего потому, что демонстрирует попытку дифференцировать вопрос защиты немецкого национального меньшинства и требование ревизии границ.

Солидаризируясь с антипольским выступлением Тревирануса летом 1930 г. и определяя его как «не ошибочное», автор «Тезисов» заявляет, что «немецкая защита прав национальных меньшинств и пересмотр восточных границ не могут представляться в Женеве однозначными»¹⁰.

В тезисе седьмом Рейнбабен детально «обосновывал» не только разраставшиеся перед приходом гитлеровцев к власти требования изменения границ, но и «историческое немецкое право» на пересмотр границ с Польшей. «Право немецкого требования пересмотра границ,— подчеркивал он,— проистекает как из настоящего момента, характеризующегося «борьбой против Версаля», так и из не поддающихся учету факторов исторической борьбы немецкой нации против польской нации». Оно проистекает также из элементарного желания «каждого великого народа жить в независимом суверенном государстве». И далее еще более откровенно: «Итак, пересмотр границ представляет как внутреннюю, так и внешнюю проблему. Оздоровление Востока на длительный период немыслимо без пересмотра границ»¹¹.

Здесь же Рейнбабен связывал так называемую «восточную помощь», практиковавшуюся в Веймарской Германии, прежде всего с фактом существования Польши. «Выделявшиеся раньше,— писал он,— и необходимые в будущем государственные пособия фактически являются миллиардными дополнительными платежами ко всеобщей военной дани»¹².

Основное в содержании восьмого тезиса — это обвинения в адрес Польши за нарушение договора о национальных меньшинствах, подписанного одновременно с Версальским договором — 28 июня 1919 г. Вместе с тем присутствует и откровенная попытка снять вину с Германии за развязывание первой мировой войны: «Систематические и значительные изменения, происшедшие после 1919 г. в состоянии международных исследований по вопросу предпосылок, причин войны, выявляют также правовые основы требования пересмотра границ»¹³.

В девятом тезисе Рейнбабен подтверждает тот факт, что все-таки многие немцы за истекшее время покинули территории, отошедшие к Польше. Но, по его мнению, это не имеет никакого значения при обосновании претензий к польскому государству. «Количество людей немецкой национальности, — заявляет автор, — проживающих на подлежащей пересмотру территории, не является существенным фактором для германского требования пересмотра границ». А пока это требование находится в стадии реализации, Рейнбабен высказывает заботу о немцах, оставшихся на территории Польши. «Разумеется, для сохранения немецкой нации, немецкого языка и культуры, — завершал он этот тезис, — защита прав национальных меньшинств должна быть одной из весьма важных задач немецкой внешней политики»¹⁴.

«Не только Польша, но и время работает против Германии»¹⁵ — таков лейтмотив рейнбабеновской идеи, присутствующей в десятом тезисе. «Если мы еще подождем, — продолжал он свою мысль, — то Данциг под польским натиском будет побежден и завоеван при помощи внутренних методов (управление, аграрная реформа, налоги, юстиция, полиция) и германизм будет уничтожен в корне». Отсюда возьмет начало 1937-й год, утверждал автор, заявляя, что «1937-й год означает прекращение действия Женевской конвенции о Верхней Силезии. По этой причине необходимо добиваться нового международного урегулирования»¹⁶.

В тезисе одиннадцатом определялись конкретная методика и время выдвижения более решительного требования изменения границ, нежели это было раньше в отношениях Германии и Польши. «Пересмотр восточных границ, — утверждалось здесь, — ни разу не был возможен на прямых переговорах между Германией и Поль-

шей. Его необходимо потребовать в рамках новой международной акции (выделено нами. — Д. К.), начало осуществления которой зависит от дальнейшего развития международной обстановки»¹⁷. Более того, автор «Тезисов» заявлял, что дальнейшее «умолчание этого германского требования уже потому бесполезно, что империалистические государства — победители принимают его как само собой разумеющееся и, исходя из их собственного образа мышления, должны его поддержать»¹⁸.

В этом одиннадцатом тезисе проступает и такое многозначительное обобщение: «план Дауэса», пакт Бриана—Келлога, Гаагские конференции 1929—1930 гг. не решили германо-польского спора, а, напротив, «уже сегодня германо-польские противоречия превратились в открытую проблему европейской политики»¹⁹.

В суммарном двенадцатом тезисе Рейнбабена фактически содержится требование империалистической сделки в Европе, проистекающей, по его мнению, из всех указанных им выше констатаций. Как видно из содержания этого заключительного пункта, представители правящих кругов Веймарской Германии устами Рейнбабена уже предлагали не только решение германо-польской проблемы, но и проецировали овладение всей Восточной Европой. Рейнбабен облакал это в общую формулу «организация мира в Европе»²⁰. При этом заявлялось, что в свое время Германия внесет предложения о ее внешнеполитических интересах.

Вскоре к власти в Германии пришли нацисты со стремлением продемонстрировать осуществление указанных «внешнеполитических интересов» германских монополий. В дальнейшем фон Рейнбабен не нашел необходимых контактов со сторонниками крайне агрессивных кругов, представленных гитлеризмом в германской дипломатии. Подобное обстоятельство послужило основой некоторым дишногерманским историкам, в том числе и самому Рейнбабену²¹, для фальсификации вопроса о преемственности «польской тактики», осуществлявшейся Веймарской республикой и гитлеровской Германией. В ряде проведений присутствует откровенная попытка отсечь «восточную политику» веймарских руководителей от действий нацистских дипломатов.

Однако, как явствует из проведенного выше разбора сочинения Рейнбабена, подобная апологетика беспочвен-

на. Суть проблемы заключается лишь в том, что гитлеровцы с лихвой «перевыполнили» проекции, выдвигавшиеся этим представителем германских монополий. На первом этапе войны в Европе они захватили не только Гданьск, Поморье, Верхнюю Силезию, но и овладели всей Польшей, приступив к уничтожению польского народа.

Таким образом, не вызывает сомнений наличие в годы между первой и второй мировыми войнами преемственности в едином курсе правящих кругов Германии по отношению к Польше. Общей была антипольская стратегия, отличалась лишь тактика неизменного «Дранг нах Остен», со всей очевидностью присутствующего в выкладках фон Рейнбабена, представлявших квинтэссенцию германской политики ревизии границ и реванша в отношении Польши, объективно способствовавшей передаче агрессивной антипольской эстафеты в руки гитлеровцев.

Уяснение этого факта новейшей истории способствует опровержению тенденций периода «холодной войны», имеющих в буржуазной и реформистской историографии. Опыт 30-х гг. важен и в наши дни, когда идет борьба за углубление международной разрядки. «Разрядка — это готовность разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружия, а мирными средствами за столом переговоров»²² — такова позиция сторонников окончательного очищения европейского горизонта от угрозы военного столкновения.

¹ См.: Климовский Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975, с. 146—149.

² «Deutschland und Polen. Zwölf Thesen zur Revisionspolitik». — In: Sonderdruck aus «Europäische Gespräche», Jg. IX, H. 2, S. 1—16.

³ Ibid., S. 4.

⁴ Ibid., S. 5.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., S. 6.

⁷ Ibid., S. 7.

⁸ Ibid., S. 8.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., S. 9.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., S. 10.

¹³ Ibid., S. 11.

¹⁴ Ibid., S. 12.

¹⁵ Ibid., S. 13.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid., S. 14.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid., S. 15.

²⁰ Ibid.

²¹ Rheinbaben W. Viermal Deutschland. Berlin, 1954.

²² «Коммунист», 1977, № 2, с. 29.

Г. Г. Лазько,

аспирант
(БГУ им. В. И. Ленина)

**ПОЛЬША И ФРАНКО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР
О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ
(май 1935 г.— март 1936 г.)**

Побуждаемая антисоветизмом и страхом перед борьбой трудящихся, великодержавными иллюзиями, «санация» выступила против франко-советского договора и коллективной безопасности в Европе. Одновременно своей позицией она предоставила удобный аргумент противникам договора во Франции. Вслед за фашистской Германией «санационная» Польша сыграла существенную роль в том, что франко-советский договор не стал составной частью системы коллективной безопасности.

Советская историография уделяет большое внимание истории франко-советского договора о взаимопомощи. Только в последнее время вышли из печати работы З. С. Белоусовой, В. Я. Сиполса, А. А. Шевякова и др.¹ Франко-советский договор рассматривается в этих работах в плане исследования проблемы коллективной безопасности в Европе, а также изучения отношений СССР с отдельными странами. Важность исследования этих вопросов несомненна. Договор между СССР и Францией, рассматривавшийся при его подготовке как один из элементов коллективной безопасности в Европе, был такой осью, вокруг которой в середине 30-х гг. вращалась европейская политика. Он стал пробным камнем, на котором прошла проверку не только внешняя политика Франции, но и стран Восточной Европы, прежде всего Польши. Поэтому представляет большой интерес исследование вопроса об отношении Польши к франко-советскому договору.

Еще до подписания франко-советского договора стало известно, что одной из причин негативного отношения польских правящих кругов к созданию системы коллективной безопасности является их нежелание разрешить транзит советских войск через территорию Польши². Советское правительство согласилось, чтобы Польша была освобождена от обязательства о пропуске войск в рамках

будущего регионального соглашения о взаимопомощи. Ей было предложено взять на себя обязательства о консультации, ненападении и неоказании помощи агрессору³. Польское правительство как будто согласилось с этим, но его позиция оставалась непоследовательной.

Большое значение для определения Польшей дальнейшего курса в этом вопросе приобрели переговоры в Варшаве французского министра иностранных дел Лавалья (10—11 мая 1935 г.), состоявшиеся после подписания франко-советского договора. Перед отъездом Лавалья в Варшаву польский посол в Париже советовал своему правительству использовать важную позицию Польши в намечавшейся международной комбинации, чтобы вести переговоры с Францией «без спешки и на уровне равенства, поскольку сейчас она не имеет возможности оказать давление на нас и непосредственно нам ничего пожертвовать не может»⁴. Этот совет оказался излишним, так как сам Лаваль в ходе переговоров убедил своих собеседников, что целью той части французских правящих кругов, которую он представлял, является не безопасность в Европе, а соглашение с Германией.

Лаваль не скрывал, что он рассматривает идею пакта о ненападении и консультации лишь как средство для достижения соглашения с Германией. В этом договоре, говорил он польскому министру Беку, «прежде всего имелось бы в виду вовлечение Германии в международную систему безопасности... Такой пакт имел бы значение и для Польши. В момент его заключения франко-русский договор был бы не нужен»⁵. Лаваль просил, чтобы Бек помог ему склонить Германию к участию в этом пакте. Позднее он повторил свою просьбу и в беседе с польским послом в Париже⁶. Вопрос о практическом применении франко-советского договора, в частности о пропуске через территорию Польши советских войск, в ходе переговоров не обсуждался⁷. Это вполне устраивало Варшаву. Одна из «санационных» газет писала после визита Лавалья, что «нет никаких оснований» выдвигать против франко-советского договора «даже такое естественное возражение, как вопрос, каким образом Советы могли бы оказать Франции военную помощь. Достаточно принять за очевидное, что это не может произойти в виде прохода советских войск через польскую территорию и что Франция понимает это так же, как и Польша»⁸.

Изложенная Лавалем в ходе переговоров в Варшаве позиция не могла побудить руководство «санации» к тому, чтобы благоприятно отнестись к франко-советскому договору и идее коллективной безопасности в целом. Бек не дал Лавалю определенного ответа на вопрос об отношении своего правительства к многостороннему пакту о ненападении. Озабоченный сохранением «дружбы» с Германией, он лишь предупредил, что оно не пойдет на соглашение, ослабляющее двусторонние договоры Польши с соседями⁹.

Польско-французские переговоры и состоявшаяся через неделю встреча Лавалья с Герингом, организованная с помощью Бека¹⁰, были восприняты в Варшаве как одобрение со стороны Франции курса «санации» на сближение с гитлеровской Германией. Поэтому она без колебаний пошла дальше в этом направлении, закрыв глаза на явные приготовления германского фашизма.

После «пацифистской» речи Гитлера 21 мая, в которой тот лицемерно высказался за двусторонние договоры о ненападении и против коллективных соглашений, «санационная» Польша также окончательно определила свою позицию. Во время переговоров с Гитлером и Нейратом в Берлине в начале июля Бек заявил, что если канцлер считает «вредными» действия, которые направлены на то, чтобы «растворить такое важное событие, каким является польско-германское соглашение, в каких-то туманных, общих коллективных договорах», то и Польша даст этим попыткам «отрицательный ответ»¹¹.

Ссылаясь на разъяснения Лавалья относительно франко-советского договора, Бек сообщил, что этот договор «не налагает на Польшу каких-либо новых обязательств». Этим он подтвердил, что Лаваль в Варшаве не ставил перед «санацией» как перед союзницей Франции вопрос об éventуальном участии Польши в реализации франко-советского договора. Поэтому Бек заверил руководителей рейха, что польское правительство строит свои отношения с Францией вне зависимости от ее договора с Советским Союзом¹². «Германское правительство может быть уверено,— заявил он,— что Польша не пойдет на какое-либо предложение, направленное на изоляцию Германии, как на противоречащее соглашению от 26 января 1934 г.»¹³ В итоге было решено укрепить существующие между Германией и Польшей контакты «перед лицом со-

ветско-французского договора и ведущихся переговоров о всеобщем пакте о ненападении»¹⁴.

Германское правительство осталось довольно результатами переговоров. Поставленная им цель: «нанести удар по франко-русскому пакту» — была достигнута¹⁵. Иной была реакция Франции. Один из французских журналов правого направления писал, что «ориентация польской политики на Германию, завещанная маршалом Пилсудским, усиливается Бекем. Спрашивается, чем становится в этих обстоятельствах франко-польский союз?»¹⁶

Франко-польские переговоры во время визита Лавалея в Варшаву и переговоры Бека в Берлине явились ключевыми моментами, окончательно определившими враждебное отношение «санации» не только к франко-советскому договору о взаимопомощи, но и к проекту регионального соглашения о ненападении, консультации и неоказании помощи агрессору. Поскольку СССР был наиболее активным и последовательным сторонником коллективной безопасности в Европе, то с этого времени польско-советские отношения резко ухудшились. В дни работы VII конгресса Коминтерна пилсудчиковская пресса развернула злобную антисоветскую кампанию. По словам заместителя наркома иностранных дел Б. Стомонякова, она «побила все рекорды» антисоветской клеветы. «Это доказало (для тех, кто недостаточно понимал), что в пилсудчиках мы имеем смертельных врагов, поджидающих первого подходящего случая, чтобы выступить против нас»¹⁷, — писал Б. Стомоняков временному поверенному в делах СССР в Польше.

В это же время польский генштаб начал разработку плана войны с Советским Союзом. Этот план был утвержден в начале марта 1939 г.¹⁸, когда над Польшей стали сгущаться тучи германской агрессии.

«Санация» не смогла вовремя разглядеть эту грозную опасность. В течение 1935 г. на базе борьбы с франко-советским договором она продолжала укреплять свои отношения с Германией¹⁹. При этом польские круги закрывали глаза на существовавшие между обеими странами противоречия, в том числе из-за Гданьска и огромной задолженности Германии за транзит через территорию Польши²⁰.

Для нажима на Францию польская дипломатия попыталась использовать зависимость французской внешней

политики от Англии, стремление английских кругов к «умиротворению» фашистской Германии. Во время встречи с министром иностранных дел Англии Хором (сентябрь, Женева) Бек внушал ему мысль, что препятствием к «ослаблению напряженности» между Францией и Германией является «русская политика» Парижа²¹. Угодничая перед гитлеровской Германией, Бек поручил Лишскому, польскому послу в Берлине, сообщить Гитлеру о своей беседе с Хором. Одновременно посол подтвердил Гитлеру, что отношение Польши к Франции рассматривается в Варшаве «независимо от франко-советских отношений... В этом вопросе мы не позволим втянуть себя в какие-либо комбинации»²².

Все же, учитывая политическую борьбу во Франции накануне парламентских выборов, Германия и Польша не рисковали оказать более сильное давление на Лавалю, опасаясь, что это ускорит его отставку. По мнению Бека и Нейрата, обсуждавших данный вопрос, в случае отставки Лавалия правительство возглавит Эррио, что приведет к дальнейшему франко-советскому сближению²³. Поэтому «санацию» устраивала тактика «тихого» саботажа франко-советского договора, проводимая Лавалем при опоре на реакционные круги французской буржуазии. Когда стало ясно, что сорвать его ратификацию не удастся, польская дипломатия ухватилась за идею провозглашения декларации о важности для Франции союза с Польшей и о том, что он не нарушен новым договором²⁴. Это была попытка умалить значение франко-советского договора.

На основании анализа материалов, раскрывающих отношение Польши к франко-советскому договору в этот небольшой отрезок времени, от его подписания до ратификации, можно прийти к следующим выводам.

Считая польско-германскую декларацию 1934 г. своим первостепенным, основополагающим успехом, «санационные» круги с этого времени строили свою внешнюю политику прежде всего исходя из интересов укрепления отношений с Германией; во франко-советском договоре и региональном договоре коллективной безопасности они увидели угрозу для этих отношений. В октябре 1935 г. в одной из бесед с французским послом заместитель министра иностранных дел Польши Шембек говорил, что «правительство Гитлера является единственным герман-

ским правительством», с которым Польша смогла договориться, поэтому оно «наиболее полезно» для Варшавы. На его место могли бы прийти или враждебные Польше прусские юнкеры, или коммунисты. «Приход вторых к власти, говорил Шембек, был бы равнозначен возврату к политике Рапалло, представляющей для Польши наибольшую опасность. При антисоветских настроениях «третьего рейха» эта опасность в настоящее время неправдоподобна»²⁵.

Не только франко-советский договор о взаимопомощи, но и коллективное соглашение о ненападении и консультации не устраивало «санацию», так как оно привело бы к дальнейшему увеличению веса Советского Союза в международных делах, росту его авторитета среди широких народных масс. Это вызывало особый страх в связи с развивавшимся в Польше и во Франции движением Народного фронта, в котором «санация» видела «происки Москвы».

В ряде донесений польского посольства в Париже говорилось о «плане Москвы», состоявшем якобы в том, чтобы с помощью французских коммунистов, их тактики Народного фронта, создать во Франции правительство, «благожелательное к Советам», и помешать франко-германскому сближению²⁶. В июле в беседе с Шембеком накануне своего визита в Берлин Бек говорил, что если во Франции победит Народный фронт, то для Польши «станет необходимостью еще большее укрепление дружественных отношений с Германией»²⁷.

Франко-советский и связанный с ним чехословацко-советский договоры укрепляли позиции Чехословакии, предоставляя ей гарантию безопасности. Это наносило удар по агрессивным замыслам «санации», мечтавшей о присоединении Тешинской области и установлении общей границы с Венгрией путем раздела Словакии²⁸. В 1935 г. появилась книга Вл. Студницкого, в которой эти планы обосновывались ссылками на нежизнеспособность чехословацкого государства. В ней говорилось: «Частичный раздел Чехословакии, и даже ее раздел наполовину, является естественным, потому что это государство построено вопреки географическому, историческому и этнографическому принципам»²⁹.

Не случайно, что именно накануне и после подписания договоров о взаимопомощи между СССР, Францией и

Чехословакией резко обострились польско-чехословацкие отношения. Польские правые газеты писали, что Чехословакия превратилась в советскую военную базу. Посол Польши в СССР Лукасевич пытался найти связь между советско-чехословацким договором и подписанной в это время конвенцией о воздушном сообщении между Москвой и Прагой³⁰. А польскому послу в Праге даже казалось, что «советская армия начинает оказывать все большее влияние на проблему обороны ЧСР»: по его словам, она активно участвовала в строительстве аэродромов на территории Чехословакии³¹. Бек отклонил предложенное Лавалем посредничество в улаживании отношений между Варшавой и Прагой и даже отказался отвечать на вопрос, который волновал Бенеша: нападет ли Польша на Чехословакию в случае агрессии Германии против нее?³²

Кроме перечисленного, договоры СССР с Францией и Чехословакией и в целом вся система коллективной безопасности, за которую боролся Советский Союз, препятствовали великодержавным устремлениям «санации», ее претензиям на главенствующую роль в Восточной Европе.

Однако, несмотря на все перечисленные мотивы отрицательного отношения польских правящих кругов к франко-советскому договору, на наш взгляд, существовала возможность присоединения Польши к региональному пакту о ненападении и консультации. Об этом говорит вся ее выжидательная, колеблющаяся политика во время переговоров о Восточном пакте и подписания франко-советского договора. Для ее присоединения к такому соглашению был необходим толчок со стороны Франции, основной союзницы Польши. Это мог быть как политический, так и финансовый толчок. В связи с экономическими трудностями Польша в конце 1935 г. усиленно изыскивала рынок для получения иностранного займа. Для стоявшей у власти группировки заем был особенно острой необходимостью как средство для укрепления своего положения в связи с междоусобной борьбой за власть, развернувшейся после смерти Пилсудского. Советник польского посольства в Париже Мюльштейн, связанный родственными узами с домом Ротшильдов, взялся помочь получению займа во Франции. По сведениям Шембека, Мюльштейн считал, что был выбран «самый худший момент, чтобы хлопотать о французских капиталах», так

как в последнее время Польша по всем вопросам выступала против политики Франции³³. Но именно Франция в 1936 г. предоставила Польше крупный заем, получив взамен некоторые уступки для французского капитала.

Дело, конечно, не только в займе. Французский буржуазный историк Шастенэ утверждает, что франко-советский договор мог стать эффективным лишь в том случае, если бы ради него Франция пожертвовала своим союзом с Польшей³⁴. Но это не так. Правящие круги «санации», несмотря на демонстрировавшуюся ими дружбу с гитлеровской Германией, не испытывали полного доверия к ней. Народные массы были настроены откровенно враждебно. Перед лицом стремительно вооружавшегося рейха Польша не рискнула бы разорвать союз с Францией. Однако нажима в пользу регионального пакта о ненападении и консультации со стороны Франции не последовало, хотя после смерти Пилсудского, когда положение Бека пошатнулось, такой нажим мог бы принести результаты.

Более того, французские правые круги, олицетворением которых был Лаваль, напуганные успехами Народного фронта, затормозили развитие отношений с Советским Союзом и сами искали пути для соглашения с Германией. В этом «санация» видела оправдание собственной политики в отношении Германии и СССР. Одновременно французская реакция нашла в ее позиции удобный аргумент для использования в борьбе против франко-советского договора, за соглашение с гитлеровской Германией. Противники дополнения договора военной конвенцией указывали на позицию Польши, враждебную пропуску советских войск³⁵. Профашистская пресса вроде «Ревю эбдомадэр» писала о необходимости выбирать между союзом с Польшей и союзом с Москвой³⁶. При этом предпочтение отдавалось первому. Одновременно раздавались призывы трансформировать польско-французский союз и польско-германскую декларацию в тройственный франко-германо-польский договор³⁷.

Все эти голоса выражали мнение влиятельных французских кругов, в их числе военных. В записке военного министерства от 27 января 1936 г. говорилось, что ратификация договора с Москвой станет препятствием для «возрождения» франко-польского союза и приведет к

сближению Варшавы с Берлином. «Дело примет еще более серьезный оборот,— говорилось в этом документе,— если встанет вопрос о том, чтобы дополнить наш политический договор с СССР военным соглашением. Военный союз с Польшей несомненно совместим с русским военным союзом. Необходимо будет выбрать»³⁸.

Таким образом, Польша сыграла существенную роль в том, что франко-советский договор о взаимопомощи не стал реальной составной частью основы системы коллективной безопасности в Европе.

¹ Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974. Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М., 1977; Михутина И. В. Советско-польские отношения. 1931—1935. М., 1977.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 483 (далее цит.: ДВП СССР).

³ Там же, т. 18, с. 266, 269—270.

⁴ Историко-дипломатический архив Министерства иностранных дел СССР, ф. 2-д, оп. 3, д. 19, л. 107 (далее цит.: ИДА).

⁵ Там же, л. 96.

⁶ Там же, д. 18, л. 88.

⁷ Там же, л. 96—97; д. 19, л. 93—97.

⁸ «Tygodnik ilustrowany», 19 maja 1935.

⁹ ИДА, ф. 2-д, оп. 3, д. 18, л. 96; д. 19, л. 96.

¹⁰ См.: *Diariusz i teki Jana Szembeka*, t. 1. London, 1964, s. 297—298.

¹¹ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 106, л. 12; Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. М., 1969, с. 274 (далее цит.: ДМИСПО).

¹² ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 106, л. 28.

¹³ Там же, л. 19.

¹⁴ Там же, л. 26.

¹⁵ Дневник посла Додда. 1933—1938. М., 1961, с. 333.

¹⁶ «Revue des Deux Mondes», 16 juillet 1935, p. 479.

¹⁷ ДВП СССР, т. 18, с. 504.

¹⁸ См.: *Feret St. Polska sztuka wojenna. 1918—1939. Warszawa*, 1972, s. 91.

¹⁹ О польско-германских отношениях этого периода см.: Климовский Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975.

²⁰ См.: *Diariusz...*, t. 1, s. 323—324, 339, 342, 345—346.

²¹ ДМИСПО, т. 6, с. 278.

²² ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 106, л. 70.

²³ Там же, л. 59.

²⁴ Там же, ф. 2-д, оп. 3, д. 19, л. 60—61.

²⁵ Там же, д. 18, л. 75.

²⁶ Там же, д. 17, л. 88—89, 105.

²⁷ *Diariusz...*, t. 1, s. 328.

²⁸ См., в частности: Pamiętniki Józefa Becka. Warszawa, 1955, s. 40, 76.

²⁹ Studnicki W. System polityczny Europy a Polska. Warszawa, 1935, s. 289.

³⁰ ДВП СССР, т. 18, с. 378.

³¹ См.: Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1933—1938. Warszawa, 1963, s. 171.

³² См.: Dziennik..., т. 1, s. 289.

³³ См.: Dziennik Szembeka. Warszawa, 1954, s. 54—55.

³⁴ См.: Chastenet J. Declin de la Troisième République. 1931—1938. Paris, 1962, p. 113.

³⁵ «Revue des Deux Mondes», 15 septembre 1935, p. 296.

³⁶ «Revue hebdomadaire», 30 mars 1935, p. 633; 6 avril 1935, p. 122.

³⁷ Vibray R. de. 1935... paix avec l'Allemagne? Paris, 1934, p. 219.

³⁸ Documents diplomatiques français, 2e série, t. 1, p. 153; См. также: Белогловский Е. С. Из истории ратификации советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г.—«Французский ежегодник. 1968». М., 1970, с. 186—187.

Д. Б. Мельцер,

д-р ист. наук, профессор
(БГУ им. В. И. Ленина)

**ЭСКАЛАЦИЯ АНТИСОВЕТИЗМА
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
МОНАРХО-ФАШИСТСКОЙ БОЛГАРИИ
В 1936—1937 гг.**

После установления монархо-фашистской диктатуры правящие круги Болгарии стали проводить откровенно враждебную СССР политику, которая неизбежно вела к внешнеполитической изоляции страны и усилению опасности, грозящей ей со стороны нацистской Германии.

На протяжении шестидесяти лет своей истории советский народ под руководством Коммунистической партии неуклонно боролся за мир и сотрудничество между народами. «Советская власть родилась под знаком ленинского Декрета о мире,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев 2 ноября 1977 г.,— и с той поры вся внешняя политика нашей страны пронизана миролюбием. Объективные исторические условия продиктовали ее конкретное содержание: курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем»¹.

Между тем в последние годы на Западе появилось значительное количество новых трудов буржуазных исследователей, в которых продолжается фальсификация истории взаимоотношений между Советским Союзом и капиталистическими странами в межвоенный период, в частности с Болгарией. Так, профессор Колумбийского университета Н. Орен в книге «Болгарский коммунизм. Путь к власти. 1934—1944 гг.», изданной в 1971 г. в Нью-Йорке и Лондоне, тщетно пытается доказать, что якобы «большевистская угроза» делала невозможными нормальные отношения Болгарии с Советским государством².

Советский Союз, который всегда с уважением относился ко всем странам, большим и малым, стремился к налаживанию дружественных отношений и с Болгарией, расширению торговли, развитию культурных связей. После установления болгаро-советских дипломатических отношений в июле 1934 г. создавались реальные условия для налаживания конструктивного сотрудничества в обоюдных интересах³. Однако с падением в январе 1935 г. правительства К. Георгиева реакционные силы вернулись к политике откровенного антисоветизма. Эта тенденция проявилась при «переходных» правительствах П. Златева и А. Тошева и особенно ощутимой стала с установлением открытой монархо-фашистской диктатуры царя Бориса III.

Прежде всего Борис III не мог примириться с тем, что донесения посланника Д. Михалчева из Москвы в целом объективно оценивали внутреннюю обстановку, миролюбивую внешнюю политику, растущий международный авторитет Советского государства. Царь и его окружение считали, что посланник «большевизирован» и его мысли и действия противоречат внешнеполитической линии страны. Д. Михалчев был отозван из Москвы. 1 марта 1936 г. он уведомил Наркоминдел СССР о своём отъезде⁴.

Новым посланником был назначен Н. Антонов. По мнению Бориса, его деятельность должна была носить чисто прагматический характер. Никаких инструкций от царя Антонов не получил. Премьер-министр Г. Кюсеиванов сказал посланнику об отсутствии у него каких-либо поручений, ибо он убежден, что с русскими говорить не о чем. Н. Антонов в своих воспоминаниях пишет: «Было ясно, что я отправляюсь в Советский Союз просто как наблюдатель, лишенный всяких политических директив»⁵.

29 марта 1936 г. посланник прибыл в Москву. Спустя три дня он был принят Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым, которому вручил верительные грамоты. Во время беседы, состоявшейся после официальной церемонии, М. И. Калинин выразил уверенность, что политические, экономические и культурные отношения между двумя государствами будут успешно развиваться. Встречаясь с советскими дипломатическими деятелями (Н. Н. Крестинским, Б. С. Стомоняковым и др.), Н. Антонов убедился в стремлении Советского Союза поддерживать дружественные отношения с Болгарией, его заинтересованности в обеспечении мира на Балканах. Как он сообщал в МИД, в ходе этих бесед подчеркивалось, что СССР установил дипломатические отношения с Болгарией не для того, чтобы насаждать там коммунизм, а для того, чтобы развивать связи со страной, которая является непосредственной соседкой⁶.

13 апреля Н. Антонов был принят народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым, вернувшимся из зарубежной поездки. Как свидетельствует запись, сделанная советским наркомом, эта встреча была весьма откровенной. Болгарский посланник, выразив неудовлетворение состоянием связей с Советским Союзом, отметил, что ожидал от восстановления дипломатических отношений гораздо большего. Н. Антонов говорил, что в Москве существует недоверие к его стране. Нарком иностранных дел возразил: слово «недоверие» совершенно не подходит в этом случае. Возможно, еще не забыт факт участия Болгарии в мировой войне на стороне Германии, поражение в которой отбросило страну в ряды недовольных ревизионистских государств. Некоторые круги, может быть, наше нынешнее отношение к Германии, отчасти автоматически переносят и на Болгарию. Эти обстоятельства, однако, подчеркнул М. М. Литвинов,— не должны быть «помехой к установлению наилучших отношений между СССР и Болгарией»⁷.

Конференция в Монтрё (июнь—июль 1936 г.) убедительно продемонстрировала стремление Советского Союза к миру на Балканах и Черном море. Благодаря его твердой позиции был сделан для того времени шаг вперед в интересах черноморских государств. Новая конвенция, отмечал Д. Казасов, означала победу советской дипломатии, защитившей и интересы Болгарии⁸.

Последовательный курс Советского Союза на создание эффективной системы коллективной безопасности не находил взаимопонимания в правящих кругах Болгарии. Напротив, их дипломатическая деятельность строилась на антисоветской основе. В течение 1936 г. Борис III посетил Лондон и Париж, Рим и Берлин с целью найти поддержку своим ревизионистским притязаниям. Лондонские и парижские встречи убедили его в том, что Форин Оффис, и особенно Кэ д'Орсэ, все еще рассчитывают вовлечь Болгарию в Балканскую Антанту, не нарушая статус-кво этого региона. Визит царя в Рим показал, что здесь сдержанно относятся к его планам и по-прежнему желают использовать Болгарию в собственных интересах. Борис III и его окружение все больше склонялись к «взаимопониманию» с гитлеровской Германией, которая, прикрываясь «угрозой» мирового коммунизма, приступила к ликвидации Версальского договора.

Пользуясь попустительством западных держав, «третий рейх» расширял и укреплял свои позиции в Юго-Восточной Европе. Особый интерес проявлялся к Болгарии, которая как черноморское государство являлась удобным плацдармом для нападения на СССР. Болгарское правительство не противилось гитлеровским домогательствам на Балканах. К этому времени Германия прочно заняла господствующее положение в болгарской внешней торговле. В 1936 г. ее доля в импорте достигала 61% и почти половина всего экспорта закупалась рейхом⁹. По наблюдениям иностранных дипломатов, германский экономический натиск преследовал цель завоевать Болгарию «окончательно на свою сторону»¹⁰.

15 июня 1936 г. в Софию прибыл глава рейхсбанка, министр финансов и экономики Я. Шахт. Он был принят Борисом III, встретился с Г. Кьосеивановым и управляющим Болгарским банком Д. Божиловым. Шахт пытался рассеять опасения, царившие здесь, относительно растущей зависимости внешней торговли Болгарии от рейха. Он рисовал радужные перспективы экономического сотрудничества, подчеркивал, что Германия заинтересована в дальнейшем расширении поставок болгарских товаров на основе клиринга¹¹. Судя по французским дипломатическим документам, во время переговоров Шахт действовал с крайней беззастенчивостью, грубо навязывая свои условия¹². И хотя болгарские власти не скры-

вали озабоченности ростом клиринговой задолженности (в начале 1936 г. она достигла 600 млн. левов¹³), Шахту удалось добиться успеха. Болгария проявляла большую заинтересованность в приобретении германского вооружения, особенно новейших типов самолетов «Хенкель-111»¹⁴. Подписанное летом 1936 г. в Берлине секретное соглашение с Болгарией предусматривало поставку последней оружия в кредит на сумму в 12,5 млн. рейхсмарок со сроком выплаты в пять лет¹⁵.

Советский полпред в Софии в письме заместителю народного комиссара иностранных дел Н. Н. Крестинскому от 30 ноября 1936 г. сообщал: «В последнее время Германия заметно активизировала свою работу в Болгарии. Она тратит крупные суммы на подкуп общественных деятелей, имеющих вес и влияние, а также на покупку болгарских газет... Болгария увеличивает военные закупки в Германии. Недавно прибыла новая партия аэропланов... Сейчас болгары ведут переговоры о покупке в Германии подводных лодок для Черного моря»¹⁶.

Советская общественность не скрывала озабоченности по поводу экспансионистских планов фашистской Германии на Балканах, в частности в Болгарии. Посланник Н. Антонов сообщал своему правительству 6 августа 1936 г., что переговоры Я. Шахта в Софии расцениваются в Москве, как стремление Болгарии «присоединиться к фронту Германии против Советской России»¹⁷.

Важную роль на пути болгаро-германского сближения сыграл визит царя Бориса в Берлин в августе—сентябре 1936 г. Он встретился с Гитлером, Герингом, Геббельсом, Нейратом, Шахтом. Вынашивая идею создания антисоветского блока на Балканах, германские руководители высказались за целесообразность болгаро-югославского сближения¹⁸. Если в свое время французская дипломатия добивалась этого для укрепления Балканской Антанты, то намерения Берлина базировались на подрыве ее единства.

Пожелание германского правительства встретило полное одобрение царя Бориса, который считал, что соглашение с самым сильным соседом откроет Болгарии путь для ревизии Нейнского договора за счет Греции и Румынии. Уже на обратном пути в Софию, 5 сентября, Борис III встретился в Белграде с принцем Павлом и премьер-министром М. Стоядиновичем и сделал предложение о

двустороннем договоре о дружбе. Это предложение было повторено Г. Кыосеиановым, посетившим югославскую столицу в середине октября. В результате 24 января 1937 г. в Белграде был подписан болгаро-югославский пакт, который состоял из одной-единственной статьи, гласившей, что между двумя государствами будет существовать нерушимый мир, искренняя и вечная дружба. В действительности же, как отмечает советский историк В. К. Волков, этот пакт был направлен против мирного сотрудничества и коллективной безопасности на Балканах¹⁹. В Берлине, на Вильгельмштрассе были непрочь также использовать Болгарию и для вовлечения Турции в орбиту своей политики. Они хотели бы оторвать ее от дружественных связей с СССР²⁰ (7 ноября 1935 г. между Советским Союзом и Турцией был подписан протокол о продлении на 10 лет договора о дружбе и нейтралитете).

Каждый акт агрессии со стороны гитлеровской Германии находил одобрение в болгарских правящих кругах. Они, в частности, солидаризировались с решением Гитлера о введении всеобщей воинской повинности, одобрительно отнеслись к денонсированию Локарнского договора и вводу германских войск в Рейнскую область, стали на сторону германских и итальянских агрессоров, развязавших захватническую войну в Абиссинии и интервенцию в Испанскую республику. «Не подлежит сомнению,— писал В. Коларов осенью 1935 г.,— что Италия и Германия употребят все усилия, чтобы втянуть Болгарию в свою авантюристическую политику, а болгарские фашисты незамедлительно войдут в такую сделку во имя завоевательных целей на Балканах»²¹.

Фашистская Германия постепенно расширяла свое влияние в Болгарии, добиваясь, чтобы политика болгарских правителей соответствовала ее антисоветским планам. Заклучая антикоминтерновский пакт с Японией, нацисты рассчитывали привлечь к нему и монархо-фашистскую Болгарию²². Однако призраком национальной катастрофы, обозначившейся в годы первой мировой войны, растущее недовольство широкими кругами общественности прогерманской ориентацией заставляли царя Бориса III проявить определенную осторожность и не форсировать оформление германо-болгарского союза. Как сообщал советский полпред в Наркоминдел 30 ноября 1936 г., в Софии понимают, что германо-японский пакт

по сути дела является военным союзом против СССР. «Борьба с коммунизмом в глазах правящего класса Болгарии — актуальный вопрос, и мысль о соглашении с другими державами о борьбе с коммунизмом встретила бы здесь полное сочувствие. Но в данный момент, несмотря на большие германофильские симпатии при дворе, Болгария не хочет открыто присоединиться к Германии и открыто занять враждебную позицию по отношению к СССР. Поэтому, если Германия предложит Болгарии присоединиться к германо-японскому пакту, в данный момент Болгария едва ли решится на этот шаг. Она будет выжидать поведения более крупных держав и, в частности, своих соседей»²³.

Советское правительство не исключало возможности дальнейшего давления на Болгарию с целью вовлечения ее в антисоветский блок. М. М. Литвинов в декабре 1936 г. предупреждал: «Надо допустить, что Гитлер все же еще будет делать попытки расширить базу соглашения (антикоминтерновский пакт.— Д. М.) и будет обращаться к Болгарии...»²⁴

В июне 1937 г. в Софию прибыл германский министр иностранных дел К. Нейрат. Во время переговоров с Борисом III и Г. Кьосенвановым Нейрат твердил о «традиционной дружбе» обоих государств, о стоящих «перед ними одинаковых задачах и целях»²⁵.

Характеризуя складывающиеся отношения Болгарии с «третьим рейхом», английский влиятельный журнал «Грейт Бритн энд зи Ист» указывал, что она находится в исключительной зависимости от Берлина как в политическом, так и в экономическом отношении. «Политика же жестокого подавления любого проявления коммунизма,— подчеркивалось в статье,— показывает, что Болгарии будет трудно отказаться от присоединения к антикоминтерновскому пакту»²⁶.

Ненависть к коммунизму, к СССР оставалась определяющей во внешнеполитической направленности монархо-фашистского режима. Реакционная болгарская печать не упускала случая для злобных нападок на миролюбивую политику Советского Союза. «Зора», а вслед за ней и другие газеты прогерманской ориентации изошрялись в лживой информации из Берлина, Варшавы, различных белогвардейских источников²⁷. Во время визита царя Бориса III в Берлин осенью 1936 г. газеты «Слово», «Днес»,

«Дневник» и другие, как по команде, поместили антисоветские материалы под сенсационными заголовками: «СССР угрожает Германии войной», «Разрыв отношений между СССР и Германией», «Москва готовит кровавые события во Франции» и т. д. Поддерживая распространяемые на Западе мифы об «агрессивности Советского Союза», фашистская печать, таким образом, пыталась оправдать антисоветскую политику правительства.

Советское посольство 29 июня и 31 августа обратило самое серьезное внимание министерства иностранных дел Болгарии на клеветнические выступления в печати²⁸. 23 сентября полпред посетил генерального секретаря МИДа Н. Николаева, а на следующий день — министра внутренних дел Ив. Красновского, исполнявшего тогда обязанности премьер-министра. Оба государственных деятеля отрицали злостный умысел болгарской печати и обещали дать указание цензуре о прекращении публикации антисоветских материалов²⁹.

9 октября посольство СССР снова сделало представление по поводу непрекращающейся газетной кампании антисоветизма³⁰. «Болгарская цензура, — сообщал советский полпред в Наркоминдел 30 ноября 1936 г., — поощряет печатание статей и заметок против СССР... Разумеется, это не случайность, а линия, обусловленная общим курсом болгарской внешней политики»³¹.

Нормальная деятельность советского представительства в Софии становилась все более затруднительной. За зданием посольства политическая полиция установила постоянную слежку³². Власти систематически нарушали дипломатический иммунитет по отношению к сотрудникам посольства. В связи с этим 23 февраля 1937 г. советский полпред посетил премьер-министра Г. Кьосенванова и вручил ему ноту протеста³³.

Откровенная враждебность к Советскому Союзу особенно наглядно проявлялась в области торговли. Противники каких-либо отношений с СССР в качестве решающего довода указывали, что для расширения внешнего товарооборота Болгарии нет «естественных условий». Они обвиняли СССР в том, что он будто бы не желает подписания торгового договора, якобы стремясь таким образом сохранить полную свободу в отношении своего ввоза в Болгарию, но не принимая никаких обязательств относительно покупки болгарских товаров³⁴.

Между тем среди деловых кругов было немало людей, которые понимали значение для Болгарии нормализации экономических отношений с Советским Союзом и настойчиво добивались этого. Они проявили заинтересованность в открытии болгарского торгового представительства в Москве. Центральное правление кооператива «Селски труд» обратилось в Наркомвнешторг СССР с просьбой сообщить условия, на которых можно было бы установить торговые связи ³⁵.

В начале 1936 г. по инициативе девяти софийских кооперативов был учрежден Институт болгаро-советской кооперативной взаимности. По мнению организаторов, он должен был способствовать экономическому сотрудничеству между родственными организациями двух государств. Однако болгарское правительство фактически запретило его деятельность. Первый секретарь советского посольства М. Буравцев сообщил в Москву, что, по мнению официальных властей, учреждение института «является нежелательным, так как-де это не соответствует видам политики правительства в отношении Советского Союза» ³⁶.

С большими трудностями удалось организовать в декабре 1936 г. поездку в СССР группы представителей болгарских кооперативных объединений. Она состояла из 13 человек, придерживавшихся различных политических взглядов, во главе с директором Союза популярных банков И. Палазовым. В беседе с сотрудником Наркоминдела Г. Бежановым Палазов говорил о чрезвычайном интересе к жизни в Советском Союзе, что их приезд должен значительно способствовать дальнейшему сближению между двумя странами. Эти же мысли он высказал на приеме в ВОКСе и в Центросоюзе ³⁷.

Советское государство искренне стремилось к деловому взаимовыгодному сотрудничеству с Болгарией. Оно неоднократно высказывалось за возобновление переговоров о заключении торгового договора ³⁸.

4 декабря 1936 г. Н. Антонов посетил Наркоминдел СССР с целью выяснить позицию Советского правительства к предложению кооперативного общества «Селски труд». Ему было заявлено, что СССР готов закупить названные болгарскими кооператорами товары, как и другие, при условии, что расчет будет вестись путем реализации соответствующего количества советских товаров. Как

сообщал на следующий день Н. Антонов в Софию, разговор проходил в дружеской атмосфере. Советские представители подчеркивали стремление положить конец бездоговорному положению. «Желание установить товарообмен между Болгарией и Советским Союзом,— писал посланник,— равносильно приглашению начать переговоры для заключения болгаро-советского торгового договора», и прототипом его, по мнению Наркомвнешторга, мог бы стать торговый договор с Румынией, заключенный весной 1936 г.³⁹

Н. Антонов проявлял заинтересованность в налаживании сотрудничества между двумя странами. Объективно оценивая интересы Болгарии, он пытался убедить свое правительство в том, что развитие экономических связей с СССР является жизненной необходимостью. 11 февраля 1937 г. посланник пишет новое письмо Г. Кьосеиванову, где настаивает на нормализации болгаро-советских торговых отношений. Она необходима, подчеркивал Н. Антонов, больше болгарам, нежели советской стороне, так как не Советы нуждаются в нашем ввозе, а мы в их. С политической точки зрения положение, однако, обстоит иначе. Советы проявляют заинтересованность к обстановке на Балканах, особенно после заключения болгаро-югославского пакта о дружбе. Учитывая усилия Германии распространить свое экономическое, а следовательно, и политическое влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе, они ощущают необходимость противопоставить этим стремлениям среди прочего и установление торговых связей с надлежащими странами. Хотя Советский Союз строго ограничил свой ввоз только теми материалами, которые способствуют увеличению производства государственной экономики, все же, по крайней мере в отношении нашей страны, он проявляет готовность сделать исключение. Далее Н. Антонов сообщал, что Советский Союз готов начать торговлю, не подписывая договора, если болгарское правительство согласно ограничиться устной договоренностью. В заключение посланник обратился к премьер-министру с просьбой дать ясный ответ на предложение Наркоминдела СССР⁴⁰.

Только 8 февраля из Софии был отправлен в Москву ответ болгарскому посланнику на письмо от 5 декабря. Из него следовало, что излишнее начинать разговор о возобновлении переговоров до тех пор, пока СССР не вы-

разит готовность предварительно принять ряд условий. В качестве одного из них фигурировал отказ предоставить дипломатический иммунитет советским торговым представителям, на них должны распространяться все болгарские законы⁴¹.

Г. Кьосеиванов и его правительство, руководствуясь политическими мотивами, не пожелали прислушаться к трезвому голосу представителей делового мира и продолжали выдвигать СССР такие условия, которые заведомо не могли быть приняты советской стороной. Н. Антонов в телеграмме в МИД от 16 февраля расценил эти требования как отклонение практических предложений Советского правительства. Подобные условия «не имеют никакого шанса быть принятыми Советским Союзом, по крайней мере, пока будут продолжаться нынешние неоправданные или скорее отрицательные политические отношения между ним и Болгарией. При таком положении посольству становится излишним продолжать какие бы то ни было разговоры о торговле с Советским Союзом»⁴².

Таким образом, усилия правящих кругов Болгарии были направлены на срыв любой возможности улучшить отношения страны с СССР.

Действия Бориса III и двора вызывали чувство серьезной тревоги в среде демократической общественности. Глубокие симпатии и уважение болгарского народа вызвала настойчивая и последовательная борьба Советского Союза за мир, за коллективный отпор агрессору. Все сильнее крепло в массах сознание, что обеспечение безопасности самой Болгарии невозможно без тесного союза с СССР. Все ее прогрессивные силы, и прежде всего Рабочая партия, требовали улучшения отношений со Страной Советов. «Партия правильно считала, — подчеркивал Георгий Димитров, — что Советский Союз остается единственной мощной опорой для сохранения мира на Балканах и независимости балканских народов»⁴³.

¹ Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, с. 25.

² См.: Oren N. Bulgarien communism. The road to power. 1934-1944. New York-London, 1971.

³ См. подробнее: Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения. 1917—1935. М., 1975, с. 164—183.

⁴ АВП СССР, ф. 74, оп. 15, д. 1, п. 4, л. 2.

⁵ Антонов Н. Десет години българо-съветски отношения в рамките на световните събития. Спомени. София, 1971, с. 58. (Ру-

копись мемуаров Н. Антонова хранится в архивно-документальном отделе МИД НРБ.)

⁶ Там же, с. 59—60.

⁷ Документы внешней политики СССР, т. 19. М., 1974, док. № 127, с. 225.

⁸ См.: Казасов Д. Бурни години. 1918—1944. София, 1949, с. 585—586.

⁹ См.: Статистически годишник на царство България, т. 30. София, 1938, с. 486—487.

¹⁰ См.: Documents diplomatiques français, 2 série, t. 2. Paris, 1964, p. 611, doc. N 404.

¹¹ «Зора», 16, 17 юни 1936.

¹² См.: Documents diplomatiques français, 2 série, t. 2, p. 611, doc. N 404.

¹³ См.: Бошкович Б. Балканы и международный империализм. М., 1936, с. 97.

¹⁴ «Правда», 1936, 31 марта; Documents on German Foreign Policy, ser. C, vol. 4. Washington, 1962, p. 963, doc. N 481.

¹⁵ Documents on German Foreign Policy, ser. C, vol. 4, p. 1128, doc. N 557. Уже в конце 1936 г. Болгария получила из Германии значительную часть заказанных боевых самолетов. («Правда», 1936, 9 декабря.)

¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 618, 619, док. № 389.

¹⁷ Централен държавен исторически архив, ф. 176, оп. 7, а. е. 219, л. 29 (далее цит.: ЦДИА).

¹⁸ См.: Арсов П. Българо-югославският пакт от 1937 г.—балкански Мюнхен.—«Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс», кн. 1. София, 1961, с. 343.

¹⁹ См.: Волков В. К. Германско-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, с. 165.

²⁰ См.: Documents diplomatiques français, 2 série, t. 2, p. 477-478, doc. N 316; История дипломатии, т. 3. М., 1965, с. 703.

²¹ Централен партийен архив при Института по история на БКП при Централния комитет на Българската комунистическа партия, ф. 3, оп. 4, а. е. 450, л. 206.

²² Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 665, 666, док. № 410.

²³ Там же, с. 620, док. № 389.

²⁴ Там же, с. 666, док. № 410.

²⁵ «Днес», 10 юни 1937.

²⁶ «Great Britain and the East», November 18, 1937, p. 686.

²⁷ Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 436, док. № 276.

²⁸ АВП СССР, ф. 74, оп. 17, д. 5, п. 6, л. 2, 4.

²⁹ Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 435—436, док. № 276.

³⁰ АВП СССР, ф. 74, оп. 17, д. 5, п. 6, л. 6.

³¹ Документы внешней политики СССР, т. 19, док. № 389, с. 621.

³² ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 532, л. 3, 8; оп. 6, а. е. 773, л. 2, 3, 5, 8, 12, 16, 19, 20; а. е. 777, л. 3, 6, 11, 23 и др.

³³ АВП СССР, ф. 74, оп. 17, д. 5, п. 6, л. 1.

³⁴ «Слово», 22 юни 1936; «Последна поща», 6 юли 1936.

³⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 156; «Заря», 3 юли 1936; «Празнични вести», 13, 20 юли 1936.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 6, д. 828, л. 18.

³⁷ См.: Советско-болгарские отношения. Документы и материалы. 1917—1944, т. 1. М., 1976, с. 416—417, док. № 450.

³⁸ См.: Хаджиниколов В. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917—1944). София, 1956, с. 165—170.

³⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 156.

⁴⁰ Там же, л. 164—167.

⁴¹ Там же, л. 157.

⁴² Там же, л. 123.

⁴³ Димитров Г. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 604.

Е. И. Новикова,

канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (1971—1975)

Анализ контактов между СССР и Францией в области литературы, театра, музыки и других видов искусства показывает, что деятели советской культуры стремятся к совершенствованию форм и методов сотрудничества, к повышению его эффективности. Развитие советско-французских культурных контактов способствует углублению духовных связей народов СССР и Франции, является важным фактором мирного сосуществования.

Одним из важных средств духовного общения являются литературные связи. По количеству переводов и тиражу произведения французских писателей занимают в СССР первое место. Они издаются на русском языке и на многих языках народов нашей страны. Большое внимание уделяется знакомству советских читателей с современной французской литературой. За 1971—1975 гг. в СССР были изданы 84 произведения современных писателей Франции. Особенно большими тиражами издавались книги Ф. Мориака, Л. Арагона, А. Моруа, Ф. Эриа, Э. Базена, Р. Мерля, А. Ремакля, Ф. Саган, Ж. Сименона¹. Широко публиковались произведения французских писателей-классиков. Только в 1975 г. были переведены и вышли в свет 43 сборника классической и современной французской литературы общим тиражом 2363 тыс. экземпляров². В течение 1973—1975 гг. книги французских писателей были изданы на девяти языках народов СССР³. Много новых имен современной французской литературы открыли советскому читателю журналы и газе-

ты, особенно журнал «Иностранная литература» и «Литературная газета».

Много сделало в изучении и пропаганде творчества передовых писателей современной Франции, а также писателей-классиков в рассматриваемый период советское литературоведение. Из работ, вышедших в эти годы, следует выделить монографию Е. Ф. Трущенко «Социалистический реализм во французской литературе» (М., 1972), в которой на основе анализа произведений А. Барбюса, Р. Роллана, Л. Арагона, П. Элюара, Ж.-П. Шаброля, П. Куртада, А. Стиля и других исследуются вопросы об исторических предпосылках возникновения социалистического реализма, о путях его становления, о его новаторстве и художественном многообразии.

Творчество многих передовых художников слова Франции близко советскому читателю своим глубоким анализом процессов жизни общества, непримиримостью к капиталистическому строю, буржуазной морали, пониманием того, что только социалистическое и коммунистическое преобразование мира открывает человечеству путь к свободе, равенству и братству.

Советская литература, в свою очередь, вызывает все более возрастающий интерес во Франции. Почетное место среди переводов на французский язык остается за советской классикой. Расширилось знакомство французского читателя с литературой народов СССР, в частности произведениями Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, В. Быкова. В 1971—1975 гг. во Франции вышли в свет произведения 34 советских писателей⁴.

Советскую литературу преимущественно издает крупное прогрессивное издательство «Галлимар». Оно выпускает специальную серию «Советские литературы».

Важной цели удовлетворения растущего интереса французов к советской литературе служит издающийся в СССР на французском языке и приобретший большую популярность во Франции журнал «Произведения и мнения». На его страницах публикуются произведения многонациональной советской литературы, статьи советских литературоведов.

Прогрессивное французское литературоведение ведет интенсивную работу по изучению советской литературы. Здесь следует отметить и анализ творчества отдельных советских писателей, и разбор отдельных произведений

советской литературы, и изучение литературного процесса в целом. Имена многих исследователей советской литературы хорошо известны в нашей стране. Это — ученый литературовед Ж. Перюс, писатели А. Стиль, А. Вюрмсер, П. Гамарра.

Советская литература притягательна тем, что она несет новую мораль, открывает новый мир, показывает облик нового человека — строителя коммунизма. «Французская публика ищет в советской литературе, — писал Ж. Перюс, — образ нового человека, испытавшего с особой силой и сумевшего решить те самые трудности и проблемы, с которыми сталкивается сегодня весь остальной мир. Она хочет знать, как мыслят, чувствуют, живут советские люди... Она ждет от них, от их литературы положительного ответа на вечный вопрос: как жить?»⁵

В рассматриваемое время расширились личные контакты художников слова СССР и Франции, что привело к подписанию в декабре 1975 г. соглашения о сотрудничестве французских и советских писателей⁶.

Таким образом, в общении между народами СССР и Франции литературные связи занимают особое место. «Читать книги другого народа — это в какой-то мере значит взглянуть в его глаза»⁷, — писал французский писатель-коммунист Андре Стиль.

Однако в советско-французском книгообмене наблюдается известная диспропорция. Количество книг советских авторов, публикуемых во Франции, в несколько раз меньше количества книг французских писателей, переводимых и издаваемых в СССР. Подобное положение с книгообменом объясняется прежде всего стремлением правящих кругов Франции оградить широкие трудящиеся массы в своей стране от воздействия высоких гуманистических идеалов советской литературы.

В изучаемый период значительно расширились связи советского и французского народов в области искусства, развивающиеся в самых разнообразных формах. В сфере театрального искусства они прежде всего осуществлялись в виде постановок пьес драматургов той и другой страны. Из репертуаров наших театров не уходит классическая французская драматургия. Во многих советских театрах в сезоне 1974—1975 гг. шли спектакли по 21 произведению современных французских авторов⁸.

Театры Франции ставили главным образом произведе-

дения русских драматургов-классиков. Особенно много внимания их постановке уделял театр «Ателье». Театр Ромена Роллана поставил спектакль «Перелетные птицы» — инсценировка 16-ти рассказов А. Чехова. Об этом спектакле еженедельник «Франс нувель» писал: «Впервые во Франции режиссер спектакля Э. Тамиз показал тонкость и мягкость юмора Чехова-поэта»⁹.

Немало внимания уделяло русской классике и французское телевидение. Здесь были показаны «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, «Три сестры» А. Чехова, «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, «Бег» М. Булгакова и др. Советская драматургия на французской сцене представлена не столь широко. Пьесы советских авторов занимали значительное место только в репертуаре демократических театров «красного пояса» Парижа и некоторых театров провинции. Важным событием театральной жизни Франции явилась постановка в парижском Дворце спорта видным режиссером Р. Оссейном осенью 1975 г. спектакля «Необычный подвиг броненосца „Потемкин“». В создании сценария участвовал президент Парижского литературного и артистического агентства по культурным обменам (АЛАП) известный писатель, драматург и историк Жорж Сориа. Спектакль шел с огромным успехом¹⁰.

С большим успехом в Советском Союзе прошли гастроли известных французских театральных коллективов — театра «Ателье» (в 1971 г.), драматической труппы парижского «Театра де ла Вилль» (в 1972 г.), театра «Комеди Франсэз» (в 1973 г.), одной из самых молодых театральных трупп Франции «Компани дю Котурн» из Лиона (в 1974 г.)¹¹.

В свою очередь, в августе 1972 г. французские зрители принимали Государственный центральный театр кукол, который уже не в первый раз гастролировал в Париже¹².

В начале 70-х гг. было положено начало совместным творческим дискуссиям советских и французских деятелей театра. В июне 1974 г. в Москве состоялась первая встреча. Для участия в ней в нашу страну приезжали известные французские режиссеры и актеры. Это директор парижского «Театра де ла Вилль» Ж. Меркюр, президент национального профсоюза руководителей культурных учреждений Ж. Губер, специалист по детскому театру К. Дасте, директора ряда театров Франции. В ходе встре-

чи обсуждались многие проблемы театра¹³. В октябре 1975 г. общество «Франция—СССР» организовало встречи французских и советских деятелей театра, посвященные проблемам развития современного театрального искусства. В связи с этим во Францию выезжала делегация видных деятелей советского театра во главе с Героем Социалистического Труда народным артистом СССР Ю. Завадским¹⁴.

Успешно развивались и музыкальные связи. На протяжении последних десяти лет на советской сцене шли такие французские оперы, как «Кармен» и «Искатели жемчуга» Ж. Бизе, «Фауст» Ш. Гуно, «Лакме» Л. Делиба, «Манон» Ж. Массне, балеты «Корсар» и «Жизель, или Веллисы» А. Адана, «Коппелия» Л. Делиба, «Болеро» и «Дафнис и Хлоя» М. Равеля. Силами Литовской академической капеллы, детского хора Минской музыкальной школы, симфонического оркестра Белорусской государственной филармонии, группы солистов в 1971 г. в концертных залах Белоруссии и Литвы исполнялась драматическая оратория современного французского композитора А. Оннегера «Жанна д'Арк на костре»¹⁵. В Советском Союзе с большим успехом гастролировала балетная труппа г. Марселя, возглавляемая Роланом Пети.

В Театре искусств в г. Руане в феврале 1975 г. с большим успехом прошла опера М. Мусоргского «Борис Годунов», в которой приняли участие 9 солистов Ленинградского академического театра им. С. М. Кирова¹⁶. Почти два месяца длился «парижский сезон» Большого театра СССР весной 1972 г. Все спектакли прошли с исключительным успехом. Балетная труппа Большого театра «выше всяческих похвал. Поэзия, музыкальность, техника танцоров удивительные. Танец, безусловно, один из тех видов искусства, в котором Россия превосходит всех»¹⁷, — писала «Фигаро». Успешно прошли во Франции выступления балета Латвийской ССР¹⁸.

Во Франции с триумфом гастролировали прославленные коллективы — Краснознаменный ордена Красной Звезды им. А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии, ансамбль песни и пляски Черноморского флота, ансамбль песни и пляски Краснознаменных Белорусского и Киевского военных округов, показательный оркестр Министерства обороны СССР, Государственный академический ансамбль народного танца СССР,

ансамбль «Березка»; выдающиеся дирижеры, певцы, музыканты и танцоры: Е. Светланов, К. Кондрашин, И. Архипова, Е. Образцова, З. Соткилава, Л. Коган, Е. Максимова, В. Васильев, Л. Зыкина и др. Так, ансамбль «Березка» весной 1974 г. дал около 40 концертов, на которых побывало свыше 100 тыс. зрителей¹⁹.

Большим праздником для французской публики явился концерт народной артистки СССР Л. Зыкиной. «Все было русским в этот вечер, — писала газета «Франсуар», — и песни и певица, советская Эдит Пиаф»²⁰. В 1974 г. советской певице была вручена французская медаль «За художественное воспитание» и диплом Общества художественного воспитания Франции.

Французская академия оперной грамзаписи присудила свою высшую премию «Золотой орфей» народной артистке СССР И. Архиповой за партию Марфы в опере М. Мусоргского «Хованщина»²¹.

В свое очередь, в Советском Союзе успешно выступали камерный оркестр Пайяра, оркестр Республиканской гвардии Франции, оркестр Военно-воздушных сил, Национальный симфонический оркестр французского радио и телевидения, квартет Парренен, хор девушек им. Форе, хор французского радио и телевидения и др.

Широко и разнообразно была представлена на советской сцене французская эстрада. Это и выступления мима М. Марсо, и вокального трио «Менестрели», и таких популярных певцов, как Реджани, Беко, Ги Беар, Адамо, Барбара, Эскудеро, Саваж и др.

Дальнейшее развитие получили фестивали музыки. Летом 1974 г. состоялся второй фестиваль русской и советской музыки во Франции (первый проводился в 1969 г.), во время которого звучали произведения М. Глинки, П. Чайковского, С. Рахманинова, Н. Римского-Корсакова, С. Танеева, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Г. Свиридова, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, Р. Щедрина²². В декабре того же года прошел фестиваль французской музыки в СССР. Программа фестиваля включала классическую и современную музыку. Исполнялись сочинения К. Дебюсси, М. Равеля, Константа, Ж. Дютийе, Баллифа и других композиторов²³.

Таким образом, в культурных обменах концертно-исполнительская деятельность имела большой удельный вес. Только в 1975 г. художественные коллективы СССР

дали во Франции 119 спектаклей, солисты — 69 концертов, на которых присутствовало 375 тыс. зрителей. Искусство Франции было представлено в СССР 216 спектаклями и концертами в 1974 г., 101 — в 1975 г.²⁴

Интенсивно и на высоком уровне развивался обмен художественными выставками. Исключительный интерес у французов вызвала выставка «Золото скифских курганов» (октябрь 1975 г. — январь 1976 г.)²⁵. Большим успехом пользовались также выставки «Великие традиции русской резьбы по дереву», выставки советской керамики, работ советских живописцев Ю. Королева и И. Глазунова. Любители же французского изобразительного искусства в СССР смогли посетить выставки произведений художников-импрессионистов, увидеть экспозицию из Лувра, прославленный портрет Моны Лизы Леонардо да Винчи.

Важное место в советско-французских культурных связях занимает обмен фильмами. В течение 1974—1975 гг. в СССР было выпущено в массовый прокат 14 новых французских фильмов²⁶. Проводились недели французского кино в Советском Союзе и советского кино во Франции.

Одной из наиболее эффективных форм развития связей между народами СССР и Франции благодаря своей массовости и разнообразию форм установления контактов стали дни культуры. Их организаторами являются общества «СССР—Франция» и «Франция—СССР». Дни советской культуры во Франции и французской в СССР проводятся с 1966 г. В начале 70-х гг. советскую культуру во Франции представляли Таджикистан (1971), Эстония (1972), Азербайджан (1973), Грузия и Латвия (1974), Украина и Казахстан (1975). В этих республиках прошли дни французской культуры. Во время дней культуры организуются выставки, конференции и симпозиумы по самым различным темам и проблемам, выступления профессиональных артистов и самодеятельных художественных коллективов, встречи делегаций обществ «СССР—Франция» и «Франция—СССР» с рабочими, интеллигенцией, студентами, демонстрируются кинофильмы.

Большое значение для развития духовных связей народов СССР и Франции имеет празднование знаменательных дат. Как свой большой праздник отметили в 1971 г. советские люди столетний юбилей Парижской

коммуны. В дни юбилея состоялись торжественные собрания в Москве, столицах союзных республик. На промышленных предприятиях, в колхозах, учебных заведениях были проведены торжественные вечера²⁷.

Издательство «Наука» выпустило в свет новое фундаментальное исследование советских историков «История Парижской коммуны» (М., 1971). Советские кинематографисты создали научно-документальные фильмы «Алый парус Парижа» и «Интернационал».

Яркой демонстрацией дружбы французского и советского народов явилось празднование во Франции 50-летия образования СССР. В юбилейном году французские коммунисты особенно много внимания уделили пропаганде ленинской национальной политики, достижений советского народа в строительстве коммунизма. В ознаменование юбилея в Париже был проведен фестиваль искусств народов СССР, который стал выдающимся событием в культурной жизни Франции. На протяжении двух месяцев во Дворце спорта выступал коллектив советских артистов, который насчитывал в своем составе более 200 человек и представлял искусство всех союзных и ряда автономных республик²⁸. 14 декабря 1972 г. по инициативе ФКП был проведен торжественный митинг, посвященный 50-летию образования СССР²⁹.

В СССР и Франции широко было отмечено 50-летие установления советско-французских дипломатических отношений.

Необходимо отметить, что взаимный обмен духовными ценностями проходит в процессе непрекращающейся борьбы идей. Советская культура противопоставляется буржуазной антигуманистической культуре, помогая тем самым прогрессивным культурным силам капиталистических государств укреплять свои позиции. Реализуя программу обмена в области литературы и искусства, советская сторона проявляет понятную бдительность, идеологическую бескомпромиссность, не допуская пропаганду расизма и милитаризма, насилия и порнографии.

В развитии советско-французского сотрудничества решающую роль сыграли миролюбивая политика Советского государства и выдающееся значение СССР в развитии мировой культуры. Французская коммунистическая партия, ее органы печати борются за популяризацию литературы и искусства Страны Советов, за расши-

рение франко-советского сотрудничества во всех областях. Член политбюро ЦК ФКП Ролан Леруа писал, что в ознакомлении французов с советской культурой коммунистам принадлежит «уникальная роль»³⁰.

Совершенствуя формы и методы контактов в области культуры, повышая их эффективность, Советский Союз делает все для того, чтобы крепла дружба между советским и французским народами, способствовала сохранению всеобщего мира.

¹ «Новое время», 1976, № 22, с. 19.

² См.: Куманев В. А. Становление советско-французских культурных связей.— «Новая и новейшая история», 1977, № 4, с. 89.

³ «Новое время», 1976, № 22, с. 19.

⁴ См.: Произведения советских писателей в переводе на иностранные языки, вып. 5, 1971—1975. М., 1976.

⁵ Regus J. Introduction à la littérature soviétique. Paris, 1950,

Р. 7.

⁶ «L'Humanité», 2 décembre 1975.

⁷ «Правда», 1973, 8 сентября.

⁸ «Литературная газета», 1976, 21 января, с. 14.

⁹ «France Nouvelle», 20 octobre 1971.

¹⁰ «L'Humanité», 3 juin; 18, 26, 27 septembre 1975.

¹¹ «Театральная жизнь», 1972, № 6, с. 28; «L'Humanité», 14 avril 1972; «Советская культура», 1972, 15 июля; «Театр», 1973, № 10, с. 119—126; «Советская культура», 1974, 14 июня.

¹² «Советская культура», 1972, 19 августа.

¹³ Там же, 1974, 7 июня.

¹⁴ «Советская культура», 1975, 17 октября; «Правда», 1975, 23 октября; «L'Humanité», 23 octobre 1975.

¹⁵ «Литература і мастацтва», 1971, 21 лютага.

¹⁶ «Советская культура», 1975, 18 февраля.

¹⁷ «Figaro», 15 avril 1972.

¹⁸ «Театр», 1972, № 4, с. 46.

¹⁹ «Советская культура», 1974, 30 апреля.

²⁰ Цит. по: «Советская культура», 1971, 2 декабря.

²¹ «Советская культура», 1975, 29 декабря.

²² Там же, 1974, 28 июня.

²³ «Известия», 1974, 10 декабря.

²⁴ «Новое время», 1976, № 43, с. 26.

²⁵ «L'Humanité», 21 octobre 1975.

²⁶ «Литературная газета», 1976, 11 февраля.

²⁷ «Правда», 1971, 18 марта.

²⁸ «Советская культура», 1972, 3 декабря.

²⁹ «L'Humanité», 15 décembre 1972.

³⁰ См.: Леруа Р. Рабочий класс и культура.— «Коммунист», 1974, № 13, с. 80.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Гаранин Л. Н. Из истории рабочего движения в Магдебурге накануне революции 1848—1849 гг.	3
Найборт Л. Е. Венская демократическая печать 1848 г. об освободительной борьбе народов Австрийской империи	6
Беспалая М. А. Антивоенная борьба революционной немецкой молодежи в годы первой мировой войны	10
Титова А. А. Эволюция позиций политических партий Польши по вопросу аграрной реформы во второй половине 1924 г.	20
Космач Г. А. Из истории борьбы Коммунистической партии Австрии за единый рабочий фронт в 1924—1926 гг.	28
Трухнов Г. М. Первая немецкая рабочая делегация в СССР (1925)	38
Шестакова Т. Л. Участие иностранных рабочих и специалистов в строительстве материально-технической базы социализма в БССР	45
Петухов К. М. Первые концентрационные лагеря в гитлеровской Германии в 1933 г.	53
Шупляк П. А. Государственный переворот 20 июля 1932 г. в Пруссии и позиция немецких профсоюзов	62
Бадюкова Т. А. Антивоенное движение польской молодежи в первой половине 30-х гг.	72
Еремина Н. И. Некоторые уроки майских событий 1965 г. в Боливии	80
Елисеев М. Г. О роли мелких правых буржуазных партий в механизме конфронтационной политики империалистических кругов ФРГ (Общегерманская партия)	86
Ермолицкий М. А. Углубление процессов дифференциации в Социал-демократической партии Германии в 1969—1976 гг.	98
Лойко Л. В. Создание системы рабочего самоуправления на производстве в ПНР	108

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Шнеерсон Л. М. Внешнеполитическая переориентация Австро-Венгрии после франко-прусской войны 1870—1871 гг.	119
Климовский Д. С. Усиление антипольских тенденций в политике Германии перед приходом гитлеровцев к власти	133
Лазько Г. Г. Польша и франко-советский договор о взаимной помощи (май 1935 г.— март 1936 г.)	139
Мельцер Д. Б. Эскалация антисоветизма во внешней политике монархо-фашистской Болгарии в 1936—1937 гг.	148
Новикова Е. И. Советско-французские культурные связи (1971—1975)	160